

СТОЛБОВСКІЙ

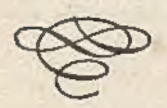
ДОГОВОРЪ и ПЕРЕГОВОРЫ

ЕМУ ПРЕДШЕСТВОВАВШІЕ.

сочиненіе

Н. П. ЛЫЖИНА,

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ АКТОВЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

1857

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

С. Петербургъ, Ноября 23 дня 1856 года.

Цензоръ *В. Бекетовъ.*

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ

ПРИНЦУ ПЕТРУ ГЕОРГІЕВИЧУ

ОЛЬДЕНБУРГСКОМУ

с глубочайшимъ уваженіемъ

посвящаетъ

Авторъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Издавая эту монографію, смѣю надѣяться, что она будетъ не совсѣмъ излишнею въ нашей исторической литературѣ. Исторія Россіи въ 17 вѣкѣ пока обработана не достаточно и причина тому заключается, мнѣ кажется, въ малочисленности обнародованныхъ Русскихъ источниковъ и въ недостаточномъ пользованіи иностранными сочиненіями. Такъ, сочиненіе Галленберга: «Svea Rikes Historia under Konung Gustaf Adolph den Stores Regering», не переведенное, ни на одинъ изъ иностранныхъ языковъ, но необходимое для занимающагося сношеніями Швеціи съ Россіею въ правленіе царя Михаила Өеодоровича, не упоминается почти совершенно нашими историками. Установивъ, при помощи этого и другихъ сочиненій, главный ходъ переговоровъ, я обратилъ особое вниманіе на Посольскія Книги, которыя, какъ извѣстно, хранятся въ Московскомъ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ. Тамъ же списалъ я

другіе перепечатанные въ Приложеніяхъ Русскіе акты. Свѣдѣнія о совѣщаніяхъ Мерика съ боярами въ Москвѣ, почерпнуты мною изъ особой книги Англійскихъ дѣлъ, находящейся въ томъ же Архивѣ.

Изъ переписки царя Михаила Ѳеодоровича съ Мерикомъ и послѣдняго съ Русскими послами, сохранившейся въ Посольскихъ Книгахъ, я напечаталъ только три письма; но они, по моему мнѣнію, отчасти уже объясняютъ отношенія упомянутыхъ лицъ. Считаю своею обязанностью упомянуть съ искреннею благодарностью о князѣ Оболенскомъ, съ согласія котораго я занимался въ Московскомъ Архивѣ.

Въ Англіи до 1752 года былъ въ употребленіи Благовѣщенскій годъ и потому, чтобы вѣрно пользоваться напечатанными въ хронологическомъ порядкѣ письмами Мерика, подлинники которыхъ находятся въ Стокгольмскомъ Архивѣ, необходимо переложить означенные на нихъ годы на январскіе. (Ученыя Записки Императорской Академіи Наукъ по I и III отдѣленіямъ. Томъ II, стр. 318.). Между иностранными актами, почерпнутыми изъ печатныхъ книгъ, обращаю особенное вниманіе читателя на актъ № 15. Онъ вполнѣ подтверждаетъ высказанныя въ самомъ сочиненіи мысли объ отношеніяхъ Швеціи къ сосѣдямъ, и свидѣтельствуетъ о той ясности, съ которою по обыкновенію обсуживалъ Оксенштирнъ (Шведы произносятъ это имя Оксеншерна) внѣшнія сношенія Швеціи. Густавъ Адольфъ, какъ прежде въ Датской войнѣ, дорожилъ мнѣніемъ знаменитаго канцлера; тѣмъ болѣе, что въ этомъ случаѣ онъ дошелъ до одного съ нимъ вывода, ис-

ходя изъ совершенно различныхъ посылокъ. Убѣжденіе, что не слѣдуетъ ввергать государство въ непредвидимыя опасности, изъ-за желанія угодить матери и брату, ближайшее знакомство съ Русскими, наконецъ истощенность Швеціи и помыслы о болѣе славныхъ подвигахъ—вотъ причины, которыя побуждали Густава Адольфа думать о мирѣ съ Россіею. Напрасно иногда противопоставляютъ обдуманному Оксенштирну Густава Адольфа въ видѣ пламеннаго, славолюбиваго юноши, котораго удержало отъ пагубнаго увлеченія одно благоразуміе его совѣтника. Густавъ Адольфъ не уступалъ Оксенштирну въ проницательности и превосходилъ его величіемъ замысловъ.

Какъ для Швеціи началась новая эпоха съ 1611 года, такъ для Россіи съ 1613-го. Замѣчательно, что въ то время въ участи обоихъ этихъ государствъ было много сходнаго. Какъ Россія воевала съ Швеціей и Польшей; такъ Швеція съ Польшей, Даніей и Россіей; въ томъ и другомъ государствѣ начинали свое правленіе молодые государи, права которыхъ еще не были признаны всѣми иностранными правительствами; наконецъ внутри обоихъ государствъ сословія возставали на сословія, граждане на гражданъ: часть народа вполнѣ стояла за отечественныхъ государей, другая искала ихъ извнѣ. Наконецъ католики своимъ религіознымъ фанатизмомъ равно угрожали обоимъ народамъ. Мы не имѣли возможности развить въ предлежащемъ трудѣ всѣ эти обстоятельства подробнѣе, хотя необходимо принять ихъ къ соображенію, чтобы понять политику, которой должны были слѣдовать правительства обоихъ государствъ въ изображаемыхъ нами событіяхъ.

Важна роль, которую призваны играть во всемірной исторіи великіе люди. При всемъ томъ должно сознаться, что они часто служатъ только выраженіемъ своего вѣка, раздѣляютъ обыкновенно его слабости и его достоинства и безъ его содѣйствія не въ состояніи устоять на долго

1

въ борьбѣ съ сильными враждебными народностями. Густаву Адольфу не суждено было испытать этой превратности счастья въ войнѣ съ Россіей, потому что, чувствуя трудность борьбы и не успѣвъ увлечь за собою современниковъ, у которыхъ другіе интересы стояли на первомъ планѣ, онъ остановился во-время. Въ покоренныхъ Русскихъ странахъ его поразила, какъ увидимъ ниже, привязанность Русскихъ ко всему родному, ихъ народная гордость, и, то сомнительные, то враждебные ему поступки. Напрасно жаловались на Новгородцевъ, что они безпечно смотрѣли на завоеванія Шведовъ. Стоитъ только привести на память ихъ рѣшительность, обнаружившуюся въ передачѣ вѣстей о подступившихъ къ ихъ городу Шведахъ, ихъ упорное сопротивленіе и наконецъ ихъ мужественный отказъ признать Густава Адольфа своимъ королемъ, чтобы убѣдиться какъ неосновательны эти обвиненія. Замѣчательно, что Новгородскія власти съ самаго появленія передъ ихъ городомъ Де-Ла-Гарди до заключенія мира Россіи съ Швеціей, во всѣхъ своихъ поступкахъ старались по возможности согласоваться съ тѣмъ, что рѣшатъ всѣхъ чиновъ люди; такъ что когда бы понадобилось отдать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, они безъ труда могли бы оправдаться во всемъ согласіемъ Ляпунова, Пожарскаго и другихъ. Даже бѣглый взглядъ на событія, предшествовавшія и сопровождавшія занятіе Новгорода Шведами, убѣждаетъ насъ, что Новгородцы не были спокойными зрителями успѣховъ Густава Адольфа. Но къ сожалѣнію въ Новгородѣ повторилось почти тоже, что нѣсколько ранѣе случилось въ Москвѣ. Какъ тамъ, свѣдавъ о приближеніи Поляковъ, народъ помышлялъ на перекоръ боярамъ передать городъ Лжедимитрію, такъ тутъ, не довѣряя властямъ, отъ

излишняго рвенія и излишней самоувѣренности, онъ далъ Шведамъ поводъ и возможность безъ труда завладѣть Новгородомъ.

Оставшись, по убіеніи Салтыкова, безъ военачальника и свѣдавъ о преднамѣренномъ походѣ къ Москвѣ, Новгородцы обратились къ троеначальникамъ и изъявили имъ свою покорность. Ляпуновъ, довольный ненавистью Новгородцевъ къ Полякамъ и Салтыкову, назначилъ въ Новгородъ Василья Бутурлина, который, въ противоположность Салтыкову, долженъ былъ ласкать Шведовъ и противодѣйствовать Полякамъ ([1]). Уже Гермогенъ постигъ тактику Поляковъ, высылавшихъ Русскія войска изъ Москвы къ Новгороду, съ цѣлію ослабить одного врага другимъ. Ляпуновъ поступалъ слѣдовательно согласно видамъ Гермогена, пославъ въ Новгородъ Бутурлина, который, договариваясь съ Шведами, долженъ былъ удерживать ихъ отъ непріязненныхъ дѣйствій относительно Россіи. Новгородцы, подозрѣвая всѣхъ въ измѣнѣ и враждуя другъ съ другомъ, вызывали Шведовъ на враждебныя дѣйствія и сами навлекли на себя иноземное иго. Лѣтописецъ слѣдующимъ образомъ описываетъ дѣйствія ихъ: «И грѣхъ ради нашихъ, попущеніемъ Божіимъ, людіе піянствомъ отягчахуся и заповѣдей Божіихъ не послушаша, и въ путѣхъ его не изволиша ходити; искусніи же человѣцы моляхуся Богу день и нощь, прилежаще посту и молитвѣ, ожидающе смерти съ покаяніемъ и причастіемъ и со слезами; овіи же суровіи человѣцы упивающеся, другъ друга утѣшаху и шатанію дерзости прилагаху и глаголаху: неустрашайтеся Нѣмецкаго нашествія, сему граду нашему взяту отъ нихъ не быти, и людей во градѣ нашемъ множество и паки піяніи на градъ лазяще и ругающеся

образомъ безстуднымъ, досаждающе Нѣмцамъ. И многожды сему бываему, во едину нощь, Іюля въ 16 день, сотвориша внезапу Нѣмецкіе люди приступъ великъ къ городу, къ Прусской и Чудинцовской башнямъ, и внидоша во градъ и начаша сѣчи, никому имъ возбраняющимъ въ забралъ,» и т. д. (2).

Бутурлинъ, видя что Новгородъ отстоять не возможно, вывелъ войско изъ города, лишивъ предварительно Шведовъ добычи и заслуживъ своими дѣйствіями одобреніе Ляпунова.—Вслѣдъ за тѣмъ безпокойная часть народонаселенія Новгорода, обезоруженная врагами, принуждена была покориться своей участи. Въ посольскихъ книгахъ сказано впрочемъ, что Де-Ла-Гарди привелъ Одоевскаго и всякихъ чиновъ людей къ крестному цѣлованію за саблей.—Купцы и бояре, предпочитавшіе правленіе Шведовъ безначалію, возвратясь въ Новгородъ, содѣйствовали настроенію умовъ въ пользу послѣднихъ. Сильное нравственное вліяніе имѣлъ примѣръ митр. Исидора и бояр. Одоевскаго, также видѣвшихъ въ Шведахъ защитниковъ порядка и предоставившихъ имъ править Новгородомъ. Вотъ при какихъ обстоятельствахъ Новгородцы покорились Шведамъ.

Свѣдавъ о происшедшемъ въ Новгородѣ, Пожарскій послалъ туда Татищева съ грамотою къ митр. Исидору, боярину Одоевскому и Де-Ла-Гарди. Слѣдуя политикѣ завѣщанной Ляпуновымъ, онъ ласкалъ Шведскаго полководца надеждою, что вся Россія признаетъ надъ собою власть принца Шведскаго. Митр. Исидора и Одоевскаго Пожарскій просилъ вручить Татищеву условія заключеннаго, съ Де-Ла-Гарди договора, и прислать въ Ярославль, изо всякаго сословія въ Новгородскомъ государ-

ствѣ, по два или по три человѣка. Сверхъ того онъ просилъ скорѣйшаго отпуска Татищеву и опасной грамоты для будущихъ пословъ, чтобъ установить частыя сношенія между Новгородомъ и остальною Россіею. Желая поддержать въ Новгородцахъ сочувствіе къ подвигамъ соотечественниковъ, Пожарскій въ грамотѣ къ Исидору и Одоевскому не забылъ упомянуть объ нихъ подробно и краснорѣчиво. Митр. Исидоръ, какъ бы опасаясь обнаружить свои идеи, вставилъ въ отвѣтную грамоту слова самого Пожарскаго. «Вы извѣщали насъ, пишетъ Исидоръ, что вы бояре и воеводы, по милости Божіей собрався съ Зарѣцкихъ, Сѣверныхъ и Замосковскихъ городовъ съ дѣтьми боярскими и съ стрѣльцы и съ козаки и съ мурзы и съ Татары и со всякими служилыми людьми, съ многимъ собратіемъ стоите подъ Москвою и въ Ярославлѣ, и съ Литовскими людьми, которые сидятъ на Москвѣ, въ осадѣ, подъ городами бьетеся безпрестанно, не щадя головъ своихъ, и во многихъ мѣстахъ Литовскихъ людей побили и живыхъ поймали; а межъ себя вы укрѣпилися на томъ, что вамъ домъ Пречистыя Богородицы и Московское государство очищати и Москвы доступати и другу за друга стояти и съ Польскими людьми битися до смерти, и къ вору, который во Псковѣ, не приставати и съ нимъ Россійскаго государства не разоряти и Маринѣ и сыну ея не служити» ([3]). Татищевъ, на котораго было между прочими порученіями возложено узнать о настроеніи умовъ въ Новгородѣ, донесъ, что отъ Новгорода ждать нечего ([4]). Но онъ ошибся. Ненависть къ Швеціи не замедлила обнаружиться какъ только на Русскій престолъ былъ избранъ царь по общему приговору народа. Нерѣшительныя мѣры Де-Ла-Гарди и Эверта Горна, слѣдствіе неувѣренности

самого короля и его совѣтниковъ въ возможности успѣха, содѣйствовали къ усиленію враждебнаго Шведамъ начала. Волненіе въ Новгородѣ возрастало, по мѣрѣ того какъ увеличивались и доходили до свѣдѣнія Русскихъ сомнѣнія Густава-Адольфа. Митрополитъ Исидоръ умно воспользовался отказомъ Карла Филиппа, объявляя, что законъ не позволяетъ нарушить клятвы, данной послѣднему, и явно обнаруживалъ свое расположеніе къ соотечественникамъ, оправдываемое непостоянствомъ Шведскихъ правителей (5). Положеніе Де-Ла-Гарди въ Новгородѣ много напоминаетъ пребываніе Наполеона въ Москвѣ. По недостатку въ продовольствіи, Шведскіе солдаты питались кониною и, защищая укрѣпленія, цѣлые дни проводили на нестерпимомъ морозѣ (6). Де-Ла-Гарди съ трудомъ унималъ возстаніе въ малочисленномъ войскѣ своемъ, постоянно подвергавшемся угрозамъ и насмѣшкамъ Новгородцевъ (7). Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда Густавъ Адольфъ, во̀-время подоспѣвъ на помощь, придалъ имъ новый оборотъ. Всѣ нападенія Русскихъ были отбиты, Трубецкой потерпѣлъ пораженіе близъ Бронницъ, Гдовъ снова перешелъ въ руки Шведовъ. Къ тому присоединился у Русскихъ недостатокъ въ деньгахъ, дѣти боярскіе часто отказывались идти на службу государеву, козаки, по прежнему, грабили и жгли села. Но минутные успѣхи Шведскаго оружія усилили дѣятельность нашего правительства, не истощивъ средствъ его защиты, заключавшейся въ искренней преданности большей части Русскихъ общему дѣлу.

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о настроеніи умовъ въ сѣверной части Россіи, а равно и въ Нотебургскомъ и Кексгольмскомъ уѣздахъ.

Многіе писатели замѣчаютъ, что весь Сѣверъ Россіи былъ преданъ Шведамъ; но это извѣстіе заслуживаетъ мало довѣрія ([8]). Въ Актахъ Археогр. Экспедиціи, напечатанъ, подъ № 76, листъ Шведскаго дворянина Ганса Мунка къ Максиму Васильевичу и ратнымъ людямъ заонежскихъ и оштинскихъ погостовъ ([9]). Въ этомъ листѣ Мункъ увѣщеваетъ жителей упомянутыхъ погостовъ, подчиниться королю Шведскому. Между прочимъ онъ пишетъ: «Буде съ нами о добромъ совѣтѣ не обговоритеся и къ намъ идутъ изъ Великаго Новгорода ратные Нѣмецкіе люди и чаемъ и къ себѣ и велимъ итти прямо на васъ; а сами нынѣ, оставимъ васъ въ острожки, пойдемъ воевати и жечи домовъ вашихъ, да на васъ же придутъ со стороны Нѣмецкіе люди и т. д.» Далѣе онъ пишетъ: «и прошодши тѣ городы, Бѣлоозеро и Каргополь, пойдемъ назадъ войной-же: и вамъ всѣмъ православнымъ Христіанамъ, гдѣ укрыватися». Слѣдовательно Шведы думали начать войну на Сѣверѣ, но не привели въ исполненіе своего намѣренія, кромѣ другихъ препятствій опасаясь встрѣтить сопротивленіе въ жителяхъ. — Приведя на память исторію Ингерманландіи и Кареліи, не трудно убѣдиться, что тамъ въ началѣ 17 столѣтія Русское вліяніе было преобладающимъ ([10]). Впрочемъ самая храбрость, съ которою защищались Потебургъ и Кексгольмъ, служитъ яснымъ свидѣтельствомъ, что жители этихъ городовъ не хотѣли покориться Шведамъ: Кексгольмъ сдался; но изъ трехъ тысячъ человѣкъ, истребленныхъ битвою и цынгою, въ немъ оставалось только сто, вышедшихъ свободно съ имѣніемъ и знаменами. Орѣшекъ сопротивлялся такъ упорно, что и въ 1688 году объ немъ писали, будто изъ всего гарнизона въ немъ уцѣлѣло два человѣка и тѣ, сдавъ крѣпость

Шведамъ, удалились съ честью ([11]). Резидентъ Веберъ ([12]) пишетъ, что по заключеніи Столбовскаго договора многіе изъ жителей Ингерманландіи переселились въ Россію, частью по собственному побужденію, частью по требованію Русскаго правительства, и что потомки ихъ заселили значительное пространство земли.

Принявъ мѣры относительно обороны, Русское правительство отправило пословъ къ императору ([13]), въ Голландію ([14]), Данію ([15]), Францію ([16]) и Англію. Посредствомъ этихъ посольствъ, царь возвѣщалъ иностраннымъ государямъ о своемъ восшествіи на престолъ и просилъ о денежномъ пособіи для веденія войны съ Швеціею или о содѣйствіи заключенію мира.

Идею о необходимости заключенія съ Швеціею мира, нарушеннаго противъ воли Русскаго и Шведскаго правительства, мы въ первый разъ встрѣтили у Ляпунова. Съ тѣхъ поръ она не переставала находить себѣ ревностныхъ поборниковъ въ значительнѣйшихъ сановникахъ Россіи. Мысль, прибѣгнуть въ этомъ случаѣ къ посредничеству Англіи, возникла также до избранія на престолъ Михаила Ѳеодоровича. Король Англійскій пишетъ въ грамотѣ, данной Мерику 1614 г. ([17]) (см. Приб. № 10), что годъ тому назадъ, нѣсколько важныхъ и знатнѣйшихъ лицъ въ Россіи дѣлали послѣднему предложенія, клонившіяся къ благоденствію этой страны, къ водворенію въ ней мира и утвержденію правительства при содѣйствіи Англіи и ея посредничествѣ. Изъявивъ свое сожалѣніе о трудныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ находилось soe flourishing an empire, король выказывалъ самое дружеское къ Россіи расположеніе. Быть можетъ, въ числѣ лицъ, о которыхъ упоминаетъ Яковъ, былъ митрополитъ Фи-

ларетъ. Филаретъ самъ зналъ Англійскій языкъ, имѣлъ съ дѣтства дѣло съ Англичанами и при томъ желалъ мира съ Швеціею.

Шведы съ своей стороны желали мира. Карлъ IX оказалъ Россіи помощь съ цѣлію предупредить намѣреніе Польши относительно Швеціи, и никогда не помышлялъ слить во едино свое государство съ Россіею. Мысль эта родилась въ головѣ честолюбиваго Де-Ла-Гарди. Но она не была основана на вѣрныхъ взглядахъ о тогдашнемъ положеніи Швеціи и о настроеніи Русскихъ. Густавъ Адольфъ мыслилъ вѣрнѣе. Онъ понималъ, что рѣзкое различіе въ вѣрѣ, понятіяхъ и правахъ служило не преодолимымъ препятствіемъ къ приведенію въ исполненіе мысли Де-Ла-Гарди. «Русскимъ врождена ненависть къ иностранцамъ и грубое высокомѣріе»; а потому на ихъ не надо полагаться; они съ нами не соединятся, думалъ Густавъ Адольфъ ([18]). Замѣчательно, что онъ, не смотря на молодость, обнаружилъ столько дальновидности и, не утрачивая своего достоинства, умѣлъ обойти осторожно препятствія. — Война, которую вели въ то время Шведы съ Даніею, отвлекала вниманіе Густава Адольфа отъ Россіи. — По окончаніи Датской войны, онъ сначала, уступивъ просьбамъ матери, отпустилъ сына въ Россію; но не могъ и не хотѣлъ жертвовать выгодами своего государства для того, чтобы доставить брату вѣнецъ царскій. И потому, позволивъ Карлу Филиппу отправиться въ Россію, онъ сдѣлалъ первымъ условіемъ вознагражденіе Швеціи за пособіе, оказанное ею Россіи въ войнѣ съ Поляками.

Густавъ Адольфъ уже тогда требовалъ уступки земель, которыя пріобрѣлъ Столбовскимъ договоромъ. Но въ то самое время, когда Карлъ Филиппъ, на пути въ Россію (Карлъ Филиппъ отправился изъ Стокгольма 18 іюня),

остановился въ Выборгѣ, король Шведскій получилъ черезъ Горна письмо отъ Де-Ла-Гарди, извѣщавшее о выборѣ Русскими царя и о воспослѣдовавшемъ за тѣмъ народномъ движеніи въ завоеванныхъ Шведами Русскихъ областяхъ (Hall. T. III. p. 36.) Въ этихъ извѣстіяхъ Густавъ Адольфъ видѣлъ подтвержденіе своихъ предположеній. Желая воспользоваться представлявшимися выгодами и не рѣшаясь для неудободостижимыхъ цѣлей подвергаться случайностямъ войны, онъ далъ Горну и Де-Ла-Гарди предписаніе, во чтобы то ни стало, заключить миръ съ Россіею, тутъ же уполномочивъ ихъ отступиться отъ правъ Карла Филиппа на Русскій престолъ ([19]). Дальнѣйшіе дѣйствія Густава Адольфа свидѣтельствуютъ о недовѣрчивости къ Русскимъ. Въ одномъ письмѣ онъ пишетъ, что не дозволитъ болѣе водить себя за носъ ([20]). Мы еще болѣе поймемъ желаніе Густава Адольфа окончить войну съ Россіею, если примемъ въ соображеніе, что уже тогда онъ думалъ о происходившемъ въ Германіи и помышлялъ объ усиленіи своего вліянія на Европу. Желая придать болѣе законный видъ дѣйствіямъ своимъ при переговорахъ, которые Густавъ Адольфъ имѣлъ въ виду, онъ объявилъ Новгородцамъ, что Карлъ Филиппъ уступилъ ему право на Россійскій престолъ и требовалъ отъ нихъ присяги ([21]). Въ тоже время онъ приказалъ Де-Ла-Гарди, постоянно договаривавшемуся съ жителями Новгорода и даже обѣщавшему не касаться ихъ религіи, черезъ посредство Новгородскихъ бояръ, склонить царя къ миру. Но послы, Отенскаго монастыря игуменъ Діонисій, да дворяне Воинъ Новокщеновъ, Петръ Лутохинъ, Иванъ Сѣкеринъ, Елизаръ Коренковъ и торговый Михайло Кукольникъ были остановлены въ Торжкѣ, и намѣстникъ этого города объ-

явилъ, что Русское правительство не намѣрено вступать въ переговоры съ Шведами черезъ Новгородцевъ ([22]). Получивъ извѣстіе о неудавшейся попыткѣ Де-Ла-Гарди, Густавъ Адольфъ написалъ ему, что слѣдуетъ возобновить посольство въ Москву ([23]). Въ 1614 году Густавъ Адольфъ присутствовалъ въ собраніи въ Оребро. Тамъ онъ снова написалъ письмо Де-Ла-Гарди, въ которомъ объявлялъ, что удовольствуется уступкою Ивангорода, Нотебурга, Копорья, Ямъ и извѣщалъ о своемъ отъѣздѣ къ мѣсту военныхъ дѣйствій въ Россіи ([24]). Де-Ла-Гарди спѣшилъ исполнить порученіе своего государя ([25]), тѣмъ болѣе, что положеніе Шведскихъ войскъ въ Россіи становилось со дня на день затруднительнѣе. Безпрестанные набѣги козаковъ на Лифляндію, Сумерскую землю и присутствіе Трубецкаго съ царскимъ войскомъ требовало постоянной дѣятельности со стороны Шведскаго полководца.

Де-Ла-Гарди, какъ сказано выше, съ трудомъ держался въ Новгородѣ и нетерпѣливо ждалъ отвѣта отъ царя. Послѣ долгаго ожиданія отвѣтъ прибылъ. Въ немъ царь объявлялъ, что не войдетъ въ переговоры до тѣхъ поръ, пока Шведы не выйдутъ изъ занятыхъ ими Русскихъ земель ([26]). Избѣгая войны, Густавъ Адольфъ уже прежде самъ написалъ письмо царю, и послалъ списокъ съ него Государственному Совѣту, Епке Дротнингенъ и герцогу; но, по совѣту Де-Ла Гарди, не отослалъ его и поспѣшилъ прибытіемъ въ Нарву ([27]). Въ Нарвѣ, Густавъ Адольфъ получилъ письмо отъ Государственнаго Совѣта (Riksrad), представлявшаго ему, что необходимо склонить иностранныя государства содѣйствовать заключенію мира. Густавъ Адольфъ отвѣчалъ, что уже писалъ объ этомъ въ Голландію и Англію и обѣщалъ возобновить свою просьбу че-

резъ ландграфа Морица Гессенскаго ([28]). Мы уже говорили, какимъ успѣхомъ сопровождались послѣдовавшія за тѣмъ военныя дѣйствія Шведовъ. Но, не ограничиваясь обороною, Шведы и сами дѣлали нападенія, проникая далеко на Сѣверъ къ самой Колѣ ([29]). Тамъ война приняла чисто народный характеръ. Жители Шведской Финляндіи на Сѣверѣ воевали съ Русскими и наконецъ заключили между собою мѣстный миръ ([30]). Воюя съ Московскимъ царемъ, король Шведскій старался пріобрѣсть любовь Новгородцевъ. Въ этомъ случаѣ, онъ по прежнему обратилъ свое вниманіе на бояръ и купцовъ. Первыхъ онъ привлекалъ къ себѣ милостями, вторыхъ мѣрами для предохраненія ихъ торговли ([31]). Но, не полагаясь на минутный успѣхъ своего оружія, Густавъ Адольфъ отправился въ Швецію, чтобы оттуда содѣйствовать начатію переговоровъ. Онъ оставилъ въ Россіи Горна. Кромѣ того по его порученію Де-Ла-Гарди написалъ въ Россію письмо слѣдующаго содержанія: Такъ какъ до короля Шведскаго дошли слухи, что на Русскій престолъ избранъ царь, но не было оффиціальнаго о томъ объявленія; при томъ царь не послалъ къ королю посла, какъ заведено между коронованными лицами; то Де-Ла-Гарди получилъ отъ короля своего приказаніе, написать царю письмо и узнать мнѣніе послѣдняго. Де-Ла-Гарди писалъ далѣе: хотя король вполнѣ можетъ надѣяться на успѣхъ, продолжая войну, онъ снова обращается къ царю съ цѣлію доказать Римскому Императору, королю Датскому, Голландія и королю Англійскому, къ которымъ обратились Русскіе съ просьбою о посредничествѣ, что Шведы всегда готовы приступить къ переговорамъ. Вслѣдъ за тѣмъ, онъ просилъ назначить мѣсто и время начатія переговоровъ ([32]).

Возвратясь въ Стокгольмъ, Густавъ Адольфъ не щадилъ труда, чтобы при выборѣ посредниковъ охранить интересы Швеціи. Одна изъ особенностей Столбовскаго договора, придающая ему въ глазахъ нашихъ вящее значеніе, заключается въ участіи, которое вся Европа начала принимать съ того времени въ международныхъ отношеніяхъ Россіи и Швеціи. Религіозные и политическіе виды, сопрягаемые католиками съ войною, происходившею между Русскими и Шведами, съ самаго начала приковали къ ней вниманіе не только правительствъ, но и многихъ частныхъ лицъ въ Европѣ. Казалось, въ то время, когда вся Европа готовилась къ войнѣ за религію, протестантскія государства, къ которымъ обратились Россія и Швеція съ просьбою о посредничествѣ, объявятъ себя въ пользу послѣдней. Но въ этомъ случаѣ государственные интересы взяли верхъ надъ религіозными и нѣтъ сомнѣнія, что большая часть протестантской Европы была за Россію. Уже при жизни Карла V католицизмъ, отстаивая свое существованіе, соединилъ судьбу свою съ судьбою Австрійско-Испанскаго дома. Когда Карлъ V отказался отъ престола, Австрія на время отступилась отъ борьбы съ протестантами и на долю одной Испаніи досталось вести войну съ Англіей и Голландіей, которымъ помогала Франція. Неудачныя попытки Испаніи довели ее до такой степени изнеможенія, что она не могла отважиться снова на какое либо опасное предпріятіе. Но католическіе миссіонеры не отказались отъ своихъ идей и, видя слабость Испаніи, задумали достигнуть своихъ цѣлей другимъ путемъ. Полагая, что на Сѣверѣ Европы протестантизмъ еще не успѣлъ утвердиться, они обратили свое вниманіе на Швецію и Польшу. Попытка ихъ въ

Швеціи имѣла мало успѣха: Карлъ IX, ревностный протестантъ, успѣлъ предохранить Швецію отъ ихъ вліянія. Не такъ было въ Польшѣ. Тамъ правилъ Сигизмундъ, ревностный католикъ. По наущенію іезуитовъ, онъ надѣялся подчинить своей власти Россію и съ помощью ея привесть снова къ покорности отложившуюся отъ него Швецію, оттуда сдѣлать высадку въ Англіи и подавить тамъ протестантизмъ. Но предпріятія Сигизмунда не имѣли никакого успѣха и такъ ослабили Польшу, что іезуиты должны были искать внѣ ея осуществленія своихъ намѣреній. Они обратились къ Австріи. Послѣдняя составила союзъ католическихъ державъ въ Германіи, намѣреваясь успѣть въ томъ, къ чему тщетно стремились Испанія и Польша. Обнаруживавшееся къ концу 1-й четвер. 17-го вѣка стремленіе Австріи не замедлило обратить на себя вниманіе всѣхъ протестанскихъ государствъ. Къ послѣднимъ присоединилась и католическая Франція, оставаясь вѣрною завѣщанной предками политикѣ, направленной къ ослабленію вліянія Австрійскаго дома. Дѣйствуя сообща относительно Австріи, каждое изъ упомянутыхъ государствъ не теряло изъ вида своихъ выгодъ. Не за долго предъ тѣмъ вниманіе Сѣверныхъ Европейскихъ державъ привлекла къ себѣ Россія, боровшаяся за свою самостоятельность. Положеніе, которое надлежало принять этому государству, было тѣсно соединено съ выгодами нѣкоторыхъ изъ Сѣверныхъ державъ и въ то самое время, когда Данія, Швеція, Голландія, Англія и часть Германіи готовились къ войнѣ съ Австріей, между ними зарождался раздоръ по поводу Россіи. Англія стремилась удержать за собою первенство между протестанскими государствами и сопрягала съ Россіею торговые интересы. Данія издавна

видѣла въ Швеціи опаснѣйшую соперницу свою на Балтійскомъ морѣ; сама Германія съ недовѣрчивостью смотрѣла на завоеванія, дѣлаемыя Швеціею въ Россіи ([33]). Одна Голландія желала возвышенія Швеціи, съ цѣлію ослабить Ганзейскіе города и Данію. Но и она оказывала дружеское расположеніе къ Россіи, имѣя въ виду торговыя выгоды. Вѣрно судя о внѣшнихъ отношеніяхъ своего государства, Густавъ Адольфъ посылалъ въ Данію посольства, чтобы устранить Датскаго короля отъ принятія участія въ переговорахъ, призналъ Англійскаго короля посредникомъ, тщательно скрывая свою недовѣрчивость, просилъ Голландію участвовать въ переговорахъ и привлекалъ ее на свою сторону ([34]). Кромѣ того, чтобы не утратить своего вліянія на Германію и заслужить любовь Нѣмецкихъ протестантовъ, Густавъ Адольфъ, съ помощью памфлетовъ, старался убѣдить ихъ, что воюя съ Россіей, онъ намѣренъ распространить въ ней протестантизмъ ([35]). Русскіе знали объ этихъ отношеніяхъ Швеціи къ сосѣдямъ, въ чемъ убѣждаетъ насъ находящійся въ приложеніи подъ № 5 актъ. Оксенштирнъ въ письмѣ къ своему другу Горну прекрасно изобразилъ это расположеніе сосѣдей къ Швеціи, которую окружали одни враги (Vicini nostri plerique aperti hostes, reliqui infidi amici) и высказывалъ положительно, что она не можетъ вести войны въ одно и тоже время съ Польшей и Россіей, совѣтуя искать мира съ послѣдней ([36]).

Постараемся вкратцѣ изобразить мѣры, которыми Густавъ Адольфъ успѣлъ предупредить открытую войну съ сосѣдями и воспользоваться нѣкоторыми изъ нихъ для посредничества въ переговорахъ съ Россіею. Не смотря на миръ, заключенный съ Даніей, положеніе послѣдней

внушало Густаву Адольфу опасенія. Тамъ правилъ король Христіанъ IV, достойный современникъ Шведскаго короля. Густавъ Адольфъ говаривалъ, что былъ бы истиннымъ другомъ Христіана IV, если бы онъ не былъ сосѣдомъ Швеціи. Еще большую недовѣрчивость питалъ Христіанъ IV къ Густаву Адольфу. Христіанъ боялся сближенія Швеціи съ Голландіей и Любекомъ, происшедшаго въ первые годы правленія Густава Адольфа. Опасенія его казались тѣмъ основательнѣе, что споръ о границахъ въ Лапландіи давалъ Швеціи поводъ, усилившись пріобрѣтеніями въ Россіи, объявить войну Даніи и не исполнить условій, заключеннаго съ Даніей договора. Все это до того безпокоило Христіана IV, что онъ искалъ усилиться союзомъ съ Англіей, въ то время могущественнѣйшимъ протестантскимъ государствомъ. Онъ обратилъ чрезъ посла своего Синклера вниманіе короля Англійскаго, врага Голландіи въ отношеніи религіозномъ и политическомъ, на союзъ короля Шведскаго съ Голландіей. Сближеніе Швеціи съ Любекомъ, который находился въ открытой враждѣ съ Даніей, сначала побудило Христіана IV приказать штатгальтеру Сѣверныхъ провинцій быть на сторожѣ и усилить флотъ, а потомъ оно повлекло за собою поѣздку самаго его въ Англію. Христіанъ IV отправился въ Англію въ іюлѣ мѣсяцѣ и умѣлъ такъ скрыть свое путешествіе, что ни кто и не подозрѣвалъ его. Когда онъ пріѣхалъ въ Англію, король Яковъ былъ на охотѣ. Христіанъ прожилъ въ Англіи съ недѣлю. Эта поѣздка возбудила въ Шведахъ опасенія къ Даніи; вѣсти изъ Англіи внушали еще болѣе опасенія. Вотъ что писалъ Спенсъ Густаву Адольфу: «Suggestiones quasdam audivi, nec pro certo affirmare ausus sum, parum

scilicet placere quibusdam Majestatis Vestrae vicinis transactionem illam inter Majestatem Vestram et Maschovitas, verentur enim ne pax illa M-tis V-trae damna recuperet. Non dubito, quin satis intelliget M-tas Vestra quid sentiam, quum ex contrario bella egenam et impotentem semper detinerent M. tem Vestram, unde castra et agros proprios redimendo non esset (par) M. tas Vestra. Опасаясь, чтобы не возгорѣлась война съ Даніей до окончанія войны въ Россіи, Густавъ Адольфъ послалъ, уже во время своего пребыванія въ Нарвѣ, въ Данію рейхсканцлера Оксенштирна въ сопровожденіи 5 или 6 благородныхъ юношей. Инструкціи данныя Оксенштирну заключались въ слѣдующемъ: просить короля Датскаго, чтобы Датчанинъ, навлекшій на себя подозрѣніе въ Лапландіи, былъ наказанъ и вслѣдъ за тѣмъ повѣренные обоихъ государствъ сошлись для опредѣленія границъ; объявить Христіану IV, что король Шведскій не заключитъ мира съ Россіей до тѣхъ поръ, пока не получитъ удовлотвореніе за понесенные убытки; касательно войны съ Польшей Оксенштирнъ долженъ былъ убѣдить Христіана IV, что Швеція желаетъ мира, принимаетъ посредничество короля Датскаго и проситъ его не помогать Полякамъ. Въ одно время съ отправленіемъ этого посольства, Густавъ Адольфъ приказалъ главному адмиралу быть готову къ отплытію, и поставить на военную ногу Кальмаръ и Іонкопингъ, дабы придать силу своимъ представленіямъ. Узнавъ, что поѣздкою въ Англію, Христіанъ IV имѣлъ, между прочимъ, въ виду составить союзъ протестантскихъ государствъ, въ противуположность образовавшемуся между католическими; Густавъ Адольфъ послалъ новое посольство въ Данію, Голландію и Англію; дабы при этомъ союзѣ охранить интересы Швеціи. Впро-

чемъ это второе посольство имѣло также порученія относительно войны Шведовъ съ Россіей. Русскія посольства успѣли обвинить короля Шведскаго въ видахъ завоеванія, и Датскій король призналъ Михаила Өедоровича царемъ даже той части Россіи, которая была во власти Шведовъ. Но не смотря на столько поводовъ къ несогласію, разрывъ не произошелъ, потому что Данія, готовясь къ войнѣ съ Австріей, искала сохранить миръ съ Швеціей, хотя и не доброжелательствовала послѣдней. Начались взаимныя увѣренія въ миролюбивыхъ расположеніяхъ. Въ Нарвѣ Густава Адольфа встрѣтилъ Датскій посолъ съ предложеніями посредничества для приведенія къ окончанію войны съ Россіей. Тотъ же посолъ объявилъ, что Датчанинъ Линденовъ, годъ тому назадъ не прилично отзывавшійся въ Стокгольмѣ о Шведскомъ королѣ, посаженъ въ тюрьму и будетъ наказанъ. Шведскій король съ своей стороны обѣщалъ не подавать повода къ несогласію, но посредничества не принялъ, объявивъ, что безъ военныхъ дѣйствій нельзя будетъ обойтись; такъ какъ Русскіе отказываются платить военныя издержки.

Уже до отъѣзда въ Россію, король Шведскій получилъ отъ короля Англійскаго два письма съ предложеніемъ посредничества (37). Густавъ Адольфъ безотлагательно отвѣчалъ Якову, обвиняя Русскихъ, что воспользовавшись защитою Шведовъ, они не соглашаются на неоднократно предлагаемые имъ переговоры и грозятъ выгнать Шведовъ силою изъ Новгородской области. Но письма эти не имѣли желаннаго успѣха и Русскій посолъ въ Англіи, искусными переговорами, успѣлъ настроить короля Англійскаго не въ пользу Швеціи. Послѣднее обстоятельство сдѣлалось извѣстнымъ Густаву Адольфу и онъ почелъ

нужнымъ послать въ Англію Андерса Бурея, для приведенія къ окончанію недоразумѣній, возникшихъ между Англіей и Швеціей по поводу мира съ Даніей; поручивъ въ то же время канцлеру Оксенштирну написать Якову Спенсу, бывшему Англійскому резиденту въ Швеціи, письмо въ защиту Шведскаго дѣла въ Россіи. Письмо это и словесныя представленія Спенса побудили Якова перемѣнить свое мнѣніе и онъ приказалъ Смиту, Англійскому послу въ Москвѣ, убѣдить Русское правительство быть умѣреннѣе въ своихъ требованіяхъ. Такъ пишетъ Галленбергъ. Ни сколько не сомнѣваясь въ основательности сообщаемыхъ имъ извѣстій, мы не совсѣмъ соглашаемся со взглядомъ его на образъ дѣйствій Англійскаго короля. Согласившись на посредничество, Англійское правительство не принимало открыто сторону котораго либо государства. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы оно дѣйствовало по внушенію Русскихъ или Шведскихъ посольствъ. Содѣйствовать развитію своей торговли въ Россіи, — вотъ къ чему, по прежнему, стремились Англичане. Обдуманность, съ которою они преслѣдовали эту цѣль, обнаружилась при самомъ назначеніи Мерика посредникомъ въ переговорахъ. Мерикъ уже молодымъ человѣкомъ жилъ въ Россіи, занимаясь торговлею ([38]). Въ 1584 году онъ былъ назначенъ агентомъ въ Ярославль; въ 1592-мъ тѣмъ же въ Москву. Тутъ онъ охранялъ интересы королевы Англійской, доводя до ея свѣдѣнія о проискахъ Австрійцевъ и папы, которые обвиняли королеву въ содѣйствіи султану, врагу христіянства, а въ 1598 году извѣстилъ королеву о вступленіи на Русскій престолъ Бориса Годунова, милостиваго къ Англичанамъ ([39]). Заслуживъ довѣренность Годунова, онъ въ свою очередь умѣлъ войти въ милость самозванца и потомъ

Шуйскаго. Даже отлучаясь изъ Россіи, Мерикъ слѣдилъ за тѣмъ, что происходило въ ней, какъ свидѣтельствуетъ сохранившійся отрывокъ изъ письма Флетчера къ Мерику.

По вступленіи на престолъ царя Михаила Ѳеодоровича, Мерикъ отправился въ Россію (40); но, встрѣтившись въ Холмогорахъ съ Русскими посольствами, отправлявшимися въ Лондонъ, онъ послѣдовалъ за ними и снова прибылъ въ Россію въ декабрѣ, 1614 г. (41). Долговременное пребываніе Мерика въ Россіи служило лучшею гарантіею того вліянія, которое было необходимо, чтобы склонить Русскихъ къ неизбѣжнымъ уступкамъ. Въ свою очередь и относительно Шведовъ Мерикъ могъ дѣйствовать съ большимъ авторитетомъ, опираясь на знаніе Русскихъ, и дѣйствительно, къ этому средству онъ прибѣгалъ часто, какъ свидѣтельствуютъ письма его. Не заслуживъ въ послѣдующихъ переговорахъ любовь Шведовъ, Мерикъ успѣлъ однакоже заставить ихъ угождать ему; такъ что въ глаза Шведы его честили, хотя и называли заочно «мужикомъ» и выражали Русскимъ удивленіе, что послѣдніе «ему пишутъ княземъ». Но не смотря на происки (Шведы увѣряли, что Мерикъ не прямитъ государю), они не успѣли потрясти въ Русскихъ довѣріе къ нему, потому что онъ дѣйствовалъ весьма осмотрительно. 27 дек. 1614 Мерикъ обѣдалъ у царя съ Иваномъ Никитичемъ Романовымъ и княземъ Мстиславскимъ; въ январѣ же онъ былъ въ отвѣтѣ у бояръ. Прежде чѣмъ приступить къ сообщенію приказа своего государя, Мерикъ сказалъ: «дайте толмача, съ кѣмъ о такихъ великихъ дѣлехъ межъ великихъ государей нашихъ говорити, которой бы умѣлъ языку Аглинскому и Русскому достаточно, чтобъ всѣ государскіе дѣла вамъ царского величества великимъ бояромъ и мнѣ были знатны, и оногдысь

передъ царскимъ величествомъ я безчестья дошелъ, что не то толмачь толмачилъ, что язъ говорилъ».

Бояре ему отвѣтили: «ты князь Иванъ въ великого государя нашего государствахъ много лѣтъ живалъ; мы тебя сами всѣ знаемъ, что ты Русскому языку добрѣ навыченъ, и николи ты съ толмачи не говаривалъ; все говорилъ самъ по Русски; хоть и толмачю межъ насъ говорити, и ему столько по Русски не знати, сколько ты знаешъ. А толмачей нынѣ Аглинскихъ никого нѣтъ, самому тебѣ вѣдомо; одинъ былъ Аглинской толмачь и переводчикъ Иванъ Фолгинъ, ты его зналъ и онъ отосланъ на государево дѣло; а въ торговыхъ будетъ Нѣмцахъ хоти и есть кто Аглинскому и Рускому языку умѣетъ, только торговому человѣку никакому промежъ такихъ великихъ государей о ихъ государскихъ великихъ дѣлехъ толмачити не пригоже; да и не знать никому столько, сколько ты знаешь, и ты говори самъ, а безчестья тебѣ въ томъ не будетъ ни которого».

«Вѣдаю язъ то и самъ знаю», отвѣтилъ Мерикъ, «что мнѣ въ томъ безчестья не будетъ ни которого, что межъ великихъ государей говорити мнѣ самому; толко опасаюсь того: данъ мнѣ великого государя нашего наказъ о великихъ дѣлехъ, что мнѣ наказано межъ великихъ государей дѣлати; а написано Англинскимъ писмомъ и рѣчью; язъ своему языку достаточенъ, а Руской язъ не весь знаю; и толко мнѣ говорити съ вами царского величества бояры по Руски, и что въ томъ моемъ неудомѣньѣ языка сдѣлаетца государя моего королевского величества имяни какая нечесть, или дѣла ихъ государскіе объявятца не потому, какъ въ его королевского величества въ наказѣ написана, и мнѣ только головою своею вершить (да и рукою на шею свою указалъ); и вы бъ велѣли кому толмачить».

Бояринъ князь Иванъ Семеновичь съ товарищи говорили: «какову толмачю ни быти, и ему такъ не умѣть говорить, какъ ты самъ. Что ни говоришь, то все знатно, и разумно, какъ есть Руской человѣкъ. А простому Рускому человѣку столько и не умѣть говорити. А какъ былъ у государя нашего Якуба короля великого государя нашего его царского величества посолъ Олексѣй Зюзинъ, и передъ Якубомъ королемъ тыжъ толмачилъ; спрашивалъ ихъ по Руски; — и нынѣ для чего по Руски не говоришь»?

«Въ Аглинской землѣ никакого человѣка такого въ тѣ поры, какъ царского величества посолъ Олексѣй Зюзинъ былъ, не было, хтобъ умѣлъ по Руски; потому я и толмачилъ», отвѣтилъ Мерикъ.

Бояре говорили: «и здѣсь нынѣ такого нѣтъ, ктобъ умѣлъ по Аглински; будетъ учнешь говорити Шкотцкимъ или Нѣмецкимъ языкомъ и здѣсь толмачи есть». Посолъ на это отвѣтилъ: «язъ по Шкотцки и по Нѣмецки не умѣю».

Бояринъ князь Иванъ Семеновичь съ товарищи говорили, чтобъ онъ говорилъ по Руски: «а которое будетъ слово не добре знатно, и о томъ молвити, и то порозь толковать». Изъявивъ на послѣднее свое согласіе и объявивъ цѣль своего посольства, Мерикъ, нѣсколько дней спустя, изложилъ всѣ пункты на письмѣ и уже въ Мартѣ отправился къ мѣсту переговоровъ (43).

Уже выше мы не разъ имѣли случаи указывать на препятствія, которыя встрѣчало къ продолженію войны Шведское правительство. Въ Московскомъ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ сохранились письма, перехваченныя Русскими во время осады Пскова Шведами. Эти письма даютъ намъ возможность заглянуть въ лагерь Шведскаго короля. Постараемся извлечь изъ нихъ все, что можемъ. Письма эти

всѣ относятся къ послѣднимъ мѣсяцамъ 1615 года, слѣдовательно къ тому времени, когда переговоры уже начались. Войско Шведское отчасти состояло изъ наемныхъ иностранцевъ. Эти люди принадлежали ко всевозможнымъ націямъ Европы. Тутъ были и Нѣмцы, и Шотландцы, и Голландцы, и Французы. Движимые корыстью или жаждою похожденій, они желали продолженія войны, но являли въ своихъ дѣйствіяхъ рѣдкое непостоянство, такъ что на нихъ было не возможно положиться. Шведскіе же солдаты, судя по сохранившимся отъ нихъ письмамъ, были менѣе склонны къ войнѣ и думали единственно о возвращеніи на родину. Въ доказательство нашему мнѣнію, мы познакомимъ сначала читателей съ нѣкоторыми изъ иностранныхъ выходцевъ, и за тѣмъ съ 2-мя, 3-мя Шведскими солдатами. «Кланяюсь тебѣ, любезный и дорогой другъ и братъ», писалъ одинъ изъ иностранцевъ, «радъ бы былъ я узнать здоровъ ли ты; я самъ, благодаря Богу, нахожусь въ вожделѣнномъ здравіи. Новостей пока не могу сообщить никакихъ. Непріятель дѣлаетъ безпрестанныя вылазки, но, надѣюсь, дѣла пойдутъ лучше, когда прибудутъ наши пушки. Тутъ мы осадимъ городъ съ пяти сторонъ». Письмо оканчивается просьбою послать «ein Last guten Rostoker Bier und zvei guten Rheinschen Wein», съ обѣщаніемъ заплатить деньги по возвращеніи на родину. Вотъ и другое письмо подобнаго же содержанія: «Благородному и многоуважаемому Іоахиму Шрасфорду, имѣющему жительство въ Шпандо, моему зятю». Послѣ обыкновеннаго привѣтствія, извѣстивъ о прибытіи и о поступленіи на службу, авторъ пишетъ: «меня послали подо Псковъ, гдѣ сражаются упорно. Русскіе ежедневно дѣлаютъ вылазки и наносятъ намъ много вреда; но городъ очень

великъ, почти полъ-мили въ округѣ. Уже пало много доблестныхъ людей, въ томъ числѣ и фельдмаршалъ. Будетъ впрочемъ еще повеселѣе. Можно предвидѣть, что миръ между нами и Русскими состоится. Мы всѣ смотримъ на это съ неудовольствіемъ. Прошу, поклонись Гансу Робекену. Я взялъ въ плѣнъ славнаго Русскаго мальчишку. Если бы представился случай, я бы переслалъ ему этого мальчугана. Хотѣлъ было послать его безотлагательно, но не было случая. Кланяйся знакомымъ. Мой братъ и двоюродный братъ посылаютъ вамъ всѣмъ поклонъ. Да сохранитъ васъ Богъ. 15 августа въ лагерѣ близъ Пскова 1615 года. Гансъ Ернстъ Фонъ Фермо». Не таковы содержаніемъ письма Шведскихъ солдатъ. Нѣтъ той безпечности, той удали. О предстоящихъ переговорахъ объявляютъ съ радостью и увѣдомляютъ своихъ, что по заключеніи мира немедленно поспѣшатъ на родину. Вотъ выписки изъ одного письма: «Король послалъ полководца Новгородскаго къ Русскимъ для заключенія мира. Какъ только будетъ возможно, я испрошу отпускъ, чтобы возвратиться домой. Даже если миръ не состоится, я все же постараюсь возвратиться, чтобы позаботиться о своихъ дѣлахъ». Совершенно въ такомъ же родѣ письмо другого Шведскаго солдата: о потеряхъ онъ выражается осторожно, разсказываетъ о тяжкомъ своемъ плѣну и также собирается на родину, чтобъ позаботиться о домашнихъ дѣлахъ. По этимъ небольшимъ выпискамъ, мы, какъ кажется, можемъ судить довольно вѣрно объ общемъ настроеніи умовъ въ Шведскомъ войскѣ, потому что письмами завладѣли не на выборъ. Впрочемъ, какъ мы уже замѣтили, на наемщиковъ было также не возможно положиться. Обращаю вниманіе на предложеніе нѣсколькихъ Шотландцевъ, вступить въ Русскую службу,

см. Приложенія № 6. Кромѣ этихъ препятствій Густавъ Адольфъ встрѣчалъ другія непреодолимыя. Финансы находились въ самомъ разстроенномъ состояніи. Русскіе могли надѣяться получить пособіе отъ Англіи (конечно только надѣяться); Швеціи же было обратиться не къ кому. Въ ружьяхъ и порохѣ недостатокъ былъ не менѣе ощутителенъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ письмо Пера Персона (Peer Person *) изъ Стокгольма къ королю Шведскому отъ 1 августа 1615 года. Перъ Персонъ увѣдомляетъ короля, что привезъ по повелѣнію его 26 центнеровъ пороху; объявляя, что оный весьма дорогъ. Далѣе Персонъ проситъ, чтобы король увѣдомилъ его, надобно ли еще пороху, дабы онъ могъ заказать въ Данцигѣ, ибо тамъ готоваго нѣтъ больше.

Завоеванныя Шведами Русскія области и другія ихъ владѣнія были истощены войною. Сохранилось письмо Генриха Генрихсона къ королевскому камергеру Боо Вернерсону изъ Або отъ 21 августа 1615 года. Увѣдомивъ Вернерсона о полученіи королевской грамоты; Генрихсонъ пишетъ, что не могъ исполнить заключающагося въ ней приказанія отправиться въ Нарву для собиранія государственныхъ податей. Далѣе онъ объявляетъ, что крестьяне отъ содержанія войска весьма обѣднѣли, такъ что многіе уже оставили всѣ свои имущества и земля опустѣла. Генрихсонъ извиняется, что не можетъ исполнить приказанія короля, потому что, по взысканіи столь тяжкой подати, крестьяне лишены будутъ послѣдняго скота и остающагося въ домахъ ихъ для посѣва хлѣба. Еще болѣе не утѣшительно было письмо Клауса Шланга (Schlangh) къ ко-

* Peer Person извѣстенъ болѣе подъ именемъ Петрея.

ролевскому статгальтеру Клаусу Горну, изъ Нарвы, отъ 20 авг. 1615 года. Клаусъ Шлангъ писалъ, что не можетъ исполнить приказанія короля относительно постройки въ Нарвѣ домовъ; потому что не могъ получить ни одной лошади. Шлангъ проситъ извинить его передъ королемъ и исходатайствовать повелѣніе къ провіантмейстерамъ о снабженіи находящихся при Нарвской крѣпости людей съѣстными припасами. Кромѣ всѣхъ этихъ обстоятельствъ, короля Шведскаго безпокоили вѣсти изъ Польши. Аксель Оксенштирнъ писалъ къ Шведскому королю, находившемуся при осадѣ Пскова, отъ 8 авг. 1615 года письмо, въ которомъ, извѣщалъ, что, по наведеннымъ справкамъ, Польскій король заключилъ съ Любекомъ тайный союзъ. Далѣе Оксенштирнъ увѣдомлялъ Густава Адольфа, что получилъ извѣстіе, будто Россія заключила съ Польшею миръ и т. д.

Въ Іюнѣ мѣсяцѣ 1615 года въ Новгородъ прибылъ Мерикъ и переговоры приняли скорѣйшій ходъ. Эвертъ Горнъ предложилъ ему начать переговоры. Короля ожидали въ Нарву 1-го іюля ([44]). Мерикъ объявилъ, что напишетъ въ Москву о назначеніи переговорщиковъ съ Русской стороны ([45]). Въ ожиданіи ихъ, онъ хотѣлъ отправиться къ самому Густаву Адольфу. Въ тоже время, онъ сообщилъ Горну, что, по словамъ Русскихъ, Шведы получили возмездіе за пособіе, оказанное Шуйскому. Кромѣ того Русскіе жаловались Мерику, что Шведы отказываются признать за царемъ надлежащій титулъ. Въ отвѣтъ на письмо, въ которомъ Горнъ извѣщалъ о совѣщаніи съ Мерикомъ, Густавъ Адольфъ предписалъ первому, воспрепятствовать отъѣзду Англійскаго посла въ Швецію и ускорить ходъ переговоровъ. Эвертъ Горнъ далъ Мерику

на разсмотрѣніе подлинныя письма Русскихъ; и объявилъ, что, не условившись предварительно, Густавъ Адольфъ не можетъ признать за Михаиломъ Ѳеодоровичемъ титула царя, потому что самъ имѣетъ право на Русскій престолъ. По прочтеніи писемъ, Мерикъ призналъ извѣстія ложными, но не вступилъ съ Шведскимъ переговорщикомъ въ дальнѣйшія объясненія. Вслѣдъ за тѣмъ, увѣривъ Эверта Горна въ миролюбивыхъ расположеніяхъ Русскихъ, Мерикъ предложилъ заключить перемиріе. Онъ отказалъ послать въ Москву врученный ему Шведами пропускной видъ, потому что въ этомъ видѣ былъ выпущенъ титулъ царя и Голландія признавалась посредницей наравнѣ съ Англіей (46). Тутъ же Мерикъ спросилъ, намѣрены ли Шведы продолжать осаду Пскова и будутъ ли впредь принимать въ свою службу Поляковъ? Горнъ сказалъ ему, что не уполномоченъ отвѣчать на эти вопросы до тѣхъ поръ, пока не соберутся прочіе переговорщики. Въ видѣ тайны онъ открылъ Мерику, что король намѣренъ осаждать Псковъ, что 3000 Поляковъ изъявили желаніе служить Шведамъ до истеченія срока перемирія; что Голландія и Данія упоминаются, какъ державы, совѣтовавшія королю заключить миръ, а посредникомъ признанъ одинъ король Англійскій и наконецъ, что Шведы согласятся замѣнить пропускной видъ, переданный Мерику, другимъ, въ который будетъ вписанъ требуемый титулъ, но съ оговоркою о правѣ Шведскаго короля на Русскій престолъ. Мерикъ не удовольствовался этимъ отвѣтомъ и при слѣдующемъ свиданіи просилъ Горна, убѣдить Густава Адольфа снять осаду Пскова и не упоминать въ пропускномъ видѣ о Голландіи.

Не за долго предъ тѣмъ, Шведы хотѣли потребовать отъ Новгородцевъ принесенія присяги; но Мерикъ отсо-

вѣтовалъ привести въ исполненіе это рѣшеніе, представивъ, что подобное требованіе можетъ ожесточить Русскихъ и побудить ихъ скрыть свои богатства въ землѣ.

Уже съ первыхъ встрѣчъ Шведы стали недовѣрять Мерику. Вскорѣ до нихъ дошли слухи о воинственномъ настроеніи умовъ въ Москвѣ. Иванъ Сальфникъ (Галленбергъ подразумѣваетъ тутъ гонца Дмитровца Ивана Сафонова, съ которымъ Русскіе послы отправляли письма къ Мерику) Новгородскій гражданинъ, представлялся знатнѣйшимъ боярамъ Московскимъ, которые увѣрили его, что готовятся къ войнѣ и требовали, чтобы Шведскіе переговорщики по прежнему обычаю явились въ Москву. Въ случаѣ отказа, они грозили опустошить Швецію, какъ опустошали Польшу и предоставить покончить споръ съ Де-Ла-Гарди Дмитрію Трубецкому. Не довѣряя Русскимъ, Густавъ Адольфъ рѣшился принять мѣры для усиленія военныхъ дѣйствій. Но, прибывъ въ Нарву, онъ былъ встрѣченъ Мерикомъ, увѣрившимъ его, что съ помощью переговоровъ Шведы пріобрѣтутъ болѣе. Сентября 12-го Мерикъ письмомъ извѣстилъ Русскихъ пословъ, что «сколько онъ у Шведовъ не былъ, онъ у нихъ правды не видалъ.» Такъ король Густавъ Адольфъ письмомъ изъ Риги въ Новгородъ отъ 2 авгу та послалъ мнѣ грамоту, продолжалъ Мерикъ «за своею рукою и печатью, объявляя мнѣ, что по нѣкоторымъ причинамъ послы послѣ его не могли быть въ назначенное время; да и только вы великіе послы подъѣдете въ то время и мнѣ бы васъ обнадежить королевскимъ именемъ, что послы его будутъ на готовѣ часа того.... и далъ мнѣ въ грамотѣ своей обѣтъ, что ни котораго утѣсненья городу Пскову не хотѣлъ учинити.... и онъ король свой обѣтъ нарушилъ». Послы Рус-

скіе дали объ этомъ знать царю. «Въ тоже время Мерикъ послалъ съ тѣмъ же извѣстіемъ въ Москву къ царю Ульяна Бичера. Государь велѣлъ ѣхать въ Англію къ гонцу розрядному подьячему Ивану Грязеву съ грамотою къ королю Якову извѣщающею: что старанія посла его Мерика худой имѣли у Шведскаго короля успѣхъ, ибо онъ паки идетъ во Псковъ войною; и просительную, что бы, какъ оный Шведскій король въ миротвореніи полагается на него короля Англійскаго, то и былъ бы онъ въ семъ дѣлѣ посредникомъ, отвращалъ Шведскаго короля отъ враждебныхъ намѣреній; въ противномъ же случаѣ обратилъ оружіе свое противу его вмѣстѣ съ Россійскимъ. Ноября 7-го пріѣхалъ гонецъ въ Лондонъ, а мая 12-го выѣхалъ оттуда съ обѣщаніемъ (отъ 16-го апр. въ грамотѣ) всячески помогать Россіи, если посредство тщетно будетъ. Сей гонецъ по пріѣздѣ въ Москву за службу свою пожалованъ дьякомъ 600 четв. и 600-ми денегъ» ([47]). По представленію Мерика, Густавъ Адольфъ согласился не начинать осады Пскова до 20 августа и назначилъ переговорщиками Аксель Оксенштирна, Филиппа Шединга, Клосъ Флеминга, Генриха Горна, Якова Де-Ла-Гарди и Монса Мартенсона. Первые два не присутствовали однако при переговорахъ. Шведскій король требовалъ также присутствія Голландскихъ пословъ и окончанія переговоровъ въ назначенный срокъ. Мерикъ отправился изъ Нарвы въ Новгородъ и послалъ въ Москву Ѳому Смита, съ цѣлію уговорить царя приступить къ переговорамъ безъотлагательно.

Густавъ Адольфъ, выѣхавъ изъ Нарвы къ Пскову, поручилъ своимъ полномочнымъ увѣрить Русскихъ королевскимъ словомъ, что не сдѣлаетъ нападенія на городъ, пока не получитъ извѣстій изъ Москвы ([48]). Во время его

бытности близъ Пскова, Русскіе убили Эверта Горна при вылазкѣ, сдѣланной изъ города. Вскорѣ ко Пскову прибылъ Де-Ла-Гарди. Не смотря на желаніе Густава Адольфа удержать Де-Ла-Гарди при себѣ, послѣдній отправился къ назначенному сроку въ Новгородъ. Въ Новгородѣ Де-Ла-Гарди и Мерикъ были встрѣчены Смитомъ, привезшимъ отъ царя письмо съ извѣщеніемъ, что въ Шведскихъ видахъ не достаетъ надлежащаго титула и выпущены имена переговорщиковъ, которые назначаются съ Шведской стороны. Впрочемъ, въ томъ же письмѣ царь обѣщалъ съ своей стороны послать переговорщиковъ въ Тверь или Торжокъ, съ цѣлію обмѣнять виды и опредѣлить мѣсто и время переговоровъ, которыя предлагалъ начать 10 сентября между Осташковымъ и Старою Руссою. Узнавъ о томъ, что со стороны Шведовъ переговорщиками между прочимъ назначены Монсъ Мартенсонъ и Яковъ Де-Ла-Гарди, царь желалъ, чтобъ ихъ замѣнили другими, такъ какъ они содѣйствовали войнѣ. Въ ожиданіи Русскихъ переговорщиковъ, Мерикъ не переставалъ договариваться съ Де-Ла-Гарди. Споръ касался титула всея Руси самодержца и многихъ государствъ государя и обладателя (49). Де-Ла-Гарди не хотѣлъ признать за царемъ этого названія, потому что часть Россіи находилась въ то время въ зависимости отъ Шведовъ. Мерикъ объявилъ Де-Ла-Гарди, что Густавъ Адольфъ приказалъ ему въ Нарвѣ дать государю обыкновенный титулъ. Де-Ла-Гарди снесся объ этомъ съ Густавомъ Адольфомъ, который писалъ, что также не помнитъ и находитъ, что «Англійскій посолъ болѣе Русскій, чѣмъ что либо другое, такъ какъ вездѣ ищетъ пользы Россіи». 20 Августа Густавъ Адольфъ приступилъ къ усиленію осады Пскова. Но вскорѣ, какъ увидимъ,

частью препятствія, встрѣченныя имъ, частью представленія Мерика и Шведскихъ договорщиковъ, заставили короля снять на время осаду (50).

Возвратясь въ Нарву, Густавъ Адольфъ занялся новыми приготовленіями къ войнѣ и при помощи искусныхъ финансовыхъ оборотовъ надѣялся покрыть военныя издержки. Въ тоже время онъ обратилъ вниманіе на правосудіе въ завоеванныхъ земляхъ. Не смотря на перемиріе, военныя дѣйствія не прекращались. Передъ самымъ начатіемъ переговоровъ козаки сдѣлали нѣсколько нападеній на Кексгольмскій участокъ и опустошили набѣгами страну близъ Гдова и Нотебурга. Густавъ Адольфъ приказалъ Сванте Банеру, Горну и Врангелю разсѣять ихъ.

Въ началѣ сентября мѣсяца Генрихъ Горнъ и Арведъ Тонесонъ прибыли въ Новгородъ. Русскіе послы не явились въ срокъ, окончившійся, какъ сказано, 10 сентября и только 22 сентября отправились въ путь (51). Этому съѣзду предшествовало письмо Русскихъ пословъ изъ Осташкова къ Мерику и къ Шведскимъ посламъ; и на оборотъ. Русскіе послы старались представить, что Шведамъ слѣдуетъ послѣдовать примѣру другихъ государей, которые дали уже новоизбранному царю полный титулъ. Далѣе послы извѣщали: «Свѣйскіе послы въ своей грамотѣ писали, чтобъ великій государь нашъ слалъ противъ нихъ такихъ же именитыхъ бояръ, какъ они начальные королевскіе думы, и великій государь нашъ его царское величество послалъ насъ великихъ своихъ пословъ отъ своей царской думы давъ намъ свой полный царскій наказъ о всѣхъ великихъ дѣлахъ говорити и становить, а имъ то самимъ вѣдомо при прежнихъ великихъ государехъ нашихъ царехъ Россійскихъ съ ихъ царскаго величества

послы съ нашею жъ братьею Свѣйскаго короля Яковлевъ отецъ Пунтусъ Де-Ла-Гардъ и иные Свѣйскіе послы съѣзжались и имъ бы такіе мѣры оставить» и т. д. Шведскіе послы предлагали быть съѣзду въ Симоновѣ. Имъ отвѣчали, что въ Симоновѣ съѣзду быть не пристоитъ, потому что Симоново отъ Старой Русы всего въ тридцати верстахъ, а отъ Осташкова во стѣхъ верстахъ». Далѣе послы писали: «а что говорили Свѣйскіе послы, что у нихъ водяной путь только до Симонова и Свѣйскимъ господине, посломъ мочно итти водяным путемъ изъ Ильменя озера рѣкою Ловатью, а изъ Ловати Полою рѣкою, а изъ Полой рѣки Яуною рѣкою до Селицъ и до Песковъ и сколько господине (т. е. Мерикъ) Свѣйскимъ посломъ отъ Старой Руссы до Песковъ водянымъ путемъ итти и тому къ тебѣ посламъ роспись». Въ отвѣтъ Шведскимъ посламъ упомянувъ о томъ же, что писали Мерику, Русскіе послы объявляли между прочимъ слѣдующее: «выжъ въ своей грамотѣ къ намъ писали, что государя вашего воевода Эвертъ Горнъ великаго государя нашего его царскаго величества къ бояромъ о съѣздѣ и о послѣхъ не писалъ; и великаго государя нашего царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всея Руссіи самодержца искони вѣчной отчины митрополитъ и весь духовный чинъ и всякихъ чиновъ люди великому государю нашему его царскому величеству присылали бити челомъ архимандрита Кипріана, да дворянъ Якова Боборыкина, да Матвѣя Муравьева съ товарищи, чтобъ государь нашъ воззрилъ на нихъ милостиво и слалъ бы великихъ пословъ; и то будто они сдѣлали безъ государя вашего повелѣнья и за то онѣ у васъ взяты въ оплѣ и что великаго государя нашего царя и великаго князя Михаила Федоровича всея Руссіи само-

держца къ любительному брату Якубу королю Английскому и Шкотцкому государь вашъ о мирномъ постановленьѣ не писывалъ и то вы пишете не по дѣлу; какъ царскаго величества мы великіе послы будемъ на съѣздѣ съ вами, и мы вамъ Эветгорновы грамоты, каковы онъ царскаго величества къ бояромъ писалъ о мирномъ съѣздѣ, объявимъ и про челобитье Новгородскаго государства митрополита и всякихъ чиновъ людей и про ссылку государя вашего къ великому государю Якубу королю сами явно учинимъ» и т. д. Въ отвѣтъ Русскимъ посламъ Шведы именовали опять царя просто Михаиломъ Θеодоровичемъ; Мерикъ же въ своемъ письмѣ изъявлялъ свою готовность служить государю и поступать по его царскаго величества грамотѣ. Онъ прибавлялъ что, «Де-Ла-Гарди и Монсъ Мартенсонъ для того посланы, что не будутъ канцлеръ Оксенъ Стернъ да Филипъ Шейдинъ».—Предварительно рѣшили: назначить съ каждой стороны по 12 человѣкъ для обмѣна пропускныхъ видовъ. И для этой цѣли состоялась первая встрѣча второстепенныхъ пословъ 30-го сентября близь Песковъ на мосту, на рѣкѣ Яунѣ (sic); но Русскіе явились въ числѣ 24 и кромѣ того ихъ стерегли 60 человѣкъ конницы, расположенной сзади на холмѣ. Смитъ, замѣнявшій Англійскаго посла, стоялъ на самой срединѣ моста между Русскими и Шведами; впрочемъ Урусовъ съ товарищами, посланный на съѣздъ, писалъ, что «Шведы къ государеву берегу стояли гораздо близко». Чтобъ безстрашно съѣзжаться на обѣ стороны «Гатчанинъ Григорій Пылаевъ цѣловалъ крестъ а Ондрей Нильсонъ по своей вѣрѣ цѣловалъ евангеліе». Первый прервалъ молчаніе Генрихъ Флемингъ, главный изъ посланныхъ Шведами 12 человѣкъ, началъ читать титулъ

короля ([52]). Ему послѣдовали съ Русской стороны. Такъ какъ въ царскій титулъ были внесены Новгородъ и Лифляндія, то товарищи Флеминга, вступивъ въ споръ съ Русскими, воспрепятствовали имъ дочесть до конца длинный титулъ царя; а Флемингъ не переставалъ читать титулъ своего государя. Вслѣдъ за тѣмъ обѣ стороны передали свои виды Смиту. Но Шведы не приняли отъ Русскихъ пропускнаго вида, потому что въ немъ упоминались Новгородъ и Лифляндія какъ отчины Русскаго государя. На вопросъ Шведовъ, есть ли у Русскихъ съ собою другой видъ, послѣдніе отвѣчали утвердительно. Въ этомъ видѣ царь именовался: «царемъ и великимъ княземъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, самодержцемъ Всероссійскимъ и многихъ государствъ государемъ и обладателемъ» ([53]). О Новгородѣ и Лифляндіи не упоминалось. Но Шведы не удовольствовались и имъ, такъ какъ въ немъ было написано, что царь согласился на переговоры, внявъ слезнымъ просьбамъ Кипріана и изъ уваженія къ представленіямъ Эверта Горна. Сами Шведскіе уполномоченные разсорились между собою на этомъ съѣздѣ. Вотъ что сказано въ посольскихъ книгахъ: «Романъ въ запросѣ сказывалъ, слышалъ де онъ про Ондрѣя Флямина, что онъ на съѣздѣ договору о мѣстѣхъ и сроку не учинилъ и Томаса избранилъ и за то де за него Свѣйскіе послы добро сердиты и межде ими велика брань. Крикъ де говорилъ про Ондрѣя Флямина, что де онъ договору не учинилъ и ему говорити мало давалъ, а самъ де дѣла не вѣдаетъ и за то де Ондрѣя Флямина изъ службы хотятъ выкинуть». Не успѣвъ обмѣнять видовъ, Шведы предложили совершить присягу въ неприкосновенности пословъ. Русскіе сначала согласились, но, не условившись на счетъ мѣста собранія пословъ,

обѣщали дать отвѣтъ черезъ 2 дня, снесясь съ главными послами. По прошествіи двухъ дней Шведскіе послы получили отрицательный отвѣтъ и поспѣшили возвратиться въ Новгородъ. На этомъ же съѣздѣ вручили Шведскіе послы Русскимъ весьма рѣзкое письмо въ отвѣтъ на предъидущія письма Русскихъ пословъ. Шведскіе дворяне предлагали также, чтобы царскаго величества дворяномъ закрѣпить съ обѣихъ сторонъ крестнымъ цѣлованьемъ по записямъ, не договариваясь о мѣстахъ и предоставляя самимъ посламъ письмомъ и гонцами уговориться о мѣстахъ. Урусовъ съ товарищами отвѣтилъ, что «не приговоря мѣста закрѣпити имъ крестнымъ цѣлованьемъ не умѣть, да и не въ чемъ». Изъ Новгорода главные Шведскіе послы отправились 14 октября въ сопровожденіи Англійскаго посла въ Романово «и тутъ де имъ стоять, а какъ де государевы послы сойдутся ближе и тутъ де будетъ ссылки дворяны о мѣстѣхъ и о крестномъ цѣлованьѣ». Въ восьми верстахъ отъ Новгорода, въ монастырѣ Святъ (Svad? Гал.), Мерикъ написалъ письмо Густаву Адольфу, убѣждая снять осаду Пскова, потому что безъ того Русскіе и слушать не хотятъ о мирѣ ([54]). Король отвѣчалъ, что во вниманіе къ дружбѣ короля Англійскаго, онъ готовъ прекратить на время осаду, сопряженную для него съ большими расходами и приближающуюся къ счастливому окончанію ([55]). При самомъ подъемѣ въ Романово Англійскій посолъ писалъ Томасу Смиту: «что чаяти во всемъ добраго дѣла и покою крестьянскаго вскорѣ». Когда Шведскіе послы и Мерикъ достигли Романова, они получили извѣстіе о прибытіи Русскихъ переговорщиковъ къ Полонову. Шведы не замедлили послать къ нимъ толмача, чтобы условиться о мѣстѣ собранія. Письмомъ отъ

11 окт. царь впрочемъ уполномочилъ пословъ на слѣдующее: взять опасную грамоту даже безъ титула, выговоря, что берутъ эту грамоту для добраго дѣла, впередъ же такихъ грамотъ брать не будутъ. Мерикъ, думая жить во время переговоровъ на мызѣ Дидерино, совѣтовалъ выбрать для переговоровъ мѣстечко Селицы, увѣряя Шведовъ, что Селицы лежатъ на половинномъ пути отъ Старой Руссы къ Осташкову. Не смотря на новыя возраженія со стороны Русскихъ, требовавшихъ между прочимъ, чтобъ Арведъ Тонессонъ исключилъ изъ своего титула Карелію, успѣли наконецъ обмѣняться видами (56). Церемонія происходила (8 декабря) на мосту, построенномъ черезъ рѣку Песокъ (57). Каждая сторона собралась у отдѣльнаго стола, покрытаго скатертью и снабженнаго блюдомъ, на которомъ лежалъ пропускной видъ. Потомъ обмѣнялись толмачами. Сначала прочелъ Русскій толмачь Шведскій видъ слѣдующаго содержанія: «По благости Божіей и при посредствѣ Англійскаго короля довелось намъ сойтись близь Дидерино, въ 3-хъ верстахъ отъ Селицъ, въ сопровожденіи пяти сотъ человѣкъ конницы и пѣхоты; симъ постановляемъ, что послы могутъ ѣхать въ вышеупомянутые Селицы и что въ продолженіе переговоровъ не будетъ употреблено никакихъ насилій; въ случаѣ переговоры окажутся безуспѣшными, Русскимъ предоставляется безпрепятственный проѣздъ до Торжка, Шведамъ до Новгорода. Каменскій пишетъ, что назначили съѣхаться въ Дедерино въ помѣстьѣ Хвостова. Съѣздъ былъ назначенъ на 14 декабря Оригинальной записи учиненной на Пескахъ между дворянами Шведскими и Россійскими и отданной въ сохраненіе обоихъ сторонъ посредническому послу Англійскому нѣтъ въ Архивѣ, а есть въ спи-

скѣ подъ № 17 (58). Въ эти виды было также внесено названіе самодержца. Вслѣдъ за тѣмъ каждая сторона прочла свой видъ и обѣ приняли присягу. Уже въ сентябрѣ мѣсяцѣ прибыли изъ Соединенныхъ Нидерландскихъ Штатовъ въ Нарву три посла, Рейнгольдъ Бредероде, рыцарь и владѣтель Фингузенъ, докторъ Дидерихъ Базъ и рыцарь Альбрехтъ Іохими (59). Они присутствовали при переговорахъ въ сопровожденіи камеръ-юнкера Андерса Грипа и отряда конницы; но имена ихъ не были внесены въ пропускные виды вслѣдствіе происковъ Англійскаго посла. Густавъ Адольфъ не хотѣлъ кажется показать, что желалъ Голландскаго посредничества. Въ посольскихъ книгахъ сказано, что онъ удивился ихъ пріѣзду. Русскіе же послы отписали царю: «пришолъ въ Ивангородъ отъ Галланскаго Мавриціуса князя посланникъ, и въ Новъгородъ изъ Ивангорода ждутъ его вскорѣ и въ тесово де послалъ подъ него полтараста подводъ, а быть де ему съ послы съ королевскую сторону доброхотая Якову Пунтусову, потому что Яковъ Пунтусовъ бывалъ у Мавриціуса князя въ салдатѣхъ а изъ салдатъ взялъ его къ себѣ и жилъ у него въ комнатѣ; и какъ де Яковъ Пунтусовъ у царя Василья былъ на Москвѣ и пришедъ въ Свею, что привезъ съ собою царя Васильево жалованье, многое узорочье послалъ къ нему, Галланскому Мавриціусу князю» и т. д. Мерикъ также старался представить этихъ пословъ съ дурной стороны. Слѣдуетъ также упомянуть при этомъ, что и Яковъ Спенсъ писалъ Густаву Адольфу письма, въ которыхъ просилъ предоставить Англійскому королю одному честь заключенія мира между Россіею и Швеціей (60). Шведскіе переговорщики болѣе довѣряли Голландцамъ, чѣмъ Англичанамъ, но согласились на представленія Мерика, потому

что послѣдній предложилъ на ихъ разсмотрѣніе бумагу, въ которой царь уполномочилъ его поступать при переговорахъ, какъ заблагоразсудитъ. Прибылъ также Датскій посолъ, но Яковъ Де-Ла-Гарди, не довѣряя ему, успѣлъ предотвратить его поѣздку въ Москву. Англійскій же посолъ внушилъ ему дать письменное удостовѣреніе, что, уступивъ посредничество одной Англіи, онъ надѣется заслужить благоволеніе своего государя, искренно желающаго содѣйствовать заключенію мира, а не препятствовать ему. Переговоры начались при посредствѣ Англійскаго и Голландскихъ пословъ, отправившихся на мѣсто переговоровъ, чтобы условиться съ Русскими на счетъ дня собранія. Они разставили свои палатки между Русскими и Шведскими. Шведы вручили имъ письменное опроверженіе на письмо царя, переданное Густаву Адольфу въ Нарвѣ Мерикомъ.

Сойдясь съ Русскими (14 декабря) близь Глебова, Шведскіе послы просили не замедлять переговоровъ ненужными церемоніями (61). Но, когда Русскіе вручили свои полномочія Англійскому послу въ присутствіи Голландскихъ, то Шведы, увидѣвъ, что въ нихъ по прежнему царь между прочимъ именовался государемъ Новгорода и Лифляндіи, отказали принять ихъ. Вслѣдъ за тѣмъ послы сошлись въ первый разъ 1616 года 4 января. Уже съ первыхъ словъ завязался споръ, потому что послы Шведскіе назвали Густава Адольфа Корельскимъ и Арведа Тонессона судьею Корельскимъ. Послы Русскіе говорили, что пришли «говорити о добрыхъ дѣлахъ и о покоѣ христіанскомъ и какъ доброе дѣло межъ государей учнетъ дѣлатца и тогда о Корелѣ станемъ договоръ чинить и Арвея Корельскимъ судьею писати не годится». Но Шведскіе послы не хотѣли вѣроятно показаться слишкомъ

уступчивыми и потому замѣтили, что присланы о добромъ дѣлѣ и о покоѣ христіанскомъ договариваться, а «Корела де отдана государю нашему при царѣ Васильѣ». Тутъ Русскіе послы начали доказывать, что Шведы сами нарушили Тявзинскій договоръ. Шведы опровергали ихъ мнѣнія, выставляя свои заслуги и обвиняя Бориса, доискивавшагося Ругодива. На Шуйскаго они жаловались за то, что онъ не выплатилъ имъ денегъ и выставляли свои заслуги въ битвахъ противъ Литовцевъ и Русскихъ измѣнниковъ. Послы старались представить имъ, что Борисъ никогда не думалъ нарушать Тявзинскаго договора и даже собирался послать въ Швецію посломъ Шереметева, въ чемъ воспрепятствовало ему смутное время. Воевали же противъ Литовцевъ не одинъ Яковъ и Нѣмецкіе люди, «больши было въ тѣ поры съ княземъ Михаиломъ Васильевичемъ Русскихъ людей, и промыслъ весь былъ князь Михаиловъ и ты съ нимъ же промышлялъ» прибавили они. Послѣднія слова заживо задѣли Де-Ла-Гарди. «Вы сказываете», отвѣчалъ онъ, «что ни однимъ мною и Свейскими людьми городы очищались и Польскихъ людей побивали, а были де со княземъ Михаиломъ Васильевичемъ многія Русскія рати, и вы скажите намъ, которыхъ городовъ дворяне и дѣти боярскіе со княземъ Михаиломъ Васильевичемъ были»? Бояре не замялись, отвѣчая, «что было князю Михаилу съ кѣмъ города очищати и сражаться противъ Поляковъ: были стряпчіе, стольники и дворяне изъ городовъ; Новгородцы, Смоляне, Дорогобужане, Вязмичи и иныхъ городовъ дворяне. Де-Ла-Гарди отвѣчалъ, что съ княземъ Михаиломъ было 15 человѣкъ дворянъ, а когда Смоляне пришли въ Тверь, то онъ Де-Ла-Гарди вступилъ въ битву съ Литовцами: вдругъ Смоляне и иныхъ городовъ дво-

мнѣ денегъ, сахару, чаю и проч. Я могъ купить себѣ одежду; лучшая пища и ожиданіе близкой свободы нѣсколько возстановили истощенныя мои силы. Но вдругъ переговоры приняли неожиданный оборотъ: генерал-майоръ князь Аргутинскій-Долгорукій, чрезъ котораго также велись переговоры съ Шамилемъ, приказалъ объявить послѣднему, что за меня выдадутъ только одного изъ хаджіевъ и что этимъ прекратятся переговоры. О прочихъ вовсе не упоминалось. Шамиль крайне обидѣлся этимъ предложеніемъ и сказалъ: «Мнѣ не дорогъ одинъ человѣкъ; пусть же одинъ гибнетъ въ Тифлисѣ, а другой у меня!» и вслѣдъ за тѣмъ приказалъ возвратить меня въ Дарги. Въ отчаяніи, я обратился къ генералу фон-Клугенау. Узнавъ, что, вслѣдствіе первоначальнаго предложенія, прибыли изъ Тифлиса въ Шуру тринадцать мюридовъ для размѣна, я просилъ его, не найдетъ ли онъ возможнымъ прибавить къ этому числу горцевъ еще девять женщинъ, взятыхъ въ плѣнъ въ Ахульго и содержащихся въ Темир-Хан Шурѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ объявить Шамилю, что это *послѣднее* предложеніе, и если не согласится, то я предаюсь волѣ Божіей.

«Между тѣмъ, надобно было исполнить приказаніе Шамиля: насъ повели обратно въ Дарги. Шамиля и Джемаль-Эддина мы уже не застали тамъ: они поѣхали въ Чечню, откуда въ это время производился набѣгъ на Кизляръ; потомъ они отправились къ селенію Шали, гдѣ Шамиль вступилъ въ третій бракъ и женился на дочери казикумухца Абдуллы (?), который еще при генералѣ Ермоловѣ вышелъ изъ ханства и поселился въ Чечнѣ. Вступивъ въ родство съ Шамилемъ, Абдулла сдѣлался однимъ изъ почетнѣйшихъ лицъ.

«Въ Даргахъ меня снова посадили въ яму, навалили опять огромныя цѣпи. Возобновились прежнія тѣлесныя страданія, прежняя невыносимая душевная тоска. Такъ прошло пятнадцать дней; наконецъ Шамиль возвратился съ Джемаль-Эддиномъ изъ Чечни и въ то же время получилъ отъ генерала фон-Клугенау письмо, въ которомъ послѣдній дѣлалъ ему предложеніе (о которомъ я выше говорилъ), представляя притомъ Шамилю, что онъ обязанъ спасти женщинъ этихъ, мужья которыхъ за него же лишились всего и многіе даже жизни. Это письмо и новыя убѣжденія Джемаля заставили Шамиля согласиться обмѣнять насъ на предположенныхъ генераломъ фон-Клугенау условіяхъ. Наконецъ настала вѣчноблагословенная минута освобожденія нашего! Разъ, вечеромъ, съ радостью на лицѣ, пришелъ ко мнѣ Джемаль-Эддинъ и объявилъ, что завтра я могу отправиться на родину. На другой день онъ пришелъ за мною, повелъ къ себѣ на квартиру и напоилъ чаемъ. Потомъ я пошелъ къ Шамилю, который благословилъ меня на дорогу и, дружески прощаясь, сказалъ:

«Мы теперь съ тобою кунаки; пріѣзжай къ намъ когда захочешь: ты всегда будешь въ совершенной безопасности и принятъ какъ свой.

«Я не чувствовалъ подъ собою земли: радость совершенно оживила меня! Много претерпѣли мы безъ теплой одежды и обуви отъ страшной мятели и стужи, которыя провожали насъ во всю дорогу въ

Нѣмцы. Что же касается до платы, то царь Василій, посылая его на Поляковъ, призывалъ его къ себѣ въ комнату и «язъ де ему говорилъ, чтобы де онъ велѣлъ дать наемнымъ людемъ наемъ сполна, чѣмъ къ службѣ хотныхъ учинити, а только имъ найму не далъ;—и отъ нихъ де чаялъ (т. е. Де-Ла-Гарди) всякого дурна;—и царь де Василей говорилъ, что хотѣлъ деньги прислати за нимъ въ Можайскъ, да не присылывалъ. Былъ же въ тѣ поры у царя Василья въ комнатѣ дьякъ Василій Телепневъ; томуде нынѣ вѣдомо». На это ему отвѣтилъ Мезецкій: «та казна отдана была тебѣ Якову при мнѣ въ селѣ Мышкинѣ, идучи къ бою, и тое казну, идучи къ бою, ты Яковъ взялъ къ себѣ. Если же измѣнили Нѣмцы, то вина все же твоя, ибо царь Василій во всемъ вѣрилъ тебѣ». И Яковъ Понтусовъ говорилъ, «то де я вѣдаю, что со многими дьяки казна за княземъ Дмитріемъ и за мною была прислана и мнѣ ее объявляли, только де онъ тою казною не корыствовался и самого его ограбили до нага, а то ся сдѣлало не Эведгорновою измѣною и ево Яковлевою неправдою;—потому пошолъ князь Дмитрій изъ Можайска въ самые варные дни и шолъ со всею ратью на спѣхъ до Клушина сорокъ верстъ; и ратные люди и подъ ними лошади стали томны, а иные осталися назади и пришолъ подъ Клушино поздо ввечеру, и не дождався съ достальными людми сталъ на стану не укрѣпяся, вѣдая непріятеля передъ собою». Наконецъ, отвѣчая на обвиненія нашихъ пословъ Де-Ла-Гарди прибавилъ: «князь Иванъ Микитичь Одоевскій и всякихъ чиновъ люди крестъ королевичу Карлу цѣловали; и вамъ бы де нынѣ въ томъ своемъ приговорѣ устоять и королевича Карла Филиппа на Московское государство принять». На это послы отвѣчали сердито, «что

6

ты за бездѣльное дѣло затѣваешь. Мы королевича не хотимъ, притомъ же самъ государь вашъ Московскаго государства къ бояромъ ко всякимъ писалъ, что кромѣ Московскихъ родовъ ни кого на Московское государство государемъ изъ чужеземцевъ не обирать, а обратибъ на Московское государство изъ Московскихъ родовъ, а кого на Московское государство государемъ оберутъ и государь вашъ съ нимъ будетъ въ дружбѣ и въ любви, да и сами вы намъ про то объявили и только о томъ впередъ станете говорить и намъ того не слушать и впередъ бы вамъ о королевичѣ такихъ словъ не говорить». Де-Ла-Гарди отвѣтилъ, что бояре и воеводы послѣ того били челомъ въ Ярославлѣ въ собраньи.

Государевы послы объявили, что объ этомъ посольствѣ говорить не стоитъ, такъ какъ оно состоялось безъ согласія всего народа и «разсердясь изъ за стола встали».

И третіе говорили Свѣйскимъ посламъ: вы на второмъ съѣздѣ съѣзжаетесь, «а дѣла ни котораго добраго отъ васъ въ зачинѣ не бывало и вамъ бы такія безмѣрныя дѣла и несходительныя слова оставити». Наконецъ разъѣхались, положивъ снова сойтись 5 января въ пятницу. Подобные разговоры понятны бы были между дипломатами нашего времени, спокойно диспутирующими въ прекрасныхъ, яркоосвѣщенныхъ залахъ, но не такъ пріятно было спорить на морозѣ въ шатрахъ; и потому Англійскій посолъ и Голландскіе объявили при разъѣздѣ, что «въ шатрѣхъ съѣзду быти нельзя, потому что межъ васъ царскаго величества и Свѣйскаго короля васъ пословъ о государственныхъ дѣлахъ разговоры многіе и въ вашихъ рѣчахъ за долгою стужею сидѣти не мочно». Вслѣдъ за тѣмъ послы предложили съѣзжаться въ квартирѣ Англій-

скаго посла, потому что дворъ и хоромы все государево. Такъ какъ дворъ былъ разгороженъ на двое, то они предложили, чтобы съ передняго входа являлись Русскіе послы, а съ задняго Шведскіе. Если же по договору съѣзды были въ шатрахъ и послы сидѣли въ государевомъ шатрѣ за государевымъ столомъ, то и въ избѣ можно поставить столы такіе же, какіе стояли въ шатрахъ. Послы Русскіе согласились на это предложеніе и говорили Англійскому послу и Голландскимъ посламъ, чтобы они велѣли поставить столъ государевъ и скамьи также, какъ и въ шатрѣ стояли: «съ большаго двора съ пріѣзду скамьи государевымъ посломъ, а отъ задніе стѣны противъ печи Свѣйскимъ, а посредникамъ столы свои и скамью поставить по конецъ государева стола противу компатныхъ дверей». Русскимъ посламъ слѣдовало входить съ передняго входа, а Шведскимъ съ задняго. Съѣздъ былъ назначенъ на 5-ое января. На этомъ же съѣздѣ, Русскіе послы начали говорить первые, замѣтили Шведскимъ посламъ, что они говорили много неправды про царя и сказали имъ, чтобы они объявили, что приказъ ихъ государя о вѣковѣчной отчинѣ царя Русскаго о Новгородѣ, Старой Руссѣ, Порховѣ, Ладогѣ, Иванѣ Городѣ, о Ямѣ, о Копорьѣ, о Гдовѣ? Кромѣ того, продолжали послы, мы говорили вамъ, «что государя вашего люди поимали въ безгосударственное время тѣ городы, и зелья и многіе запасы, и сокровища церковныя и монастырскія и частныхъ лицъ». Вы намъ на все это не дали отвѣта и не сказали, согласенъ ли государь вашъ возвратить нашему государю упомянутые города и заплатить тѣ понесенные нами убытки? Это мы и вчера слышали, отвѣтилъ Де-Ла-Гарди и не дали вамъ отвѣта, потому что еще не договорили съ вами боль-

шаго дѣла. Не за чѣмъ говорить о Новгородѣ, когда Владимірское и Московское государство принадлежитъ Филиппу Карлусовичу. Послы отвѣтили, что объ этомъ ни говорить, ни слушать не хотятъ. «У насъ теперь царемъ Михаилъ Θедоровичъ: онъ учинилъ у насъ миръ и покой и соединенье и всѣ великіе государи ищутъ его дружбы и любви, и вамъ бы тѣ непригожія слова о королевичѣ Филиппѣ оставить, а мы о немъ и слушать не хотимъ. При томъ же вы Новгородъ взяли оманомъ; ты Де-Ла-Гарди, на чемъ крестъ цѣловалъ Новгороду, нарушилъ и ни въ чемъ въ своемъ словѣ не устоялъ. Бояре же Карлуса не выбирали, а «если и было какое письмо къ вамъ отъ кого безъ совѣту всее земли и тому было вѣрить нечего тогды вамъ». «А говорили о томъ послы межъ собою съ бранью сердито и хотѣли разъѣхаться». И Англійскій посолъ и Голландскіе уговаривали ихъ, чтобы межъ себя не сердитовали и пойдутъ опи въ комнату и поговорятъ межъ собой. Пошли въ комнату, поговорили и вышедъ попросили къ себѣ государевыхъ пословъ. А говорили посредники, что говорятъ Свѣйскіе послы о королевичѣ и мы имъ про то отговаривали: то дѣло ужъ минулось, да и нынѣ имъ учнемъ отговаривать, только они упрямились. Русскіе послы на это отвѣтили: «какъ имъ не стыдно говорить о Филиппѣ Карлусовичѣ; да и вамъ, Англійскій и Голландскіе послы, какъ не стыдно говорить о немъ. Вы присланы къ великому князю Михаилу Θедоровичу всее Руси самодержцу къ его царскому величеству государя нашего и Свѣйскаго короля для мирнаго постановленья и покою крестьянскаго, а не о королевичѣ Филиппѣ говорить вамъ было; услыша такіе «несхожіе слова и, помня государей своихъ приказъ, такое дѣло са-

мимъ Свѣйскимъ посломъ не молчать, что они, оставя великія дѣла, которые нынѣ настоятъ, говорятъ бездѣлье». И говорили обо всемъ этомъ государевы послы Голландскимъ посламъ «съ пѣнями и вычеты сердито». Пускай бы Шведскіе послы говорили о государевыхъ городахъ, что завладѣли неправдою и о убыткахъ, что поискали въ городахъ, прибавили Русскіе послы. Когда была утверждаема запись, то споръ касался одного титула, а о королевичѣ тогда и въ поминѣ не было. Потомъ посредники, обѣщавъ отказать Шведскимъ посламъ говорить о королевичѣ, вызвали послѣднихъ. Поговоривъ съ ними, Англійскій и Голландскіе послы объявили Русскимъ, что Шведскіе послы не станутъ говорить о Карлѣ Филиппѣ, съ тѣмъ, «чтобы вы тѣхъ городовъ Новгорода съ пригороды поступилися государю ихъ Свѣйскому королю, которые цѣловали крестъ королевичу Карлу Филиппу».

Русскіе послы объявили, что ни пяди земли не отдадутъ отъ отчины государя своего и въ то же время не станутъ слушать о Карлѣ Филиппѣ. Посредники отвѣчали: «мы учнемъ говорить Свѣйскимъ посламъ, чтобы они многія мѣры оставили и поискали бы доброму дѣлу сходительства, чтобъ привести къ доброму концу, а вамъ бы царскаго величества посломъ также поискать добраго дѣла къ сходительству и о чемъ вы намъ говорили о государевыхъ городѣхъ и о убыткахъ и о Лифлянскихъ городѣхъ, тобъ имъ объявить, а, изговоря то, пошли въ комнату къ Свѣйскимъ посламъ». Вышедъ они объявили, что ночи прошло ужъ много; завтра праздникъ и потому предлагали съѣхаться въ воскресенье часу въ 4-мъ или 5-мъ. Русскіе послы изъявили на то свое согласіе. Свѣйскіе послы, вышедъ изъ комнаты, завязали разговоръ съ

Русскими, который кончили словами: «намъ съѣхатца въ воскресенье и съѣхався о государственныхъ дѣлѣхъ учнемъ говорить правдою на обѣ стороны.

7 января былъ снова съѣздъ. Русскіе послы пріѣхали раньше Шведскихъ и, дожидая послѣднихъ, сидѣли въ комнатѣ Англійскаго посла, ведя съ нимъ и съ Голландскими послами разговоръ. Они успѣли извѣстить посредниковъ о съѣздѣ, который назначенъ былъ между царскимъ посломъ Иваномъ Михаиловичемъ Воротынскимъ и Польскими послами. Они прибавили, что къ царскому величеству присланъ цесаревъ посолъ Эразмусъ Гайделіусъ, который имѣлъ порученье быть посредникомъ въ дѣлѣ примиренья Россіи съ Польшею и уже съѣзжался для этой цѣли съ Иваномъ Михаиловичемъ Воротынскимъ. Послы сообщили также, что уже назначенъ съѣздъ и, судя по изрѣченіямъ выходцевъ, Польскіе и Литовскіе послы хотятъ съ царскаго величества послы постановити на всей волѣ, такъ какъ Турки стоятъ подъ Львовымъ и Желковскій разбитъ на голову. Литовскихъ же людей, продолжали они, «царскаго величества стольники и воеводы, князь Федоръ Семеновичъ Куракинъ, да князь Василій Ивановичъ Туреницъ да Англійской земли воевода князь Артемій Астовъ въ Любецкой волости въ Александровскомъ уѣздѣ разбили; Лисовскій разбитый на голову, бѣжалъ; но воеводы чаятъ, что изъ царскаго величества земли того вора не упустятъ. Наконецъ послы объявили посредникамъ государевы грамоты и говорили: съѣзжаемся мы съ Свѣйскими послы по три дня, а дѣло впередъ не подвинулось; скажите Свѣйскимъ посламъ, чтобы они объявили «ихъ Густава Адольфа короля приказъ». «Да и про тобѣ вамъ сказать, что подъ Смоленскомъ царскаго

величества у пословъ съ Литовскими послы дѣлаетца доброе дѣло и вора Лисовскаго государевы люди побили». Посредники обѣщали исполнить ихъ желаніе. Русскіе послы спросили за тѣмъ посредниковъ, что говорилъ имъ Яковъ Пунтусовъ съ товарищами накануне. Мерикъ молчалъ; а Голланскіе послы говорили, что Свѣйскіе послы требуютъ вознагражденіе убытковъ, не отдаютъ городовъ и грозятъ разорвать, какъ скоро учнемъ съ ними говорить о Лифляндіи.

Явились наконецъ Шведскіе послы и государевы послы опять по прежнему начали совѣщанія, не уменьшая своихъ требованій и коснулись Лифляндіи. Услыша последнее «Свѣйскіе послы изъ за стола встали и хотѣли итти вонъ и говорили, толькобъ де мы вѣдали, что вамъ и нынѣ про Лифлянскіе городы поминать и мы бъ де на съѣздъ не ѣхали, тобъ де у насъ и разрывъ».

Посредники ихъ уняли; Свѣйскіе послы опять сѣли за столъ и опять завели рѣчь о Карлѣ Филиппѣ. Государевы послы опять отказались слушать ихъ. Шведскіе послы, не смотря на то, опять заговорили о королевичѣ; Русскіе послы опять отказали имъ, объявивъ, что «съ Божіею помощію учинился великій государь нашъ царь и великій князь Михаилъ Θеодоровичъ всея Россіи самодержецъ и ему государю Всероссійскаго государства люди служатъ и за него государя всѣ единодушно стоятъ, работаютъ».

«И Свѣйскіе послы Яковъ Пунтусовъ съ товарыщи просидѣли и шляпъ не сняли, слыша царское именованье». Государевы послы замѣтили, что они поступаютъ не пригоже: «говорено у насъ съ вами, что царскаго величества именованье вамъ услыша, тотчасъ вставъ и шляпы сни-

мать; пригоже ль то будетъ, что мы противъ государя вашего имяни не учнемъ вставати и шапокъ снимати»? Шведскіе послы отвѣтили: «вы де не въ одно время противъ государя нашего имяни шапокъ не снимали и мы молчали».

Государевы послы отвѣтили, «что противъ имени Густава Адольфа короля вставали, а когда говорите о королевичѣ Филиппѣ и намъ къ тому вставать не пригодится». Свѣйскіе послы обѣщали вставать и не говорить о королевичѣ. Государевы послы объявили, что о королевичѣ и слушать не хотятъ и просили отдать Новгородъ. Шведскіе послы отвѣтили: о королевичѣ мы говорить не будемъ, а вы отставьте говорить о Лифляндскихъ городахъ и о Новгородѣ. Государевы послы просили отдать государеву отчину Лифляндію и Новгородъ. Тутъ они развили историческія сношенія Лифляндіи съ Россіею. Шведскіе послы объявили, что «не токмо, что Лифляндская земля не отчина государя вашего; но и Новгородомъ не давно начали владѣть и завладѣли Лиѳляндскою землею Московскіе государи неправдою и за то де Богъ имъ месть воздалъ». Государевы послы отвѣтили, «Лиѳляндія за нами отъ прародителей государей нашихъ государя Георгія Ярослава Володиміровича, который построилъ въ Лифляндской землѣ городъ Юрьевъ Ливонской въ свое имя, а Новгородское государство было за Россійскіе государи во времена Рюрика и ни за кѣмъ опричь Россійскихъ царей не бывало». Шведскіе послы спросили: «видѣли ли они каковъ Юрьевъ Ливонской дѣломъ» и прибавили: «Ливонскихъ городовъ вамъ за государемъ своимъ не видать, что ушей своихъ». Государевы послы говорили, «вы такъ говорите, снимая помочь съ Бога, а мы, прося у Бога милости, будемъ доискиваться своего; не отдадите безъ крови;

съ кровью же отдадите». «Оставьте вы говорить высокіе мѣры; Лисовскій и ни висть кто обычной человѣкъ и тотъ съ невеликими людьми Московское государство все прошолъ»; былъ отвѣтъ. На возраженіе Русскихъ пословъ, которые, упомянувъ о съѣздѣ съ Поляками, прибавили: «царь хочетъ мириться съ вашимъ королемъ, чтобы онъ передъ нимъ великимъ государемъ исправился, и не забылъ, что Дацкій король къ великому государю Русскому безпрестанно присылаетъ съ великимъ прошеньемъ, чтобъ великій государь сталъ стоять на государя вашего (62)»; Шведы объявили, что имъ дѣла нѣтъ до съѣздовъ; все же что происходитъ въ Литовскихъ городахъ, они знаютъ черезъ свои грамоты. «Не угрожайте намъ также увѣреніемъ, будто возстанутъ на насъ окрестные государи», продолжали они, «мы не боимся союза вашего съ Польскимъ королемъ: когда ваши государи соединялись съ Польскимъ королемъ противъ нашего государя, то не могли взять ни одной «драницы»; при томъ же дружба съ Поляками вамъ никогда не приносила пользы». Государевы послы отвѣчали, что Шведамъ никогда не случалось пока воевать противъ Русскихъ и Поляковъ вмѣстѣ. «А что говорите вы», прибавили они, «что рати государя нашего знаете» (Шведскіе послы сказали «мы ваши рати Русскіе и Татарскіе знаемъ») «и вы помните то, какъ блаженные и славные памяти при великомъ государѣ и великомъ князѣ Феодорѣ Ивановичѣ, всея Россіи самодержцѣ, отдалъ государю нашему государь вашъ государя нашего городы Ивангородъ, Копорье и иные городы; однакоже государь нашъ велѣлъ стрѣлять по городу Ругодиву, и Нѣмцы ваши всѣ тотчасъ замахали съ города шляпами и били государю нашему челомъ, чтобы государь нашъ крови ихъ пролити не велѣлъ и госу-

дарь нашъ былъ праведной, и христіанской ихъ крови не похотѣлъ и не взялъ Ругодива», хотя могъ; «и послѣ, король вашъ Яганъ въ правдѣ своей не устоялъ, и Корелу государю нашему отдать не хотѣли: государь послалъ на васъ воеводу своего Ѳедора Ивановича Мстиславскаго и вы помните, какая тогда была отъ нашего государя людей въ землѣ вашей война и плѣнъ? и нигдѣ тогды государя нашего людямъ люди ваши противны не были, и государю вашему надобно впередъ того остерегаться: въ правдѣ всякому Богъ помогаетъ, а не въ правдѣ сокрушаетъ». Посредники объявили, чтобы съ обѣ стороны «доброго дѣла поискати, чтобъ ближе къ миру и къ покою, а въ такихъ великихъ въ спорныхъ словахъ доброго дѣла не будетъ» Московскіе послы жаловались на Шведскихъ за несходительство и спрашивали, за что же государю взять убытки? Де-Ла-Гарди твердилъ одно, что царь Василій не выплатилъ Шведамъ денегъ. Русскіе послы объявили, что деньги были выплачены и что, если бы не измѣна Де-Ла-Гарди, то Поляки не завладѣли бы Московскою казною, которой по писцовымъ книгамъ «въ расходѣ съискано съ триста сотъ тысячъ». Де-Ла-Гарди отвѣчалъ, «тѣ вамъ убытки учинилясь отъ себя, а нынѣ будетъ сдружились съ ними и возмете де на насъ у Литовскихъ людей тысячъ десять или двѣнадцать, и они де у васъ опять Москву отымутъ». Русскіе послы отвѣчали: «что вы намъ Польскихъ людей въ дружбу причитаете»? и, называя Де-Ла-Гарди измѣнникомъ, спрашивали, зачѣмъ онъ, послѣ битвы при Клушинѣ: «не шелъ въ Москву къ царю Василью»? «Тамъ бы и меня постригли съ нимъ вмѣстѣ», отвѣтилъ Де-Ла-Гарди. Впрочемъ мы много говорили теперь, продолжалъ онъ, «что де у васъ послѣдняя мѣра и что за городы дадите, а что

намъ за тѣ городы взять, и мы то пришлемъ третьимъ на письмѣ». Января 9-го Англійскій посолъ прислалъ съ приставомъ своимъ съ Баженомъ Высоцкимъ письмо (нѣмецкій листъ), не сказавъ о томъ Голландскимъ посламъ. Русскіе послы также прислали къ посредникамъ свои условія. Шведы хотѣли требовать въ замѣнъ утратъ, понесенныхъ ими, уступки городовъ: Новгорода, Ладоги, Нотебурга, Копорья, Ямъ, Ивангорода, Гдова, Порхова, Старой Руссы и всего къ нимъ принадлежащаго, а равно и Колы, Сомы, Соловецкаго монастыря съ землями къ нимъ причисленными. Послы, не рѣшаясь представить эти условія на разсмотрѣніе Русскихъ, успѣли уговорить ихъ, отказаться отъ Новгорода и нѣсколькихъ крѣпостей; и въ условіяхъ, переданныхъ въ тайнѣ Мерикомъ Русскимъ посламъ, Шведы уступали Новгородъ. Русскіе послы тотъ часъ же написали письмо, которымъ, въ замѣнъ этой уступки, отказывались отъ Лифляндскихъ городовъ Колывани, Порцы, Томце, Борасы, Релска, Апела, Коловери, Лиговери; но не отослали этого письма, такъ какъ Мерикъ сговорился съ Голланскими послами не показывать письма Русскимъ. 10 января былъ снова съѣздъ. Русскіе послы пріѣхали къ Англійскому раньше Голландскихъ и Шведскихъ, для того, чтобъ «съ нимъ о государевыхъ дѣлахъ поговорить». Когда явились Голландскіе послы, Мезецкій съ товарищами просилъ объявить, что написано въ Шведскомъ письмѣ. Голландскіе послы отказались прочесть это письмо и объявили, что также требуютъ съ той и съ другой стороны писемъ болѣе умѣренныхъ. Съ часъ послѣ того прибыли Шведскіе послы. Русскіе начали настоятельно требовать чтенія Шведскаго письма; повторяя свою просьбу разъ пять и прибавляя «а то перво отъ васъ не вѣдая ничего, и го-

ворить не чего». Посредники повторяли въ отвѣтъ разъ пять, дайте другое письмо, а «по тому де письму, что вы дали, дѣла не сдѣлать». Шведскіе послы также замѣтили, что слѣдуетъ разсудить то дѣло посредникамъ. Государевы послы замѣтили, «и почину отъ васъ доброму дѣлу не бывало, и только вскорѣ доброго дѣла не будетъ и государь учнетъ отчинъ своихъ доступать вскорѣ, а рать у государя не наемные, всегда готовы». При томъ же надлежало дать послѣднюю мѣру, прибавили они, а она и къ дѣлу не пристоитъ, и то не хорошо «говоря добро, а дѣла не потому». Шведскіе послы отвѣтили, «дадимъ послѣднюю мѣру, что намъ въ наказѣ нашемъ отъ государя написано». Посредники просили, чтобы съ обѣихъ сторонъ дали письма прямыя, безъ мѣръ, «такъ какъ Богу душа отдать». Шведскіе послы говорили государевымъ посламъ и посредникамъ съ клятвою, что дадутъ они письмо по послѣдней мѣрѣ, потому что слѣдуетъ «дѣлать между собою не только для себя, но и для тѣхъ душъ, которые помираютъ напрасно въ лѣсахъ съ голоду или томятся въ плѣну; —«для того хоть всю ночь сидѣть и то не грѣхъ будетъ». Далѣе Шведскіе послы сказали, что тотъ, кто помѣшаетъ доброму дѣлу, будетъ взысканъ Богомъ, и разсказали про какого то великаго человѣка, сынъ котораго спросилъ у отца, будетъ ли миръ? Отецъ отвѣтилъ, что ты добиваешься мира только будетъ миръ и ты «будешь худъ и мнѣ чести убудетъ»; и Богъ поразилъ того великаго человѣка. И государевы послы говорили, «воздвизаютъ брани воинскіе мелкіе люди для найму, а великіе люди, которые по государей своихъ указу правятъ землю, тѣ всегда хотятъ, чтобы государи ихъ были въ любви и въ дружбѣ».
12-го числа Англійскій посолъ прислалъ къ Русскимъ

письмо Шведскихъ пословъ съ сотникомъ стрѣлецкимъ Денисомъ Золоторевымъ. Русскіе послы, съ того письма списавъ, тотчасъ отослали его къ Англійскому послу. Въ тотъ же день посредники пригласили къ себѣ Русскихъ пословъ, чтобы показать имъ письмо Шведовъ. Исполнивъ это, посредники пошли въ комнату къ Шведскимъ посламъ. Противники не сходились, потому что Русскіе не уступали ни Корелы, ни Лифляндскихъ городовъ. Наконецъ Русскіе послы объявили, что если Шведскіе послы государевыхъ всѣхъ городовъ и Орѣшки поступятца и «о срытіи Ивангорода перестанутъ говорить, то мы то возьмемъ на свою голову о Ругодевѣ говорити не станемъ; а Корелы поступитися нельзя». Посредники объявили это Шведскимъ посламъ, которые, поговоривъ съ ними много, поѣхали къ себѣ, разъѣхавшись съ посредниками съ бранью и объявивъ, что болѣе 3-хъ или 4-хъ дней жить не будутъ. Англійскій посолъ говорилъ на единѣ съ послами государевыми съ великою борьбою. Государевы послы объявили, что слѣдуетъ объ этомъ дѣлѣ отписать къ государю и удержать пока Шведскихъ пословъ. Мерикъ объявилъ, что едва ли можно будетъ удержать Шведскихъ пословъ до государева указа, такъ какъ они выразили твердое намѣреніе отправиться во свояси, имѣя нужду великую во своихъ и конскихъ кормахъ.

Съѣздъ былъ назначенъ на 13 генваря и Шведскіе послы не явились. Государевы послы послали пригласить ихъ на съѣздъ, но они объявили что предоставляютъ рѣшить дѣло посредникамъ, отъ которыхъ узнаютъ рѣшеніе на другой день. Посредники начали договариваться и Русскіе послы наконецъ объявили, что если Шведы отдадутъ всѣ города, то мы начнемъ говорить объ убыткахъ.

14 января Англійскій посолъ посылалъ объявить Русскимъ, что у него были Шведскіе послы, которые объявили, что, если государевы послы Корелы не поступятся, то они и на съѣздъ перестанутъ являться. Въ то же время Мерикъ увѣдомилъ, что Шведскіе послы отослали уже въ Новгородъ рухлядь и лошадей. 15 января, Русскіе послы опять являлись къ посредникамъ и, по требованію посредниковъ, при разъѣздѣ обѣщали объявить къ 16 числу въ письмѣ послѣднюю мѣру. Въ письмѣ этомъ Русскіе отказались отъ Лифляндіи, Корелы же уступить не хотѣли. 17-го числа посредники пригласили ихъ къ себѣ и объявили, что дѣло не подвигается впередъ. Государевы послы просили двухъ недѣль, чтобы отписать государю и получить отъ него письмо. Потомъ Англійскій посолъ опять втайнѣ показалъ Русскимъ посламъ послѣднее письмо Де-Ла-Гарди съ товарищами, которые требовали Ивангорода, Орѣшка, Сумерской волости и 100,000 цесарскихъ ефимковъ. 18 января посредники объявили, что послы ждать не хотятъ; но, что готовы ждать извѣстія объ указѣ государя въ Новѣгородѣ. Русскіе послы совѣтовали удержать Шведскихъ, «потому что только послы пойдутъ съ мѣстъ своихъ и впередъ сходиться будетъ даляче и такое великое дѣло пойдетъ въ протяжку». Въ то же время, послы государевы предложили, чтобы укрѣпить записью взаимныя уступки и заключить перемиріе. 20 января отъ государя явился гонецъ и такъ какъ Шведы настаивали на отъѣздѣ, то послы, по собственному усмотрѣнію, предложили (20 января) слѣдующее: 1-е) укрѣпить Тявзинскій и Выборгскій трактатъ, уступить въ вѣчное владѣніе королю Кексгольмъ, Тявзино, Потебургъ и сверхъ того выплатить 200,000 руб., а Ивангородъ разрушить; или

II-е) при тѣхъ же условіяхъ, оставить за Шведами Ивангородъ съ уѣздомъ и не платить вовсе денегъ; или наконецъ въ III-хъ) въ замѣнъ всего завоеваннаго выплатить 40 боченковъ золота. Шведскіе переговорщики не изъявили согласія ни на одно изъ этихъ предложеній, подъ тѣмъ предлогомъ, что въ Датской войнѣ ихъ отечество принесло несравненно большія жертвы. Такъ какъ Шведы не приняли этихъ условій, то послы предложили отъ имени Русскихъ Сумерскую страну, Ивангородъ, Копорье, Ямы, Нотебургъ съ уѣздами и къ тому 100,000 руб. Они обѣщали обязать Русскихъ уплатить изъ этихъ денегъ половину немедленно при сдачѣ Новгорода, Порхова и Старой Руссы, половину черезъ полгода, сдавъ Шведамъ на время въ видѣ залога Гдовъ и Ладогу. Шведскіе переговорщики предоставили самимъ посламъ рѣшить, могутъ ли быть приняты эти предложенія, когда король, кромѣ упомянутыхъ крѣпостей, требовалъ уступки Ладоги и Гдова съ крѣпостями, Колы, Сомы и къ тому 20 или 30 боченковъ золота? Послы уговаривали Шведскихъ переговорщиковъ не вредить дѣлу преувеличенными требованіями, доказывая, что царь не можетъ отдѣлить Ладоги отъ Новгорода и Гдова отъ Пскова, тѣмъ менѣе уступить не завоеванныя земли. Мерикъ объявилъ Шведамъ, что самъ Густавъ Адольфъ при первой встрѣчѣ съ нимъ требовалъ только шестидесяти боченковъ золота въ замѣнъ всего завоеваннаго Шведами въ Россіи. Переговорщики отвѣчали, что король вѣроятно требовалъ этой суммы вмѣстѣ съ принятіемъ тѣхъ условій, которыя содержатся въ ихъ предписаніяхъ. Наконецъ Англійскій и Голландскіе послы сдѣлали отъ имени Русскихъ слѣдующія три предложенія ([63]): I) выплатить за завоеванныя Шведами земли

2 милліона рублей или 4 милліона рейхсталеровъ, что равняется 40 боченкамъ золота или во II) уступить Нотебургъ, Ямъ, Копорье, Ивангородъ и къ тому 3 боченка золота, равняющіеся 150,000 руб. или наконецъ въ III) къ вышеприведеннымъ крѣпостямъ прибавить Сомерскую землю и 100,000 руб. Шведскіе переговорщики не смѣли принять этихъ условій, потому что они не вполнѣ согласовались съ данными Густавомъ Адольфомъ предписаніями. Впрочемъ, они предоставили посламъ испросить согласіе короля. Такъ какъ и Русскіе переговорщики не согласились на сдѣланныя Шведами предложенія, то Шведскіе переговорщики совѣтовали отправить 2-хъ уполномоченныхъ къ царю и столько же къ Шведскому королю, обѣщая ждать отвѣта 12 дней.

По истеченіи срока (въ февралѣ) пришло письмо отъ царя, извѣщавшаго, что онъ не можетъ дать окончательнаго отвѣта, частью вслѣдствіе важности самаго дѣла, частью по причинѣ предстоящаго времени поста. Въ тоже время Русскіе переговорщики объявили, что царь отказался сообщить свое рѣшеніе, до полученія окончательныхъ извѣстій отъ Густава Адольфа. Шведскіе переговорщики увѣряли, что король не отступится отъ данныхъ имъ предписаній.

Шведы не могли оставаться долѣе въ Глебовѣ, потому что приближалось время распутицы. При томъ, они уже давно терпѣли недостатокъ въ продовольствіи и 23 февраля выѣхали изъ Глебова по дорогѣ въ Новгородъ. Англійскій посолъ изъявилъ намѣреніе ѣхать въ Москву, а Голландскіе къ Шведскому королю, чтобы своимъ присутствіемъ содѣйствовать скорѣйшему окончанію переговоровъ ([64]).

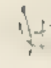
Между прочимъ до отъѣзда пословъ было заключено записью 22 февраля перемиріе на 3 мѣсяца (65). Шведы начали терять надежду на счастливое окончаніе переговоровъ и поговаривали о томъ, что переговоры начались подъ звѣздою Марса. Но, спустя нѣсколько времени, до нихъ дошли черезъ Русскаго перебѣщика вѣсти изъ Россіи. Онъ описывалъ горестное положеніе, въ которомъ тогда находилось наше отечество и увѣрялъ, что ненависть между Русскими и Поляками увеличивается; такъ что Русскіе безъ сомнѣнія поспѣшатъ заключить миръ съ Шведами.

Самъ Густавъ Адольфъ, объѣзжавшій завоеванныя имъ Русскія земли, не получалъ никакихъ извѣстій о ходѣ переговоровъ въ продолженіе шести недѣль. Впрочемъ, онъ послалъ своимъ полномочнымъ письмо, въ которомъ приказывалъ не настаивать на уступкѣ Гдова, а назначить границу близь озера Пейпуса, между Гдовомъ и Вестеръ-Нарвою или Нишлотомъ. Наконецъ по востребованію короля, къ нему отправились Генрихъ Горнъ и Арведъ Тонессонъ, которые дали ему отчетъ о ходѣ переговоровъ. Густавъ Адольфъ немедленно написалъ Мерику, что принимаетъ I и II изъ сдѣланныхъ предложеній. Онъ въ это время успѣлъ изучить природу той страны, о которой шли переговоры. Размышленія свои онъ изложилъ въ письмѣ къ вдовствующей королевѣ. Нельзя не дивиться уму великаго человѣка, съ такою ясностью предсказывавшаго будущность Россіи, обусловленную самимъ ея географическимъ положеніемъ. Но мы не намѣрены сообщать этого письма въ подробности, потому что большая часть его содержанія извѣстна, и приводится почти во всѣхъ печатныхъ о Густавѣ Адольфѣ сочиненіяхъ. За-

мѣчательны его слова относительно Ивангорода, который въ то время былъ такъ необходимъ для Россіи; хотя въ свою очередь какъ нельзя болѣе важно было для Швеціи завладѣть этимъ мѣстомъ. Самое географическое ея положеніе открываетъ Швецію нападеніямъ почти со всѣхъ сторонъ. Въ Ивангородѣ поддерживались до того времени дружественныя сношенія всѣхъ ея сосѣдей съ Россіею. Тамъ ихъ сближали обоюдныя выгоды. Запретительныя мѣры, принятыя со временъ Карла IX касательно торговли иностранцевъ съ Ивангородомъ, питали въ нихъ ненависть къ Швеціи и пріязнь къ Россіи. Густавъ Адольфъ велѣлъ предложить письмо это на разсмотрѣніе рейхсрату, который совершенно соглашался съ его мнѣніемъ. Между прочимъ къ Голландскимъ посламъ прибыли письма изъ Москвы отъ царя и Мерика. Царь писалъ, что удивляется, какъ они могли сдѣлать предложенія, на которыя Русскіе ни подъ какимъ видомъ не могутъ согласиться. Въ томъ же письмѣ царь просилъ Голландскихъ пословъ, отправиться къ королю Шведскому и, если послѣдній останется при своихъ неумѣренныхъ требованіяхъ, согласно обѣщанію вмѣстѣ съ Англіей защитить Россію отъ его несправедливыхъ притязаній.

Голландцы объявили, что никогда не обѣщали этого, жаловались, что Русскіе по наущенію Мерика (66) ищутъ внушить Шведамъ недовѣрчивость и просили у Густава Адольфа письменнаго вида для возвращенія въ Голландію. Шведы не отказали имъ, потому что старались скрыть недовѣрчивость къ Мерику, надѣясь тѣмъ заставить его употребить больше старанія при содѣйствіи заключенію мира. Шведскіе послы, извѣстивъ Мерика объ отбытіи Голландцевъ, просили его уговорить Русскихъ согласиться

на принятыя Густавомъ Адольфомъ условія. Но, не получая отъ Мерика отвѣта, они совѣтовали Густаву Адольфу собрать войско, чтобы быть въ состояніи встрѣтить нападенія Русскихъ. Де-Ла-Гарди совѣтовалъ сдѣлать нападеніе на Тихвинъ; но Густавъ Адольфъ боялся встрѣтить неудачу, какъ при первой попыткѣ. Опасеніе Шведскихъ переговорщиковъ увеличилось, когда они получили письмо отъ Мерика, который ссылался на письмо царя, исполненное негодованія. Царь жаловался, что Шведы похитили церковныя вещи и силою выводили изъ Новгорода жителей. Въ то же время Русскіе сдѣлали на лыжахъ нѣсколько нападеній изъ Тихвина по направленію къ Ладогѣ и Нотебургу; а казаки опустошили Сумерскую страну. Кромѣ того, Русскіе намѣревались вербовать солдатъ въ Германіи и до Шведовъ дошли слухи, что Турецкій посолъ успѣлъ помирить Русскихъ съ Поляками. Шведы получили въ Новгородѣ новыя предписанія, данныя Густавомъ Адольфомъ. Онъ повелѣвалъ снова начать переговоры, принявъ за основаніе при заключеніи мира предложенныя Англійскими и Голландскими послами условія ([67]). Кромѣ того, Густавъ Адольфъ уполномочилъ ихъ, если не сойдутся о мирѣ, заключить 10-ти лѣтнее перемиріе, съ тѣмъ, чтобы Кексгольмъ перешелъ въ вѣчное владѣніе Шведовъ; Новгородъ, Старая Русса, Порховъ, Ладога, Гдовъ, Ивангородъ, Ямы, Копорье и принадлежащія къ нимъ земли, оставались за ними до истеченія срока перемирія. Де-Ла-Гарди и Монсъ Мартенсонъ, которые постоянно жили въ Новгородѣ, нѣсколько разъ писали Англійскому послу, пріѣхавшему съ Русскими полномочными въ Тихвинъ ([68]), чтобы по истеченіи срока

перемирія снова приступить къ переговорамъ, требуя пред-

варительнаго удостовѣренія, что Русскіе переговорщики уполномочены царемъ принять одно изъ условій, предложенныхъ Мерикомъ и Голландскими послами близь Дидерино [69]. Мерикъ не давалъ опредѣленнаго отвѣта. Потерявъ надежду на успѣхъ, Шведскіе переговорщики послали къ Русскимъ Олофвъ Дуфва, чтобы прервать переговоры. Такъ какъ срокъ перемирія кончился, то Шведы стали болѣе заботиться о приготовленіи къ войнѣ. Гиліенгельмъ замѣщалъ во время переговоровъ Де-Ла-Гарди. Онъ построилъ земляныя укрѣпленія близъ Пскова и снабдилъ войско припасами. Вскорѣ (3 сент.) въ Ладогу прибылъ Смитъ, увѣрившій Шведскихъ переговорщиковъ, что, если снова начнутся переговоры, миръ состоится. Тутъ же Смитъ спросилъ, позволятъ ли они Русскимъ переговорщикамъ пріѣхать въ Ладогу, если послѣдніе не откроютъ Мерику окончательнаго рѣшенія своего государя?

16 сент. въ Ладогу пріѣхалъ секретарь Англійскаго посла и просилъ Шведскихъ переговорщиковъ отправиться на встрѣчу Мерику въ деревню Столбово, лежащую при рѣкѣ Тезо близъ водопада Тезо [70]. Шведскіе переговорщики, опасаясь показать излишнюю поспѣшность, просили Мерика предварительно явиться къ нимъ въ Ладогу. Мерикъ согласился и отправился въ путь. Его встрѣтили на рѣкѣ Тезо близъ водопада четыре лодки и отрядъ войска, предводимый ритмейстеромъ Вагнеромъ. День спустя, онъ послалъ гонца къ Шведамъ, требуя аудіенціи и извиняясь, что не можетъ сообщить окончательнаго рѣшенія царя изъ опасенія навлечь негодованіе Русскихъ, ему и такъ недовѣряющихъ. Мерикъ жаловался на толмача своего, который, находясь обыкновенно въ нетрезвомъ видѣ, не умѣетъ скрыть тайнъ ему ввѣренныхъ. Вечеромъ того

же дня Мерикъ обвинялъ Шведовъ, что они не имѣютъ къ нему довѣрія. Въ отвѣтъ на это Де-Ла-Гарди пригласилъ его посѣтить Швецію, даже въ случаѣ миръ не состоится.

5 окт. сойдясь снова съ Шведскими переговорщиками, Мерикъ извѣстилъ ихъ, что Русскіе не соглашаются на уступку земель и предлагаютъ выплатить 100,000 рублей. Но, находя, что условія эти недостаточны, онъ обѣщалъ, что Русскіе уступятъ Ивангородъ и Ямъ и указывалъ на пользу, которая сопряжена съ этими городами. Шведскіе переговорщики отвѣчали, что выгоды будутъ еще значительнѣе, если король оставитъ за собою всѣ завоеванныя земли. Прибавивъ къ вышеупотянутому Копорье и не добившись отъ Шведовъ ничего, Мерикъ прекратилъ на этотъ день переговоры. Въ понедѣльникъ Мерикъ жаловался на Густава Адольфа, упорствующаго въ своихъ требованіяхъ, тогда какъ Русскій царь дѣлаетъ всевозможныя уступки. Онъ обвинялъ Шведскихъ переговорщиковъ, что они не дорожатъ дружбою Англійскаго короля и утверждалъ, что во время переговоровъ близь Дидерино были сговорчивѣе изъ уваженія къ Голландскимъ посламъ. Де-Ла-Гарди и его сотоварищи оспаривали его, увѣряя, что всѣ уступки король сдѣлалъ вслѣдствіе посредничества короля Англійскаго, друга и брата его, которому не слѣдуетъ требовать невозможнаго. Наконецъ Мерикъ сдѣлалъ послѣднее предложеніе, заключавшееся въ прибавкѣ къ тремъ поименованнымъ крѣпостямъ 10,000 рублей. При этой встрѣчѣ Мерикъ былъ сильно взволнованъ и открыто порицалъ неуступчивость Шведскихъ переговорщиковъ. На другой день Мерикъ письмомъ извѣстилъ Де-Ла-Гарди, что отсылаетъ своего толмача къ Русскимъ переговорщикамъ,

дабы испросить у царя новыхъ предписаній. Въ томъ же письмѣ онъ объявилъ, что съ намѣреніемъ такъ горячо защищалъ дѣло Русскихъ, желая заставить выше упомянутаго толмача пересказать имъ все, что происходило. Кромѣ того, онъ просилъ Де-Ла-Гарди указать на тѣ пункты, въ которыхъ Шведы не намѣрены уступать, обѣщаясь обратить на нихъ вниманіе царя. Генрихъ Горнъ, Арведъ Вильдеманъ и Монсъ Мартенсонъ отправились къ нему на домъ. Мерикъ началъ тутъ отказываться отъ своихъ словъ, обвинялъ толмача, не вѣрно будто бы передававшаго ихъ значеніе и доказывалъ, что уступалъ 10,000 р. въ замѣнъ Потебурга съ участкомъ земель, лежащихъ за Невою до самаго Систербека. Шведы представили ему протоколъ. Мерикъ не хотѣлъ вѣрить глазамъ и всю вину слагалъ на толмача. 31 октября Шведы согласились удовольствоваться 3-ю частью суммы, назначенной при Диверино и уступкою упомянутыхъ 4-хъ крѣпостей, въ томъ числѣ и Потебурга. Мерикъ обѣщалъ дать отвѣтъ, снесясь съ Русскими переговорщиками. Въ ожиданіи извѣстій отъ Русскихъ, Мерикъ не переставалъ переговариваться съ Шведами и предложилъ уступить часть Потебургскаго уѣзда, а за другую часть заплатить сумму денегъ. Онъ въ то же время предложилъ заключить на нѣсколько лѣтъ перемиріе. Перваго предложенія Шведы не приняли, на второе соглашались, но съ условіемъ, чтобы отдать въ вѣчное владѣніе Шведовъ Кексгольмъ, обѣщанный Карлу IX, и выплатить за Новгородъ, Старую Руссу и Порховъ 600 руб. или за Новгородъ и Старую Руссу 500 руб. Видя, что Шведы не хотятъ заключить перемирія, Мерикъ просилъ Шведовъ оставить за Русскими въ Потебургскомъ уѣздѣ 4 погоста, лежащіе на южной сторонѣ Невы и не

требовать денегъ; но и въ этомъ ему отказали. Нѣсколько дней спустя, Мерикъ снова явился къ Шведскимъ переговорщикамъ, и просилъ оставить за Русскими только два погоста, Лопскій и Яросольскій ([71]). Шведскіе переговорщики объявили, что, если Русскимъ уступить по требованію Мерика 2 погоста, то между обоими государствами нельзя будетъ положить твердыхъ границъ и война не замедлитъ возобновиться. Уступая всѣ 4 погоста, Мерикъ объявилъ, что въ такомъ случаѣ Русскіе не намѣрены платить Шведамъ денегъ. Шведы отказались отъ денегъ, но требовали въ замѣнъ часть Сумерской земли между Ивангородомъ и Пейпусомъ. Тутъ Мерикъ не скрылъ душевнаго волненія и просилъ Шведовъ не увеличивать своихъ требованій. Шведы не настаивали, но сумму уменьшать не хотѣли, и только послѣ 4-хъ дневныхъ переговоровъ согласились удовольствоваться 30-ю тысячами. На конецъ послѣ долгихъ споровъ сошлись на 20 тысячахъ. Это рѣшеніе не могло не радовать Шведовъ, потому что ихъ положеніе становилось затруднительнѣе со дня на день. Поляки готовились къ нападенію и легко могли бы проложить себѣ дорогу въ Финляндію, потому что солдаты, большею частью Нѣмцы, отказывались служить Шведскому королю. Русскіе сдѣлали нѣсколько нападеній на Шведскія укрѣпленія близь Пскова. Но по старанію Мерика военныя дѣйствія между Русскими и Шведами прекратились. Де-Ла-Гарди написалъ Гильенгельму, который былъ въ Нарвѣ, чтобы онъ вывелъ войска свои изъ укрѣпленій. Финскіе солдаты были отправлены на родину, а Шведскіе размѣщены въ пограничныхъ крѣпостяхъ.

Шведскіе переговорщики поспѣшили написать предварительныя условія договора ([72]). Тутъ Мерикъ, ссылаясь

на незнаніе Нѣмецкаго языка, возбуждалъ новыя затрудненія и обо всемъ совѣтовался съ двумя Русскими, которымъ Шведы предоставили присутствовать по настоятельной просьбѣ Мерика. Вслѣдъ за рѣшеніемъ, принятымъ Merикомъ и Шведскими переговорщиками, сошлись (7 декабря) въ деревнѣ Столбово по четыре полномочныхъ съ каждой стороны. Совершивъ присягу и приложившись къ кресту, они постановили сойтись въ упомянутой деревнѣ посламъ обоихъ государствъ въ сопровожденіи 50-ти человѣкъ конницы и 200 человѣкъ пѣхоты; при чемъ посламъ гарантировалась неприкосновенность (73).

19 декабря Англійскій посолъ отправился со своею свитою къ мѣсту переговоровъ; 22 того же мѣсяца выѣхали изъ Ладоги Шведскіе переговорщики въ сопровожденіи конвоя изъ пѣхоты и конницы. Англійскій посолъ былъ боленъ сильнымъ ревматизмомъ, и потому предложилъ договорщикамъ просмотрѣть довѣрительныя грамоты (procuratoria). Такъ какъ Русскіе употребили въ грамотахъ сокращенный титулъ, а Шведы полный, то переговорщики должны были прибѣгнуть къ посредничеству Мерика. Мерикъ кончилъ споръ, взявъ обѣ грамоты и объявивъ, что договорщики уполномочены приступить къ составленію договорнаго акта (74).

31 декабря договорщики сошлись въ квартирѣ Англійскаго посла въ деревнѣ Столбово, въ трехъ миляхъ отъ квартиры Шведскихъ переговорщиковъ. На другой день была вторая встрѣча. Тутъ переговорщики долго спорили о срокѣ сдачи мѣстъ, а равно и о совершеніи присяги. Съ упорствомъ настаивали Шведы, чтобы Русскіе особеннымъ актомъ утвердили уступку Нотебурга, Кексгольма и т. д., но Русскіе не согласились. Русскіе требовали, чтобы слово

обладатель было переведено словомъ «overvinnare», ссылаясь на письма Карла IX къ Ивану Васильевичу Шуйскому отъ 19 марта 1608, 18 апрѣля 1608, 22 мая 1608, 29 мая 1608, въ которыхъ Карлъ IX вмѣсто слова обладатель употребилъ слово overvinnare. Шведы приводили другіе примѣры, между прочимъ, что въ Выборгскомъ трактатѣ царь названъ только «Herre och Regent» и не исполнили требованій Русскихъ. Долго спорили о титулѣ Ингерманландіи. Шведы, основываясь на народномъ правѣ, по которому legitimum Dominum sequitur titulus, требовали его. Но, не получивъ на то разрѣшенія отъ своего правительства, Русскіе переговорщики не рѣшались признать за королемъ Шведскимъ этого титула, на томъ основаніи, что часть Ингерманландіи, простирающейся до рѣки Тявзы, во владѣніи Русскихъ. Опасаясь, что изъ этого разногласія могутъ возникнуть препятствія заключенію мира, согласились (19 февраля) написать договоръ съ короткими титлами, на подобіе Тявзинскаго договора. Впрочемъ, въ то же время постановили, что если государи пожелаютъ внести въ договорный актъ полныя титла, то въ титулъ Шведскаго короля будетъ вписана Ингерманландія ([75]). Шведскіе переговорщики согласились не упоминать о Вотской пятинѣ, хотя большая часть ея поступила къ Швеціи.

Всѣ остальные пункты не встрѣтили препятствій. Оставалось только рѣшить вопросъ о конфирмаціи мира Англійскимъ королемъ. Русскіе переговорщики не хотѣли признать надъ собою контроля Англійскаго правительства, и Шведы не настаивали, замѣтивъ, что не ихъ вина, если королю не воздана надлежащая честь. Умный Мерикъ, сознавая отвѣтственность, которую приметъ на себя Англія, поручившись за исполненіе договора, воспользовался

случаемъ, чтобы выставить на показъ безкорыстную любовь мира, воодушевлявшую его государя ([76]).

Русскіе переговорщики требовали окончательно, чтобы одною изъ статей договора была возложена на Шведскаго короля обязанность воевать вмѣстѣ съ Россіею противъ короля Польскаго и его дѣтей. Шведскіе переговорщики не смѣли принять этого требованія, безъ разрѣшенія короля. Во всей Россіи заключеніе мира было возвѣщено пушечною и ружейною пальбою ([77]).

На Русскомъ правительствѣ лежала обязанность водворить миръ и порядокъ въ отнятыхъ у Шведовъ Русскихъ областяхъ.

Въ Русскомъ Историческомъ Сборникѣ напечатанъ наказъ воеводамъ, отправленнымъ въ Новгородъ. Наказъ этотъ, сообщенный г. Ивановымъ ([78]), написанъ такъ умно, что баронъ Гуссенъ между значительнымъ количествомъ подобныхъ инструкцій вѣроятно видѣвшій и вышеупомянутый, имѣлъ полное право написать: «Царь не забывалъ ничего, что могло вести къ водворенію мира и спокойствія въ его государствѣ и каждый день издавалъ новыя инструкціи съ цѣлію искоренить злоупотребленія, которыя вкрались во время смутъ».

Приведемъ вкратцѣ содержаніе наказа ([79]). Князь Иванъ Андрѣевичъ Хованскій, князь Ѳедоръ Андрѣевичъ Елецкій, да дьякъ Андрей Варѣевъ, да Третьякъ Копнинъ, назначенные въ Новгородъ, должны были созвать въ Софійскую соборную церковь всѣ главнѣйшіе свѣтскіе и духовные чины и объявить имъ, что царь, вѣдая подлинно про ихъ конечныя бѣды и разоренье, и отъ Нѣмецкихъ людей утѣсненіе, сердечно скорбѣлъ и промышлялъ, какъ бы свою отчину, Великій Новгородъ, отъ Нѣ-

мецкихъ людей очистить, и возвратить церквамъ ихъ благолѣпіе, а жителямъ свободу. Нынѣ, когда Новгородское государство очистилось отъ Нѣмецкихъ людей, царь послалъ ихъ въ свою отчину, въ великій Новгородъ, всякія царскія и земскія дѣла дѣлати и промышляти о всемъ, повелѣвъ совѣтоваться съ богомольцомъ царскимъ Исидоромъ митрополитомъ, какъ бы его царскому величеству и къ повышенью, и Новгородскаго государства къ прибавленью и къ расширенью, и его и земскому дѣлу къ расправѣ и къ покою, и его людямъ къ тишинѣ и благоденственному житію. Изговоривъ рѣчь, воеводамъ предписывалось итти въ дьячью избу и взять у пословъ князя Данила Ивановича Мезецкаго съ товарищи роспись наряду, и зелья, и всякимъ пушечнымъ запасамъ, и деньгамъ, и хлѣбу и всякимъ дѣламъ; по той росписи пересмотрѣть нарядъ, и всякіе пушечные запасы, и деньги и хлѣбъ; также пересмотрѣть на лицо всѣхъ военныхъ чиновъ и обѣщать имъ уплаты жалованья.

Далѣе царь велѣлъ сказать государево жалованье гостемъ, и торговымъ, и посадскимъ всякимъ жилецкимъ, и уѣзднымъ людямъ, и освободилъ ихъ на три года отъ податей, увѣщая, чтобы они, слыша государскую милость, на его государево жалованье были надежны и, прося у Бога милости, промышляли своими прежними промыслами и другъ друга слушали, жили въ дружбѣ и любви, а дурна бъ между ими никакого не было.

Далѣе въ наказѣ слѣдуютъ распоряженія, относящіяся до обороны города и доказывающія, что Русское правительство не слишкомъ довѣряло Шведамъ. Изъ полицейскихъ мѣръ замѣчательны предписанія относительно продажи вина и чеканки въ Новѣгородѣ монетъ. Иностран-

цамъ предоставлялась свободная торговля и воспрещалось вывозить хлѣбъ и угонять скотъ.

Король выплатилъ изъ полученныхъ отъ Русскихъ денегъ Де-Ла-Гарди 3000 руб., за понесенные имъ въ войнѣ съ Русскими издержки, и подарилъ ему 1500 руб., Генрихъ Горнъ и Арведъ Тонессонъ получили по 1000 руб., Монсъ Мартенсонъ 500 руб. ([80]). Вслѣдъ за тѣмъ, Густавъ Адольфъ назначилъ полномочныхъ пословъ Густава Стейнбока, Якова Бата и секретаря Монса Мартенсона въ Москву, чтобы ратифицировать миръ. Послы эти прибыли мѣсяцъ спустя послѣ назначеннаго срока (т. е. не 1 іюня какъ было опредѣлено въ договорномъ актѣ 27 февраля 1617, а 29 іюня); но имъ привелось еще ждать Русскихъ. Шведы приписывали медленность тому, что въ Россіи были люди, недовольные уступкою Нотебурга. Можетъ быть предположенія Шведовъ не были лишены основанія. Хованскій, посланный для заключенія договора и Прончищевъ, назначенный въ Стокгольмъ, были ограблены казаками ([81]). Шведскіе послы, извѣстивъ короля объ отсутствіи Русскихъ, представили ему трудности, сопряженныя съ ихъ поѣздкою въ Россію, наполненною Поляками и шайками казаковъ. Король приказалъ имъ отправиться, во что бы то ни стало, въ Москву. 27 сентября 1617 года прибыли Русскіе въ мѣстечко, назначенное для встрѣчи и лежавшее на рѣкѣ Лавѣ. Когда начали обмѣнивать конфирмаціонныя грамоты съ полными титлами, Шведы отказали принять документъ Русскихъ, объявляя что то «missif,» не конфирмаціонныя грамоты, тѣмъ болѣе, что договоръ не согласуется съ условіями, принятыми въ деревнѣ Столбово. Русскіе объявили, что думали, будто въ документахъ обоимъ правительствамъ воздава-

лась равная честь; но нашли, что царю былъ данъ меньшій титулъ, чѣмъ въ Выборгскомъ трактатѣ царю Василью, а Густаву Адольфу большій, чѣмъ прежнимъ Шведскимъ королямъ. Они объявили также, что царь поручится въ исполненіи договора за себя, а не за своихъ потомковъ. 10, 12 и 14 декабря были опять съѣзды, которые также не подвинули дѣла впередъ. Тутъ разсуждали о помощи со стороны Швеціи, если Польскій король двинется на Москву. 30 декабря прибыли въ Ладогу къ Русскимъ посламъ новые документы. Не получая своихъ, Шведы извинялись разстояніями. 5 января 1618 года прибыли 11 Русскихъ бояръ съ Англійскимъ посломъ на пути въ Англію, Данію и Голландію, гдѣ они должны были занять деньги и набрать людей для войны противъ Поляковъ. 14 января привезъ въ Нотебургъ къ Шведамъ Ѳома Эстъ новую конфирмаціонную грамоту и новыя предписанія. Наконецъ 29 января обмѣнялись конфирмаціонными грамотами и Шведскіе послы въ числѣ 74 человѣкъ отправились 15 февраля 1618 г. черезъ Тихвинъ, Романово, Ярославль, Россово, Троицкую Лавру и Братовщину въ Москву. На пути они должны были довольствоваться худою пищею, и многократно на нихъ нападали Поляки (82). Не доѣзжая до Москвы, они были встрѣчены боярами, вышли изъ саней и отправились верхомъ въ столицу. Далѣе ихъ встрѣтили дворянинъ и дьякъ въ сопровожденіи бояръ. Дворянинъ, начавшій рѣчь, требовалъ, чтобы Шведскіе послы сошли съ коней. Шведы отказались, объявивъ, что по договору послы обоихъ государствъ должны быть принимаемы съ честью. Споръ кончили тѣмъ, что постановили сойти съ коней Шведамъ и Русскимъ. Потомъ снова возникъ споръ на счетъ мѣстъ, которыя должны были занимать Швед-

скіе послы и ихъ встрѣчники при въѣздѣ въ столицу. Наконецъ, постановивъ Шведскимъ посламъ ѣхать между Русскими, прибыли въ Китайгородъ. Вслѣдъ за тѣмъ, Шведскіе послы получили предписаніе не вступать ни съ кѣмъ другимъ въ разговоръ, кромѣ назначенныхъ приставовъ. Когда насталъ день аудіенціи, царь послалъ 30 лошадей для пословъ и ихъ свиты. Приставы (Потевъ Дмитріевъ и дьякъ Андрей Михайловъ) хотѣли ѣхать подлѣ пословъ, и требовали, чтобы секретарь Монсъ Мартенсонъ слѣдовалъ за ними. Шведскіе послы не согласились на это и ѣхали рядомъ, а приставы по сторонамъ. Передъ послами ѣхала ихъ свита, передъ свитою 50 бояръ. На пути отъ посольской избы до самаго дворца были выстроены 1500 стрѣльцовъ. По улицѣ двигались толпы народа. Не доѣзжая дворца, свита сошла съ лошадей; посламъ было предоставлено подъѣхать къ самому крыльцу. Приставы ввели ихъ на лѣстницу. На крыльцѣ къ царской палатѣ, пословъ встрѣтили отъ имени царя князь Никита Петровичь Борятинскій и дьякъ Семенъ Володимировичъ Головинъ. Дьякъ, произносившій рѣчь, стоялъ съ обнаженною головою; дворянинъ снималъ шапку, когда упоминали имя царя или короля. Въ комнатѣ толпилися бояре въ большихъ высокихъ шапкахъ изъ бурой лисицы. Послы вручили конфирмаціонную и кредитивную грамоты, находившимся при нихъ Андрею Мутрейху и Бартелю Юргенсону, которые, держа въ обѣихъ рукахъ упомянутые акты, вошли за послами въ палату, гдѣ сидѣлъ царь.

Пословъ Густава-Адольфа встрѣтили окольничій Семенъ Васильевичъ Головинъ, который, обратясь къ царю, объявилъ ихъ. Царь приказалъ имъ приблизиться. Пословъ поставили въ разстояніи 12 шаговъ отъ царя; но

такъ, что Стейнбоку пришлось стоять по правую сторону. За тѣмъ упомянутый окольничій спросилъ, не имѣютъ ли послы его королевскаго величества сообщить чего его царскому величеству? Послы поклонились и Стейнбокъ сдѣлалъ два шага впередъ; но бывъ остановленъ толмачемъ Гансомъ Гельмсомъ, съ мѣста привѣтствовалъ царя отъ имени своего государя. Когда Стейнбокъ изговорилъ, царь сдѣлалъ наклоненіе головы; но ни обнажалъ ее, ибо корона, по видимому, была такъ тяжела, что царь не былъ даже въ состояніи снять ее. Когда Стейнбокъ вручилъ царю кредитивную грамоту, послѣдній привсталъ и спросилъ о здоровьѣ короля. Вслѣдъ за тѣмъ сказалъ рѣчь Якобъ Якобсонъ, упомянувъ въ ней о заключенномъ (27 февраля) въ Столбовѣ мирѣ. Наконецъ Монсъ Мартенсонъ, коснувшись мира въ Столбовѣ, объявилъ, что послы пріѣхали съ цѣлію ратифицировать миръ и присутствовать при присягѣ. Когда онъ окончилъ рѣчь, царь спросилъ пословъ о здоровьѣ и позволилъ имъ подойти къ рукѣ. За тѣмъ Стейнбокъ представилъ царю конфирмаціонную и кредитивную грамоты и вручилъ ихъ канцлеру. Между прочимъ, посламъ поставили скамью, покрытую ковромъ. Послы сѣли и накрылись. Окольничій спросилъ находившихся при послахъ о здоровьѣ и допустилъ ихъ къ рукѣ царя. Потомъ канцлеръ объявилъ, что царь жалуетъ пословъ столомъ. Поблагодаривъ и сдѣлавъ надлежащіе поклоны, послы удалились.

Наружность царя послы описываютъ слѣдующимъ образомъ. Онъ былъ средняго роста, бѣлъ и полонъ въ лицѣ, и довольно толстъ. На видъ онъ казался не старше 20 лѣтъ. Голова его, покрытая бархатной шапочкой, украшалася короною. Въ одной рукѣ царь держалъ

скипетръ. Передъ царемъ стояли 4 стольника въ глазетовыхъ серебрепнаго цвѣта одѣяніяхъ, через плеча у нихъ были перетянуты золотыя цѣпи, но въ одинъ рядъ, въ рукахъ они держали серебреные топорики. Высокое четыреугольное сѣдалище царя было покрыто парчевою матеріею. На оконечности спинки сѣдалища былъ выдѣланъ орелъ; весь изъ золота или нѣтъ? послы не могли сказать. Въ ногахъ у царя лежалъ парчевой коверъ; не вдалекѣ стоялъ стоянецъ съ яблокомъ, вправѣ рукомойникъ на блюдѣ съ полотенцомъ, лежавшимъ на горлышкѣ рукомойника. Комната была со сводами, потолокъ украшенъ живописью, на полу и скамьяхъ лежали Турецкіе ковры.

19 мая царь снова принималъ пословъ.

Наконецъ 18 іюня происходила присяга. Царь, обратясь къ посламъ, объявилъ, что намѣренъ строго держаться условій Столбовскаго Договора. Вслѣдъ за тѣмъ, князь Федоръ Ивановичъ Мстиславскій принялъ его корону, князь Иванъ Михайловичъ Борятинскій скипетръ. Канцлеръ приказалъ посламъ обратить вниманіе на обрядъ совершаемый царемъ. Царь всталъ съ мѣста, подошелъ къ кресту и, поцѣловавъ его, произнесъ: «Вы видѣли, что мы приложились къ кресту въ знакъ готовности исполнять то, что рѣшено въ Столбовскомъ Договорѣ между нами, царемъ и великимъ княземъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ, самодержцемъ Всероссійскимъ и многихъ земель государемъ и обладателемъ, и нашимъ любительнымъ братомъ королемъ Густавомъ Адольфомъ въ Швеціи и т. д.» На царя снова одѣли корону, а канцлеръ вручилъ надлежащіе документы посламъ. Наконецъ его царское величество, обратясь къ посламъ, произнесъ: Густавъ, Яковъ,

Моисъ, привѣтствуйте отъ имени нашего, государя и великаго князя Михаила Ѳедоровича, самодержца Всероссійскаго и многихъ земель государя и обладателя, любительнаго брата нашего, короля Густава Адольфа въ Швеціи, куда васъ отпускаю». Канцлеръ объявилъ, что царь даритъ пословъ кушаньемъ со своего стола и они удалились, совершивъ надлежащую церемонію.

Послы пишутъ, что въ день принятія присяги у царя на головѣ была еще лучшая корона. Когда послы возвратились въ посольскую избу, ихъ угостили столомъ, при чемъ подавали 127 блюдъ и прислуживали 127 человѣкъ. А числа подносившихъ напитки, послы досчитаться не могли. Наконецъ 20 іюня царь прислалъ посламъ подарки, состоявшіе изъ соболей, черныхъ лисицъ, и куницъ. 21 іюня послы выбыли изъ Москвы.

Въ Швецію царь послалъ князя Федора Петровича Борятинскаго, Осипа Яковлевича Прончищева и Дмитрія Богдановича Кошкина.

При въѣздѣ ихъ въ Стокгольмъ были выстроены солдаты; а равно и въ день аудіенціи. Сначала Русскіе послы явились во дворецъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ дворянъ, а оттуда отправились въ церковь. Впереди, передъ музыкантами, ѣхали верхомъ 2 маршалка; за ними слѣдовало по парно дворянство; далѣе шли по парно же члены Государственнаго Совѣта и герцогъ Курляндскій съ совѣтниками; потомъ ѣхалъ верхомъ Карлъ Филиппъ Сюдерманландскій. За Филиппомъ слѣдовали Русскіе послы. Сзади ихъ несли знаки королевскаго достоинства пять совѣтниковъ:

Государственный канцлеръ Оксенштирнъ съ государственнымъ яблокомъ;

Адмиралъ Георгъ Гилденстернъ съ скипетромъ;

Полководецъ Яковъ Де-Ла-Гарди съ мечемъ;

Стольникъ графъ Мункъ съ короною.

Король былъ окруженъ большею свитою; за нимъ слѣдовали камергеры и секретари.

Войдя въ церковь, дворяне, шедшіе впереди, стали по обѣ стороны прохода. Клиросъ былъ украшенъ коврами, кистями, золотомъ и серебромъ, а на полу разостлано красное сукно. У нижней ступени алтаря стоялъ рѣзной работы столъ, на который поставили корону и знаки королевскаго достоинства. Вокругъ стола стояли стулья. Его королевское величество сѣлъ напротивъ Русскихъ пословъ. Подлѣ его стоялъ герцогъ Карлъ; по обѣимъ сторонамъ клироса государственные чины. Далѣе сидѣли архіепископъ Упсальскій и епископъ Выборгскій. Когда замолкли звуки органной музыки, сопровождаемой пѣніемъ, епископъ Упсальскій произнесъ прекрасную проповѣдь о мирѣ и его качествахъ. По окончаніи проповѣди, всталъ государственный канцлеръ и объявилъ, что король принесетъ присягу, въ знакъ своего намѣренія исполнять условія договора. По прочтеніи условій договора, король и Русскіе послы встали, и, положивъ два пальца на евангеліе, поклялись соблюдать договоръ. Когда король подписалъ актъ договора, канцлеръ вручилъ его посламъ. Потомъ всѣ вышли въ предписанномъ порядкѣ и отправились во дворецъ. Его королевское величество извинился передъ Русскими послами, что, по случаю предстоящихъ дѣлъ, не можетъ пировать съ ними самъ и приказалъ угостить ихъ.

Кромѣ посольства въ Москву, Густавъ Адольфъ послалъ Ските въ Данію, Голландію и Англію, чтобы отблагодарить правительства этихъ странъ за посредниче-

ство. 30 дек. Ските былъ принятъ королемъ Англійскимъ. Король назначилъ ему и свитѣ для торжественнаго въѣзда ко дворцу четыре кареты. Когда началась аудіенція, король Англійскій такъ былъ доволенъ рѣчью, что, изъ уваженія къ королю Шведскому и особенной милости къ послу, выслушалъ ее стоя. Почувствовавъ усталость (wegen Unkraft und Mattigkeit), онъ подъ конецъ облокотился на маркграфа Гамильтона. Ските объявилъ въ рѣчи, что, какъ за 6 лѣтъ въ Шотландіи и за семь лѣтъ въ Англіи, онъ имѣлъ счастье цѣловать руки короля, такъ и теперь имѣетъ счастье говорить съ его величествомъ, чему безпредѣльно радуется, поздравляетъ его съ добродѣтелями и выражаетъ свое смиреніе. Онъ приписывалъ это счастье прежнимъ милостямъ его величества, который рекомендовалъ его дѣтей королю Шведскому Іоанну и его наслѣдникамъ. Далѣе Ските изчислилъ благодѣянія, которыя Англія оказала Швеціи; напомнилъ, какъ 955-го года, по волѣ короля Ельреда и попеченіемъ Іоркскаго епископа, король Олай Шведскій принялъ крещеніе, назвавшись Skottkonung, какъ потомъ христіянство было распространяемо епископами Vinomano, Sunomano и другими, которыхъ могилы и до нынѣ видны въ храмѣ Wexonien. Посланникъ прибавилъ, что за нѣсколько сотъ лѣтъ Англія доставляла въ Швецію много денегъ, въ чемъ убѣждаетъ не столько исторія, сколько открытія (experienz), а именно не давно найденныя на поляхъ Шведскихъ монеты Англійскія. Всего же болѣе благодарна Швеція Англіи, продолжалъ Ските, за то, что король Англійскій содѣйствовалъ заключенію мира съ Даніей и съ Россіей. Тутъ онъ объяснилъ причину войны Швеціи съ Россіей; жаловался, что Русскіе сами напали на Густава Адольфа,

тогда какъ сами же просили къ себѣ на престолъ одного изъ сыновей Карла IX. Прочтя условія договора, который годъ тому назадъ былъ изданъ въ Гамбургѣ, Ските коснулся Польскихъ дѣлъ, съ просьбою содѣйствовать Швеціи заключить съ этою державою выгодный миръ (83).

Кромѣ того царь принималъ съ торжествомъ Мерика. Вслѣдъ за тѣмъ, царь приказалъ Мерику быть въ отвѣтѣ у бояръ. Тутъ разсуждали о сдѣланныхъ уже прежде Мерикомъ предложеніяхъ. Исходя изъ того начала, что «вольная торговля людей и земель розныхъ государствъ — дорога и путь есть съединачится и сукрѣплятися обѣихъ нашихъ серца и любовь» и увѣряя, что Англія убѣдилась въ этихъ истинахъ, онъ предлагалъ, чтобы царь позволилъ «чинити Англійскимъ подданнымъ великую прибыль изъ желѣзныхъ горъ, что находятъ близъ рѣки Сухоны; въ пустыхъ мѣстахъ близъ Вологды сѣять ленъ и кромѣ того плавать по рѣкѣ Волгѣ въ Персиду». Если Русскіе согласятся на послѣднее предложеніе, продолжалъ Мерикъ, «то королевское величество произволитъ своимъ торговымъ людямъ, что имъ изъ его королевства всякое надобье и ученыхъ людей, которые къ тому надобны и достойны такое дѣло свершити, привозить; а его торговые люди готовы на себя тѣ убытки перенять, которые убытки пойдутъ въ корабельной и струговой подѣлокъ для защиты и помѣшки отъ воровъ; а тѣ струги всегда хтому готовы будутъ и къ иной вашего кесарскаго величества службѣ». Въ отвѣтѣ съ Мерикомъ были бояринъ и намѣстникъ Псковскій Θедоръ Ивановичъ Шереметевъ, бояринъ и намѣстникъ Коломенскій князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій и дьякъ Савва Романчуковъ. Стараясь подѣйствовать убѣжденіемъ на бояръ, Мерикъ не упускалъ также случая поучиться и

самому. Такъ онъ говорилъ, «чтобъ царского величества бояре не покручинились, позволили ему спросить, какъ онъ былъ у царскаго величества стола и въ тѣжъ поры у царскаго величества у стола были Алтына царя послы, а рожеемъ люди дикіе и сказываютъ про нихъ, что они полатамъ и храмамъ дивятся, что то видятъ впервые; и гдѣ ихъ житье, и какіе у нихъ товары»? Бояринъ Өедоръ Ивановичь съ товарищами говорили, что «они, царскаго величества бояре, также ему говорили, что Алтынъ царь кочуетъ за Сибирскимъ государствомъ; отъ Сибирскаго послѣдняго отъ Томскаго города до Алтына царя ходу осмнадцать недѣль. Черезъ Калмыки, да черезъ Киргизы и иные землицы проходили, которые Алтыну царю дань даютъ. А товару у Алтына царя въ ордѣ сказываютъ таөты, и комки, и бархата» и т. д. О Китаѣ бояре говорили, что онъ обведенъ весь кирпичною стѣною: «и потому мочно знать, что мѣсто не великое».

Полномочные обоихъ государствъ сошлись въ деревнѣ Лавѣ, и употребили болѣе полугода на опредѣленіе границъ между Новгородомъ и Ингерманландіей.

Долго спорили объ островѣ на Ладожскомъ озерѣ Силенцахъ и о деревнѣ Кондіа. Русскіе уступили эти мѣста Шведамъ, когда крестьяне, находившіеся для справокъ при обозначеніи границъ, приняли присягу въ удостовѣреніе того, что они издавна причислялись къ Ингерманландіи.

Долго не могли провести границу въ Кексгольмскомъ уѣздѣ. Споръ касался нѣсколькихъ деревень, которыя важны были для Шведовъ вслѣдствіе окрестныхъ горъ и болотъ. Шведскіе полномочные получили приказаніе явиться въ Стокгольмъ.

Шведскіе власти, какъ свидѣтельствуетъ Мерикъ, во-

преки условіямъ договора, вывозили бумаги и колокола, перезывали къ себѣ Русскихъ подданныхъ, и взимали въ иные дни отъ Новгородцевъ до 300 руб., кромѣ провіанту; тѣхъ же, которые не могли заплатить требуемаго, они забивали розгами до смерти. Наконецъ они потребовали для своихъ солдатъ 160 рубашекъ и столько же чулокъ и штановъ. Мерикъ просилъ быть умѣреннѣе и даже вызывался послать за архимандрита Кипріана изъ своей кассы 100 руб., такъ какъ послѣднему не изъ чего удовлетворить свѣтлѣйшихъ господъ.

Между тѣмъ, царь извѣстилъ письмомъ Густава Адольфа, что въ присутствіи Шведскихъ пословъ утвердилъ присягою миръ и предлагалъ напасть общими силами на Польшу. Густавъ Адольфъ написалъ въ отвѣтъ, что и онъ утвердилъ миръ, что дано приказаніе для сдачи Гдова и изъявилъ съ своей стороны согласіе напасть на Польшу. Но онъ жаловался на Русскихъ, назначенныхъ для опредѣленія границъ. Возвратясь въ Кексгольмъ, Шведскіе полномочные отправились въ деревню Иганско. Тамъ у нихъ длилась цѣлое лѣто переписка съ Русскими, поселившимися въ деревнѣ Кокизма. Когда дошли о томъ извѣстія до Густава Адольфа, онъ приказалъ при спорныхъ мѣстахъ прибѣгать къ жребію. Часто споръ касался церемоній. Русскіе грозили силою выгнать Шведскихъ полномочныхъ изъ деревни Пурогерфи; и въ простомъ народѣ носились слухи, что явился святой, который поможетъ Русскимъ довести границу до самаго Або.

За этими недоразумѣніями воспослѣдовала переписка между обоими правительствами и уже поговаривали, что Россія хочетъ воспользоваться перемиріемъ съ Польшею, чтобы снова напасть на Швецію. Русскіе коммиссары на-

чали употреблять слово вельможество, говоря о Шведскомъ королѣ. Въ Столбовскомъ Договорѣ ему приписывали титулъ величества и вельможества. Густавъ Адольфъ приказалъ, чтобы Шведскіе договорщики не допускали употреблять одного изъ этихъ титуловъ. По шведски онъ позволилъ употреблять титулъ Overvinnare, но въ такомъ случаѣ называть царя его царскимъ величествомъ и властителемъ, а не обладателемъ.

Наконецъ рѣшили назначить съ обѣихъ сторонъ новыхъ коммиссаровъ и Шведскіе переговорщики послали къ Русскимъ своего переводчика, соглашаясь уступить спорныя деревни.

Русскіе переговорщики въ то же время получили отъ царя повелѣніе согласиться на предложенія Шведовъ. Флемингъ безотлагательно передалъ Русскимъ Гдовъ.

Въ 1617 году Густавъ Адольфъ слѣдующимъ образомъ выразился о пріобрѣтеніяхъ, сдѣланныхъ въ Столбовскомъ Договорѣ Шведами: «одно изъ величайшихъ благъ, дарованныхъ Богомъ Швеціи, заключается въ томъ, что Русскіе, съ которыми мы издавна были въ сомнительныхъ отношеніяхъ, отнынѣ должны отказаться отъ того захолустья, изъ котораго такъ часто безпокоили насъ. Россія опасный сосѣдъ. Ея владѣнія раскинулись до морей Сѣвернаго и Каспійскаго; съ юга она граничитъ почти Чернымъ моремъ. Въ Россіи сильное дворянство, множество крестьянъ, народонаселенныя города и большія войска. Теперь безъ нашего позволенія Русскіе не могутъ выслать ни даже одной лодки въ Балтійское море. Большія озера Ладожское и Пейпусъ, Нарвская поляна, болота въ 30 верстъ ширины и твердыя крѣпости отдѣляютъ насъ отъ нихъ. Теперь у Русскихъ отнятъ доступъ

къ Балтійскому морю и надѣюсь, не такъ то легко будетъ имъ перешагнуть черезъ этотъ ручеекъ» ([85]).

Въ послѣдствіи Густавъ Адольфъ не переставалъ слѣдить за Россіею. Ведя войну въ Германіи, онъ требовалъ отъ Ските подробный отчетъ о положеніи дѣлъ въ нашемъ отечествѣ. Кромѣ того, отъ 1630 года сохранилось извѣстіе, что значительное количество Шведскихъ судовъ было размѣщено въ портахъ Финляндіи, дабы быть въ готовности противъ Москвичей, если послѣдніе начнутъ враждебныя дѣйствія. Съ помощью того же флота Шведы старались воспрепятствовать провозу въ Россію изъ Германіи и другихъ мѣстъ запрещенныхъ товаровъ ([86]). До насъ дошли жалобы Ганзейскихъ городовъ на запретительныя мѣры Густава Адольфа ([87]).

Заключеніе Столбовскаго Договора относятъ къ 1615 году, къ 1616, 1617 13 февраля, 1617 23 февраля 1617 27 февраля, и наконецъ 1618 году. Если заключеніе договора считать съ того времени, когда онъ былъ подписанъ, то Столбовскій Договоръ заключили 1617, 27 февраля (см. Пол. Собр. Зак. и Widek. Tioars Kriget); въ 1615 году начались переговоры, 1616 они были приведены къ окончанію, 1617 года 16 февраля былъ составленъ договорный актъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ напечатанъ въ Полномъ Собраніи Законовъ, 1617 23 февраля написанъ Шведскій подлинникъ договора (см. Widek.), наконецъ 1618 договоръ былъ утвержденъ обоими правительствами.

Въ Русскихъ и иностранныхъ изданіяхъ и сочиненіяхъ существуютъ четыре различныхъ вида этого договора. Перепечатанный нами изъ Полн. Собр. Зак. состоитъ изъ 33 пунктовъ, но онъ съ короткими титлами. Видекинди, Петрей и Галленбергъ представили договоръ изъ 33 пунктовъ и съ полными титлами. Трейеръ въ Einleitung in die Moscowitische Geschichte перевелъ на Нѣмецкій языкъ договоръ, напечатанный у Петрея. Въ извѣстномъ сочиненіи Dumont Corps universel diplomatique etc. etc. напечатанъ договоръ въ 18 пунктовъ. Дюмонъ перепечаталъ его изъ Mercure Francais ou suite de l'histoire de notre temps 1620, Tome troisième, тутъ же замѣтивъ, что въ Julii Belli Laurea Austriaca напечатанъ также договоръ въ 18 пунктовъ, но не со всѣмъ съ первымъ согласный. Имѣя подъ рукою договоръ, напечатанный у Дюмона, Берхъ въ исторіи Михаила Ѳеодоровича написалъ слѣдующее: «Мы сказали выше, что Голландскіе Штаты изъявили готовность быть посредниками между нами и Шведами; но въ дѣлѣ семъ принялъ усерднѣйшее участіе Англійскій король, который успѣлъ склонить Шведовъ къ миру и къ составленію въ Стокгольмѣ трактата. Хотя оный остался не утвержденнымъ, но слѣдствіемъ его было замиреніе, подписанное 20 октября 1616 года, съ тѣмъ, чтобъ съѣхаться немедленно въ село Столбово для окончательнаго заключенія трактата.

Сущность заключеннаго тамъ (27 февраля 1617 года) трактата осталась таже; онъ былъ только написанъ пространнѣе и заключалъ 33 пункта вмѣсто 28. (Въ приложеніяхъ Берхъ напечаталъ договоръ въ 18 пунктовъ). Въ дополненіе сказано было, что береговое право (droit de varech) уничтожается, трактаты 1595 и 1609 г. должны

пребывать въ полной силѣ; что при перемѣнѣ царствующихъ особъ посылать съ обѣихъ сторонъ пословъ и обоюдно обѣщались не дѣлать возмущенія и не поселять раздоровъ между подданными Россіи и Швеціи».

Уже въ 1618 году договоръ въ 18 пунктовъ былъ напечатанъ въ Гамбургѣ. Съѣзду въ Столбовѣ предшествовали прелиминарные пункты и запись между дворяниномъ Протасьевымъ и ротмистромъ Вагнеромъ (88); замиреніе же 20-го октября 1616, о которомъ упоминаетъ Берхъ, мнѣ неизвѣстно. Ошибочно также пишетъ Берхъ, будто трактатъ былъ составленъ въ Стокгольмѣ.

Видекиндъ пишетъ, что договоръ первоначально былъ написанъ на Шведскомъ языкѣ. Приведемъ слова его: «а что касается до договорнаго акта, то послы не успѣли исполнить въ точности желаніе короля, ибо во первыхъ при переводѣ съ Шведскаго языка на Русскій встрѣчаются большія трудности, при томъ они имѣли дѣло съ упорнымъ врагомъ и почти пристрастнымъ посредникомъ. Впрочемъ, были и другія причины, побудившія Шведовъ отступиться отъ предписаній Густава Адольфа и соображаться съ слогомъ и разумомъ Русскихъ. Не смотря на то, этотъ договоръ въ главныхъ пунктахъ согласовался съ формуляромъ короля» (89). Быть можетъ, послѣднее обстоятельство дало Берху поводъ сдѣлать вышеупомянутыя предположенія; но предписанія Густава Адольфа были даны не въ Стокгольмѣ.

ПРИМѢЧАНІЯ

1. Вслѣдъ за убіеніемъ Салтыкова, Новгородцы узнали о дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ Трубецкаго, Ляпунова и Заруцкаго. Они спѣшили извѣстить троеначальниковъ о единодушномъ своемъ намѣреніи послать съ своей стороны къ Москвѣ ратныхъ людей. Свѣдавъ о враждебныхъ замыслахъ Де-Ла-Гарди, (А. А. Эксп. т. II № 184) Новгородцы, тщательно вывѣдывая ихъ, (ibidem № 186), не показывали преданности Шведамъ.

2. Новгородская третья лѣтопись стр. 264 и 265.

3. Акты Археографической Экспедиціи т. II, № 208.

4. Смотри Арцыбышева Повѣствованіе о Россіи т. III, книга 5, стр. 311.

5. Смотри № 32 во второмъ т. Допол. къ Акт. Ист. Исидоръ, Одоевскій и земскіе чины писали: «подъ Свѣйскою коруною быти не хотимъ, хотя и помереть за свое крестное цѣлованье, въ чемъ стоимъ въ правду, и не хотимъ слыти крестопреступники». Не смотря на то, что

этотъ отвѣтъ написанъ, по всему вѣроятію, въ августѣ 1614 т. е. вслѣдъ за весьма невыгодными для Россіи битвами въ іюнѣ, онъ отличается смѣлыми выраженіями. Замѣтна даже нѣкоторая иронія: «а что намъ отъ его королевского величества и отъ окрестныхъ государей безсловесными и неблагодарными загосками (кукушками) слыти и гонимымъ быти, и мы, государь, о семъ утѣшаемся Христовымъ словомъ: блажени изгнани правды ради, яко тѣхъ есть царство небесное».

6. Svea Rikes Historia under Konung Gustaf Adolf den Stores Regering соч. Галленберга. T. III, p. 174. Вообще Новгородъ представлялъ въ то время самое грустное зрѣлище. Нищета достигла огромныхъ размѣровъ; богатые разорились, снабжая Шведовъ деньгами; народъ бѣжалъ; въ нѣкоторыхъ волостяхъ скитались шайки разбойниковъ. См. Доп. къ Акт. Ист. т. II, № 22, 23 и 24, Гутериса путешествіе и письмо Мерика въ Приложеніяхъ № 21. Митрополитъ Исидоръ и бояринъ Одоевскій писали: «на правежи отъ вашихъ приказныхъ людей въ налогѣхъ безъ сыску иные на смерть побиты, а иные обѣсилися и въ воду металися, а иные обезвѣчены и посямѣсть лежатъ». Кромѣ того они писали: «честные обители и святые Божіи церкви.... разорены и разграблены; и мощи многіе святыхъ изъ гробовъ выметаны и опоруганы, и колокола многихъ церквей.... вывезены въ Свѣйское государство, и около Новгорода, въ Новгородскомъ государствѣ Литовскіе люди, которые служатъ здѣсь его королевскому величеству уѣзднымъ людей крестьянъ жгутъ и мучатъ», и т. д. См. Доп. къ Акт. Ист. Ibidem т. II № 21 сказано: «мы Нѣмецкихъ людей подмогали и, отдали на подмогу Нѣмецкихъ людей все и до послѣдней деньги, и многіе

отъ того оскудѣли, а у которыхъ что осталось, и тѣ, государь, и нынѣ на кормъ Нѣмецкимъ людямъ даютъ же до остатка». Иностранные писатели также свидѣтельствуютъ, что весь край, который занимали Шведы, былъ совершенно разоренъ. Такъ Старая Русса, на соляныхъ варницахъ которой добывалось прежде для царской казны соли на 40,000 рублей, была сожжена. Въ Новгородѣ въ одну зиму умерло отъ голоду и мороза на улицахъ до 18,000 человѣкъ. Anthonis Goeteeris Journael der Legatie ghedaen inde Jaren 1615 ende 1616 by de Edele, Gestrenge, Hooghgheleerde Heeren: Heer Reynhout van Brederode, Heere van Veenhusen etc. etc. By Aert Meurius. Int. Jaer ons Heeren 1619. In Quer Quarto 157 стр. Сравни Adelung, Uebersicht der Reisenden in Russland.

7. Historien und Bericht von dem Grostfürstenthumb Muschkow.

9. Наше мнѣніе, что сѣверъ Россіи не былъ преданъ Швеціи, подтверждается кромѣ того двумя листами Сумскихъ воеводъ къ Шведскимъ воеводамъ, напечатанными въ А. А. Э. т. II №№ 193 и 195.

Когда пришла въ Соловецкій монастырь вѣсть о походѣ къ Москвѣ, Антоній, игуменъ этого монастыря, писалъ королю Шведскому слѣдующее: «А у насъ въ Соловецкомъ монастырѣ и въ Сумскомъ острогѣ и во всей поморской области тотъ же совѣтъ единомышленно: не хотимъ ни кого иновѣрцевъ на Московское государьство царемъ и великимъ княземъ, опрочѣ своихъ прироженныхъ бояръ Московскаго государьства». См. А. А. Э. т. II № 180 1611 г. Король съ своей стороны не замедлилъ извѣстить Антонія о принятіи Новгородцами Шведскаго подданства и совѣтовалъ ему склонить свою паству послѣдовать ихъ

примѣру, обѣщая награду. Къ Антонію, какъ руководителю народнаго движенія на сѣверѣ, обращались Шведскіе власти.

10. Sjögren, Geschichte des Namens Ingermanland.

11. Sandrath, Beschreibung von Moscowien oder Russland aus französischen, holländischen und anderen neuen Scribenten zusammengetragen etc. 1688 г. пишетъ между прочимъ der Russen eingeborene Hartnäckigkeit brachte sie dahin, dass sie, wenn ihnen nur die Situation der Festung etwas hülfe thut, es auf alle Extremitäten ankommen lassen und hat man in den vorigen Zeiten mit Verwunderung gesehen, dass in Noteberg, einer Festung an der livländischen Gränze, welche die Schweden die Moscowitische anno 1612 abgenommen, zwei einige Kerle dieser Nation, nachdem die ganze Besatzung ausgestorben, die Festung defendiret, mit den Schweden capituliret und also ausgezogen seien.

12. Weber, das Neuveränderte Russland. См. также въ Полномъ Собраніи Законовъ трактаты съ Швеціей.

13. О посольствѣ къ императору, см. Respublica Moscoviae, editio Elseviriana. О пріемѣ Русскихъ пословъ въ Вѣнѣ пишетъ Khenvenhiller.

14. О посольствѣ Русскихъ въ Голландію сообщаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія Sheltema въ своемъ сочиненіи Russland och Niderland. Шельтема почерпнулъ свои извѣстія изъ оффиціальныхъ бумагъ.

15. Грамота, посланная при этомъ случаѣ въ Данію напечатана въ Büsching's Magazin für Geschichte etc. т. VII.

16. Грамота, посланная въ этомъ случаѣ къ Французскому императору, припечатана къ извѣстному сочиненію

Шафирова. О пріемѣ Русскихъ пословъ во Франціи см. Mercure Français 1621 г.

Кромѣ этихъ извѣстій о Русскихъ посольствахъ за границу въ Румянцовскомъ музеѣ сохранились свѣдѣнія о проѣздѣ Русскихъ пословъ, почерпнутыя изъ архива великаго герцога Мекленбургскаго № 39. Copies des documens, conservés aux archives de Monseigneur, le Grand Duc de Meklembourg Schwerin, relativement aux Ambassades Russes; qui ont passé par le Meklembourg 1600, 1614, 1618, 1687.

17. Rymer Foedera, Conventiones, Litterae etc. т. VII, стр. 193 и 194.

18. Выражаясь рѣзко, Густавъ Адольфъ вѣрно замѣчалъ о Русскихъ XVII вѣка, что въ нихъ жила ненависть къ иностранцамъ и поступалъ съ удивительною самостоятельностью относительно Новгорода. Необходимо вникнуть подробнѣе въ его отношеніе къ брату, чтобы вполнѣ оцѣнить ту твердость, которую онъ обнаружилъ при этомъ случаѣ. Герцогъ долженъ былъ въ концѣ февраля 1615 года явиться въ Выборгъ. Но оказалось, что въ это время онъ еще не успѣлъ приготовиться къ выѣзду изъ Швеціи. Во время Датской войны мать его неоднократно письменно извѣщала короля о необходимости приготовиться Карлу Филиппу къ отъѣзду. Когда же по заключеніи мира Густавъ Адольфъ рѣшилъ, чтобы ему ѣхать безотлагательно, она вдругъ перемѣнила свое намѣреніе. Она говорила, что сыну надо будетъ ѣхать по льду заливомъ; зима же стояла дождливая и заливъ долго не замерзалъ; а потому она не можетъ согласиться на его немедленный отъѣздъ. Мои оба сына, прибавляла она, моя единственная радость. Они мнѣ дороги какъ собственная моя душа, и я не могу допустить, чтобы сынъ мой отважился на столь опасное пу-

тешествіе». Король извѣстилъ Новгородцевъ объ этомъ замедленіи и объявилъ, что пошлетъ брата въ Россію, который будетъ оберегать ихъ религію, дабы они, живя въ покоѣ и веселье (roligbet), имѣли причину благодарить Бога и его королевское величество. Такъ какъ въ февралѣ, по случаю распутицы, въ Выборгъ явились не всѣ Новгородскіе послы, то король приказалъ имъ, когда вскроется заливъ, явиться всѣмъ. Онъ также извѣщалъ о мирѣ съ Даніей, объявлялъ, что готовъ охранять ихъ и радовался изгнанію Поляковъ изъ Россіи и, какъ выражался Де-Ла-Гарди, благорасположенію Русскихъ къ Шведамъ. Галленбергъ пишетъ, что Новгородцы остались довольны пріемомъ своихъ пословъ и отправили въ Москву посольство для дальнѣйшаго совѣщанія. Де-Ла-Гарди король писалъ, чтобы онъ не слишкомъ увѣрялъ Новгородъ въ назначеніи Карла Филиппа регентомъ. «Надо натянуть Русскимъ возжи (tillspåna tygellen) и держать ихъ въ своихъ границахъ, дабы въ предстоящихъ переговорахъ Швеція могла получить вознагражденіе за прежде понесенные убытки». Де-Ла-Гарди кажется обидѣлся этимъ и отвѣчалъ, «что договоромъ съ Новгородцами 1611 года онъ имѣлъ въ виду доставить Новгородъ Густаву Адольфу, который по смерти отца вступилъ бы и на престолъ Шведскій. Воспрепятствовать же выбору Карла Филиппа онъ ни какъ не могъ; такъ какъ Карлъ IX умеръ незапно и Густавъ Адольфъ, немедленно принявъ правленіе въ Швеціи, Датскою войною былъ лишенъ возможности печтись о своихъ интересахъ въ Россіи». Де-Ла-Гарди прибавилъ, «что ни когда не давалъ воли Русскимъ болѣе, чѣмъ слѣдовало и въ договорѣ съ Русскими упомянулъ, что Швеція потребуетъ вознагражденія». Густавъ Адольфъ отвѣтилъ ему,

что «свои соображенія объ избраніи Карла Филиппа сообщилъ ему не въ осужденіе избранія Карла Филиппа или дѣйствій Де-Ла-Гарди; а единственно съ цѣлью познакомить послѣдняго съ состояніемъ Швеціи и дать ему совѣтъ, поступать и впредь осторожно. Я знаю прибавлялъ Густавъ Адольфъ, что Русскіе за народъ, знаю что въ дружбѣ и покоѣ съ Русскими не надо забывать о войнѣ (han väl veste hvad folkslag Ryssarne voro, och att man under fred and vänskap, alltid måste hafva det ena öga ställdt på krig och fiändskap).

Вслѣдъ за тѣмъ король назначилъ Де-Ла-Гарди рейхсъратомъ, а Еверта Горна фельдмаршаломъ (см. Галл. т. III стр. 16 — 21). Вслѣдъ за этою перепиской возникли недоразумѣнія между Густавомъ Адольфомъ и Енке Дротнингенъ. Тутъ то Густавъ Адольфъ опредѣлительно высказалъ, какъ намѣренъ дѣйствовать относительно Россіи. Вдовствующая королева потребовала, чтобы до отъѣзда Карла Филиппа Густавъ Адольфъ утвердилъ за нимъ Новгородъ. Король согласился съ тѣмъ, чтобы, во вниманіе ко владѣніямъ герцога въ Швеціи, онъ клятвенно обязался въ вѣрности, призналъ надъ собою и своими наслѣдниками верховную власть королей Шведскихъ, согласно постановленіямъ о наслѣдствѣ отъ 1544 года въ Вестересѣ, 1604 въ Норкопингѣ, дарственной записи Густава I на Судерманландію, Нерике и Вермландъ. Далѣе король требовалъ, чтобы Карлъ Филиппъ въ своемъ герцогствѣ поступалъ по законамъ Шведскимъ; въ войнѣ съ внѣшними и внутренними врагами герцогъ долженъ былъ нести службу и т. д. Эти пункты утверждали Енке Дротнингенъ клятвою; на тоже обязывался герцогъ по совершенолѣтіи. Когда узнали о томъ, что король самъ хо-

четъ также ѣхать въ Россію, то возникла новая переписка. Королева писала, что о намѣреніи короля ее извѣстилъ герцогъ Юлій Саксонскій, находила намѣреніе страннымъ и полагала, что государству отъ этого будетъ вредъ. Король писалъ, что онъ дѣйствительно помышлялъ объ этой поѣздкѣ, но пока еще не рѣшился и не думалъ уполномочивать герцога Юлія увѣдомить о томъ королеву. Вслѣдъ за тѣмъ онъ потребовалъ отъѣзда Карла Филиппа съ цѣлію сдержать обѣщаніе, данное Русскимъ изъ опасенія, чтобы государство не подверглось какимъ нибудь неожиданнымъ опасностямъ (at icke Riket rakade i nagon oformodlig vidlyftighet) и писалъ: мы не знаемъ, что отвѣчать посламъ Новгородскимъ, которые къ намъ ежедневно пристаютъ (af de Ryske Sändebnden här dagligen ofverlupne). Въ то же время король написалъ Де-Ла-Гарди письмо, въ которомъ замѣтилъ, что сомнѣвался послать въ Выборгъ Карла Филиппа, единственно вслѣдствіе недовѣрчивости къ Русскимъ. Далѣе онъ совѣтовалъ печтись о томъ, чтобъ переговоры кончить въ пользу герцога и завладѣть, если можно, Псковомъ, дабы этотъ городъ, важный для Швеціи въ торговомъ и военномъ отношеніи, не достался Полякамъ. Письмо это относилось къ 29 апрѣля. Вслѣдъ за тѣмъ Де-Ла-Гарди предложилъ завладѣть Холмогорами; но Густавъ Адольфъ отказался отъ этого во вниманіе къ королю Датскому. Въ іюнѣ мѣсяцѣ герцогъ отправился въ путь. Галленбергъ сообщаетъ при томъ содержаніе предписаній, которыя далъ король коммиссарамъ, посылая Карла Филиппа въ Россію. Они заключались въ слѣдующемъ: если герцога выберетъ въ цари вся Россія, то Шведскіе коммиссары должны были настоять на томъ, чтобы онъ могъ сохранить свою религію, имѣя при себѣ

8000 изъ своихъ соотечественниковъ. Въ такомъ случаѣ Россія должна бы была обязаться уступить нѣсколько мѣстъ въ вѣчное владѣніе Шведовъ и выплатить имъ 30 боченковъ золота, треть немедленно. Коммиссары могли сверхъ того предложить Новгороду соединиться съ Швеціею въ видѣ самостоятельнаго государства, въ которомъ бы правилъ Шведскій намѣстникъ. Если же Русскіе, не согласятся ни на одно изъ этихъ условій, то коммиссары имѣли предписаніе обязать ихъ къ уступкѣ слѣдующихъ мѣстъ: Ивангорода, Ямы, Гдова, Копорья, Нотебурга, Ладоги, Сомы, Соловокъ и Тихвина. (См. Hall т. III p. 33—35).

19. 9 іюля прибылъ Эвертъ Горнъ въ Швецію съ письмомъ отъ Де-Ла-Гарди, который писалъ о выборѣ царя. Де-Ла-Гарди извѣщалъ также о намѣреніи Псковитянъ соединиться съ Москвою, и объ изгнаніи Шведовъ изъ Гдова и Тихвина. «Изъ Москвы въ Новгородъ послано войско», писалъ онъ далѣе, «противъ котораго мы можемъ выставить только 1000 человѣкъ» и т. д. Густавъ Адольфъ писалъ ему въ отвѣтъ, чтобы онъ бдительно слѣдилъ за Новгородцами, вывезъ пушки, колокола и т. п., и сжегъ городъ. Во вниманіе того, что Швеціи трудно вести войну съ Польшею и Россіею король совѣтовалъ искать съ Русскими мира «antingen den då kunde ärhållas med Carl Philips antagande till Storförste, eller med de andra vilkor, som skulle Ryssarne föreslas vid underhandlingarna i Wiborg. (Hall. стр. 36 — 38).

20. Hallenberg Svea Rikes Historia т. III.

21. См. Дополненіе къ II-му тому Актовъ Историческихъ №№ 20, 32 и 42.

22. См. Каменскаго рукопись Шведскія дѣла въ Московскомъ Архивѣ.

23. Уже въ декабрѣ мѣсяцѣ 1613 года Карлъ Филиппъ отправился въ Швецію. Видекиндъ и Галленбергъ пишутъ, что сама вдовствующая королева уговорила Карла Филиппа возвратиться въ Швецію. Около того же времени въ Новгородѣ между Шведскими властями обнаружились несогласія. Де-Ла-Гарди не желая подписываться ниже Эверта Горна, требовалъ отставки и уплаты потраченныхъ имъ въ Россіи денегъ.

Густавъ Адольфъ оправдывалъ дѣйствія Горна и писалъ Де-Ла-Гарди, что Горнъ, какъ старшій совѣтникъ, имѣетъ право подписываться выше его. Но онъ въ тоже время просилъ Горна уступить Де-Ла-Гарди во вниманіе къ услугамъ, оказаннымъ послѣднимъ въ Россіи. Эвертъ Горнъ согласился исполнить требованіе своего государя, но онъ не забылъ извѣстить о происшедшемъ Оксенштирну, врага Де-Ла-Гарди. Онъ писалъ слѣдующее государственоому канцлеру: «Ut negotio publico consulerem, superiorem illi locum litteris meis ultro obtuli, quo ipso, si in ordinem senatorium, in quam ante illum lectus fui, injurius fuisse videar, velim, ut mihi ignoscatur Wid. p. 173. Hall. т. III p. 53 и 57.

24. Въ мартѣ 1614 года (т. е. по тогдашнему лѣтосчисленію въ началѣ 1614 г.) Шведское правительство съ большимъ рвеніемъ начало печтись о прекращеніи войны съ Россіею. Причины тому были слѣдующія. Объ избраніи Михаила Θеодоровича на Россійскій престолъ, Шведы извѣстились черезъ Де-Ла-Гарди. Но Де-Ла-Гарди представилъ это событіе въ превратномъ видѣ. Онъ писалъ не однократно, что государь избранъ не по общему согласію народа и, что онъ не изъ дома Рюрика. (Галлен. ссылается на письма Де-Ла-Гарди отъ 12 апрѣля, 18 марта

и 7 мая 1613 г. см. т. III стр. 58). Вслѣдствіе этого донесенія Шведское правительство полагало, что власть новаго государя не имѣетъ твердыхъ основаній, что въ непродолжительномъ времени мѣсто его займетъ другой счастливецъ; и потому не рѣшалось отнестись непосредственно къ Русскому правительству съ предложеніемъ о мирѣ. Но самообольщеніе Шведовъ длилось не долго. Уже въ началѣ 1614 года до нихъ дошли слухи о гибели Заруцкаго. Это обстоятельство и другія, дошедшія до Густава Адольфа извѣстія, побудили его сознаться, что время самозванцевъ въ Россіи кончилось. (См. письмо 22 марта 1614 Тавастгузъ.) Убѣдившись въ силѣ Русскаго правительства, Густавъ Адольфъ постигъ, что прочный миръ съ Россіею будетъ важнымъ пріобрѣтеніемъ для Швеціи въ предстоящей ей войнѣ съ Польшею и дастъ ей возможность упрочить мирныя отношенія свои къ другимъ западнымъ державамъ, къ которымъ царь уже отправилъ посольства. Рѣшившись не щадить средствъ для достиженія мира, Густавъ Адольфъ во время собранія въ Оребро самъ написалъ письмо царю, но еще медлилъ его отсылкою и предпочелъ предложить Русскому правительству миръ черезъ Де-Ла-Гарди. О собраніи въ Оредро см. кромѣ Галленберга Rühs Geschichte Schwedens.

25. Это письмо, какъ кажется было послано въ Москву 25 марта съ посадскимъ Иваномъ Филатьевымъ и было означено 9 марта 1614 года. Филатьевъ имѣлъ также порученіе передать Московскому царю письмо отъ Новгородцевъ, въ которомъ послѣдніе напоминая ему «единовѣріи и единую природу съ ними», просили не допускать до пролитія неповинной крови и прислать къ генералу Де-Ла-Гарди своихъ пословъ съ начертаніемъ средства

отвратить гибель народную и мирное отъ него получить постановленіе, «а буде у васъ отъ государя вашего о томъ указу нѣтъ, чтобы согласиться и вамъ бы къ намъ отписать и не держать у себя нашихъ посланниковъ; какъ по ся мѣста всѣхъ безъ исключенія безъ повороту задержали и ни какой отповѣди не дали». Отвѣтъ далъ Трубецкой, отказываясь говорить о мирѣ, пока Шведы не очистятъ Новгорода. См. Каменскаго Шведскіе дѣла въ Московскомъ Архивѣ Ин. Дѣлъ. Галленбергъ пишетъ, что Де-Ла-Гарди написалъ кромѣ того самъ письмо къ Трубецкому См. Hall. т. III p. 199.

26. Извѣстіе объ отвѣтѣ царя застало Густава Адольфа въ Финляндіи. занятаго воинскими приготовленіями. Онъ немедленно написалъ Де-Ла-Гарди, ччо въ іюнѣ мѣсяцѣ самъ намѣренъ принять непосредственное участіе въ войнѣ и уполномочилъ своего полководца выйти изъ Новгорода, предварительно разоривъ этотъ городъ. Намъ всего дороже ваша персона и наши войска и, для того чтобы сохранить послѣднія, мы готовы отказаться отъ Новгорода, писалъ Густавъ Адольфъ. Въ тоже время онъ требовалъ отъ Де-Ла-Гарди совѣта на счетъ осады Пскова и сообщилъ брату, Государственному Совѣту и вдовствующей королевѣ копія съ письма къ Де-Ла-Гарди. Отвѣтъ Де-Ла-Гарди замѣчателенъ. «Было бы полезно», писалъ онъ между прочимъ, «завладѣть Псковомъ, но для того понадобится сильное войско и будетъ необходимо пожертвовать Новгородомъ, который снабжаетъ насъ деньгами». Де-Ла-Гарди совѣтовалъ кромѣ того недовѣрять слухамъ на счетъ Заруцкаго, будто бы угрожающаго по прежнему изъ Астрахани и не разсчитывать на помощь послѣдняго. Пушки онъ обѣщалъ выслать въ Нотебургъ безотлагательно, но

колокола совѣтовалъ не вывозить, дабы не ожесточить Русскихъ. Въ слѣдствіе этого письма, Густавъ Адольфъ на время отказался отъ намѣренія осадить Псковъ, но не совсѣмъ утратилъ надежду на миръ. Мы легко поймемъ настойчивость, съ которою Густавъ Адольфъ пекся о мирѣ, если сообразимъ трудности, встрѣчаемыя имъ въ приготовленіяхъ къ войнѣ. Надлежало въ одно и тоже время печтись о пріобрѣтеніи денегъ для покрытія военныхъ издержекъ, о снабженіи войска продовольствіями и объ усиленіи пограничныхъ крѣпостей, недавно завоеванныхъ и потому мало укрѣпленныхъ. Густавъ Адольфъ затруднялся также въ прiисканіи людей, способныхъ управлять этими крѣпостями (см. Hall. т. III. стр. 182 и слѣд.)

27. Уже въ Выборгѣ Густавъ Адольфъ написалъ письмо вдовствующей королевѣ, въ которомъ, простившись съ нею, жаловался на медленность переговоровъ и писалъ, что необходимо его присутствіе въ Россіи для достиженія мира. Darzu viele meiner Diener scheinen wenig Lust zu haben, sondern diese von Kriegen Uppenhalt haben. Изъ Гельсингфорса онъ извѣстилъ о своемъ отъѣздѣ въ Россію Государственный Совѣтъ и канцлера Оксенштирна. Государственный Совѣтъ желалъ предотвратить поѣзду своего государя въ Россію и предоставилъ канцлеру изложить въ письмѣ къ Густаву Адольфу послѣдствія, которыя можетъ возъимѣть отсутствіе короля изъ Швеціи и изобразить опасности, которымъ онъ подвергнется добровольно. Густавъ Адольфъ отвѣчалъ, что отправляясь въ Россію, онъ предварительно взвѣсилъ трудности, сопряженныя съ его поѣздкою и предпринялъ ее не легкомысленно.

Впрочемъ онъ писалъ, что намѣренъ остановиться на первый разъ въ Нарвѣ, дабы содѣйствовать скорѣйшей

отсылки войскъ, приходящихъ изъ Швеціи и наблюдать за дѣйствіями своихъ уполномоченныхъ при переговорахъ.

28. См. Hall. т. III стр. 193 и 194.

29. Галл. т. III р. 217.

30. Въ Актахъ Арх. Экспедиціи напечатано 2 такихъ документа. Одинъ (т. III № 6) подъ заглавіемъ: Листъ правителя Каяніи Эрика Гаре къ начальствующимъ въ Сумскомъ городкѣ, объ удержаніи порубежныхъ жителей отъ взаимныхъ насильствъ 1613 года, другой (т. III № 46) подъ заглавіемъ: Отвѣтный листъ правителя Улеоборгскаго и Каянеборгскаго къ игумену Соловецкаго монастыря о заключеніи перемирія 1614 г. сентября 28.

31. Въ Дополненіяхъ къ Актамъ Историческимъ подъ № 40 напечатано: «Дѣло о раздачѣ помѣстій помѣщикамъ Новгородскимъ по приговору Эверта Горна и князя Ивана Одоевскаго».

32. Письмо Эверта Горна къ Русскимъ властямъ см. Прил. № 13. Мы не напечатали письма Де-Ла-Гарди отъ декабря 1614 года, потому что содержаніе его отчасти повторяется въ письмѣ № 13.

33. Ниже мы обратимъ вниманіе читателя на книгу, въ которой сказано, что сѣверная Германія не одобряла дѣйствій Густава Адольфа относительно Россіи. Самые приверженцы Густава Адольфа совѣтовали ему заключить миръ съ Россіею для того, чтобы сдѣлаться душою протестантскаго союза. Къ числу этихъ людей принадлежалъ Морицъ, ландграфъ Гессенскій, (см. Hist. de G. Adolph par Manvillon стр. 145 письмо къ Густаву Адольфу); они же послали въ Стокгольмъ Парея, Гейдельбергскаго профессора, не за долго предъ тѣмъ написавшаго книгу: de unione eclesastica 1616 года (Hist. de G. Ad. 144 par Manvillon p. 144).

Между порученіями возложенными на Парея было—склонить Густава Адольфа къ миру съ Россіей.

34. Въ 1614 году Густавъ Адольфъ заключилъ съ Генеральными Штатами торговый союзъ. Harte Gesch. Gust Adolph's p. 37.

35. Мы обратимъ вниманіе читателя на книгу Шаума: «Tragoedia Demetrio Moscovitica» 1611 года. Рукописный переводъ ея находится въ Румянцовскомъ Музеѣ. Кромѣ того существуетъ печатный переводъ этой книги въ Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи etc.

Въ предисловіи авторъ говоритъ, что, оставивъ службу Шведскаго короля, онъ объѣхалъ всю сѣверную Германію и, убѣдившись, что настроеніе умовъ относительно войны въ Россіи, не въ пользу Шведовъ, рѣшился написать эту книгу; онъ ее предложилъ на разсмотрѣніе знатнѣйшимъ сановникамъ Шведскимъ (Горну), и заслужилъ одобреніе короля Густава Адольфа, которому предоставилъ цензировать, измѣнять и поправлять ее.

Чтобъ дать понятіе объ образѣ выраженія Шаума, выпишемъ слѣдующее:

Правда, что мы сами негодные рабы и великіе грѣшники по пословицѣ cacutimus in nostris vitiis не видимъ собственныхъ нашихъ пороковъ; но Русскіе всѣхъ на свѣтѣ грѣшнѣе, не смотря на то, что они себя называютъ только святымъ народомъ, а всѣхъ прочихъ невѣрными бусурманами, ибо остаются прямыми варварами. Далѣе, разсказавъ о самозванцахъ и приписавъ волненія въ Россіи порокамъ Русскихъ онъ оканчиваетъ слѣдующимъ образомъ:

Такимъ образомъ Господь Богъ и здѣсь, въ семъ народѣ показалъ доброе начатіе къ зачатію Евангельскаго ученія и къ распространенію Христіанской церкви, что

не только мы, но еще съ нами все христіанство должно словословить и радостно воспѣвать: тебя Бога хвалимъ, съ сердечною при томъ мольбою, да совершитъ Господь Богъ благое начатое дѣло, во первыхъ святыми своими ангелами, потомъ нами, непотребными рабами, т. е. да съ помощью сихъ рабовъ отнынѣ посрамитъ гонителей любезнаго своего христіанства, особливо же папу, который въ семъ мѣстѣ думаетъ ворваться въ стадо Господа и да низринетъ ихъ въ яму, которую они ископываютъ для христіанъ. Ибо отнынѣ, мы, не какъ прежде, уже не противу Москвитянъ, но за Москвитянъ должны молить Бога (ибо ихъ могущество, коимъ насъ устрашали, прошло) да спасетъ ихъ отъ глубочайшаго и всепотопляющаго суевѣрія и наставитъ на путь совершеннаго познанія существа своего и воли, и да присоединитъ сихъ другихъ овецъ своихъ съ конца свѣта къ своей овчарнѣ. Не къ числу ли подобныхъ памфлетовъ принадлежитъ, упоминаемая у Harte Geschichte Gustav. Adolphs, The new Star of the North.

36. Въ письмѣ къ Горну прекрасно изложилъ Оксенштирнъ 1614 года отношенія Швеціи къ сосѣдямъ и настаивалъ на заключеніи мира съ Россіею. См. Приложенія № 15.

37. См. Widekindi Tijo åhrs kriget.

38. Tradescant der Aeltere in Russland, въ Recueil des Actes de la Séance Publique de l'Academie Imperiale des sciences etc. St. Petersbourg 1847.

39. Отрывокъ этого письма напечатанъ въ Hakluyt Collection etc. подъ заглавіемъ: A branch of a letter from M-r John Merick, agent unto the Muscovy Company to Russia closed up in Moscow the 14 of March 1597, touching the death of Pheodor Ivanowitch. Въ той же книгѣ находится

письмо Флетчера изъ Москвы къ Мерику съ извѣстіемъ о происходившихъ тамъ волненіяхъ.

40. Дворцевые розряды т. I стр. 167. Въ Архангельскъ Мерикъ прибылъ іюля 22.

41. Съ этимъ извѣстіемъ слѣдуетъ сличить слова Бантышъ-Каменскаго въ рукописи Англійскія Дѣла, хранящейся въ Архивѣ Мин. Иностранныхъ Дѣлъ. «Англійскій король, не бывъ еще извѣстенъ о новомъ въ Россіи государѣ, отправилъ въ Москву къ боярамъ посланниковъ своихъ Ивана Мерика и Вильяма Русселя съ вѣряющею грамотою. Они, пріѣхавъ въ Архангельскъ 8 іюня, послали въ Москву королевскую грамоту съ Фабіаномъ Шмитдтомъ. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ упросилъ ихъ, дабы они съ Англійскимъ посломъ Зюзинымъ ѣхали обратно въ Англію; что они и исполнили».

42. О пріемѣ Мерика и о совѣщаніи его съ боярами см. въ Приложеніяхъ № 14.

43. Мерикъ привезъ съ собою также письмо къ царю отъ короля Англійскаго см. въ Приложеніяхъ № 7.

44. Отправляясь въ Россію, Густавъ Адольфъ произнесъ въ Стокгольмѣ знаменитую рѣчь, напечатанную въ сочиненіи Галленберга. Mauvillon сообщаетъ Французскій переводъ ея.

45. При изложеніи хода переговоровъ мы слѣдовали вышеупомянутому сочиненію Галленберга и, сколько могли, посольскимъ книгамъ.

46. Мерикъ совѣтовалъ не довѣрять Голландіи, годъ тому назадъ такъ милостиво принявшей Русскихъ пословъ. Сравни Scheltema Russland och Niderland и извлеченіе изъ этого сочиненія въ Сѣверномъ Архивѣ.

47. Это извѣстіе почерпнуто нами изъ рукописнаго

сочиненія Каменскаго: «Англійскія Дѣла» см. Моск Архивъ Ин. Дѣлъ. Въ посольскихъ же книгахъ сказано, что Merикъ послалъ Бичера къ королю Англійскому. Очень вѣроятно, что, возвратясь изъ Москвы въ Новгородъ, Бичеръ былъ посланъ въ Англію, потому что Густавъ Адольфъ не удалялся отъ Пскова до ноября мѣсяца.

48. Письмо Густава Адольфа къ Арведу Тонессону 4 августа близъ Пскова Галленбергъ т. III.

49. См. Галленбергъ и посольскія книги.

50. Сохранилось весьма интересное описаніе осады Пскова въ письмѣ отъ 3 ноября 1615 года. См. въ Приложеніяхъ № 12 это письмо, перепечатанное изъ 4 тома сочиненія Галленберга.

51. Въ посольскихъ книгахъ сохранились предписанія, которыя при этомъ случаѣ были вручены Урусову съ товарищами отъ Мезецкаго съ товарищами.

52. Въ посольскихъ книгахъ сказано, что первые начали рѣчь Русскіе послы.

53. Этотъ титулъ въ глазахъ Русскихъ имѣлъ то же значеніе, какъ и предшествующій, потому что слова «государь и правитель другихъ странъ» относились между прочимъ до Новгорода и до Лифляндіи. Постояннымъ правиломъ Русскихъ государей 16 и 17 вѣка, было не отрекаться отъ правъ своихъ на страны, нѣкогда платившія дань Россіи или ей единовѣрныя, даже въ случаѣ жители этихъ странъ временно признавали надъ собою власть другого государя. (См. сочиненія Лешкова и Капустина о Русской дипломатіи).

54. Подъ № 19 въ Приложеніяхъ мы сообщили письмо, которое послалъ Густаву Адольфу Мерикъ, узнавъ объ осадѣ Пскова.

55. Письмо Густава Адольфа сообщаетъ Widekindi въ Tio ars Kriget. См. въ Приложеніяхъ № 16.

56. Въ посольскихъ книгахъ сохранились листы царя къ посламъ, заключающіе въ себѣ наставленія, какъ поступать при переговорахъ.

57. Съ Шведской стороны при этой церемоніи присутствовали Лоренцъ Вагнеръ, Арведъ Горнъ, Андерсъ Нильсонъ и Ларсъ Мартенсонъ; съ Русской Иванъ Степановичъ Уруссовъ, Василій Пановъ, Неустрой Кушниковъ и Василій Воликовъ Hall. т. III.

58. См. Каменскаго Шведскіе Дѣла.

59. О ихъ путешествіи сообщаетъ подробныя извѣстія Шельтема въ своемъ сочиненіи Russland och Niderland. Кромѣ того въ 1619 году была издана книга Journael de Legatie gedaen 1615 ende 1616 и т. д. Аделунгъ сообщаетъ изъ этой книги подробные выписки въ извѣстномъ своемъ сочиненіи Uebersicht des Reisenden in Russland etc. etc.

60. Галленбергъ ссылается на 2 письма Спенса, которыя отпечатаны въ Widekindi Tijo åhrs Kriget.

61. О встрѣчѣ близъ Глебова упоминаетъ Пуффендорфъ въ Einleitung zur schwedischen Geschichte и Русскія лѣтописи.

62. Сравнивъ эти слова съ актомъ напечатаннымъ въ Приложеніяхъ № 5 нельзя не согласиться, что Русскіе послы были посвящены въ тайны Шведской дипломаціи.

63. Hallenberg т. III.

64. До этого отдѣла продолжается разсказъ Гутериса. Прибавляемъ изъ извлеченія Аделунга то, чего не нашли въ Шведскихъ источникахъ. Голландскіе послы выѣхали изъ Новгорода 12 ноября. Въ Милагонѣ они встрѣтили

Шведскихъ переговорщиковъ. Голландцы посѣлились въ Милагонѣ, а Шведы въ Романовѣ. Далѣе Аделунгъ пишетъ: Unterdessen wurde den Holländischen Gesandten eine weniger unbequeme Wohnung angewiesen, drei Meilen von ihrer bisherigen in dem Dorfe Gleboa, wohin sich dieselben am 17 Dec. aufmachten. Von hier aus begaben sie sich täglich zweimal bei der strengsten Kälte im Schlitten zu dem Englischen Unterhändler, wo die vorläufigen Besprechungen gemeinschaftlich gehalten wurden. Dazwischen bewirtheten sie sich unter einander, so gut es die Umstände in der menschenleeren Wüste erlaubten, wobei die Küche der Russen den Holländern nicht sehr behagt zu haben scheint. Die Conferenzen rückten sehr langsam vorwärts, und stiessen auf so viele Schwierigkeiten, dass sogar die Zelte, die schon zur gemeinschaftlichen Vereinbarung in der Nähe der Russischen Commissarien aufgestellt waren, wieder abgebrochen wurden. Endlich näherte man sich gegenseitig, so weit, dass die Zelte am 12 Januar wieder gestellt werden konnten, wobei wieder, trotz der furchtbaren Kälte und aller anderen ungünstigen Umstände, eine so grosse Etiquette und Vorsicht beobachtet wurde, dass sie als ein Beitrag zum diplomatischen Ceremoniel jener Zeiten, hier wohl eine besondere Erwähnung verdienen. Jede Abtheilung der vier Bevollmächtigten hatte fünf durch Vorhänge geschlossene Zelte, in deren Mitte ein grosser Tisch so gestellt war, dass jeder unmittelbar beim Heraustreten aus seiner Abtheilung, vor der für ihn bestimmten Seite des Tisches stand, welcher der Länge nach durch einen kleinen Vorhang getheilt war, damit sie sich nicht einander sitzen sehen konnten. Der Fussboden war mit grossen Bärenfellen bedeckt, was aber bei der ausserordentlichen Kälte wenig half. Der ganze von den Zelten eingenommene Platz war mit Rus-

sischer Reiterei umgeben. Jeder Friedens-Commissär hatte seinen Dolmetscher neben sich stehen. Da sie sich wegen der Vorhänge nicht sehen konnten, so fragten die Russen den Schwedischen Felldherrn, ob er Pistolen bei sich trage; worauf mit Nein geantwortet wurde, und darauf: ob er mit seinem Seitengewehr erschienen sei, welches er bejahte. Darauf wurde der Vorhang weggezogen und die beiden feindlichen Anführer die sich zwar lange bekriegt, aber nie zuvor einander gesehen hatten, standen nun einander gegenüber und reichten sich unter sehr verschiedenen Empfindungen die Hand, worauf man sogleich die Verhandlung anfing. Doch schon wenige Augenblicke nachher entstanden zwischen beiden so grosse Schwierigkeiten, dass der Graf de la Gardie aufsprang um die Versammlung zu verlassen, und alle weitere Unterhandlungen abzubrechen. Indessen gelang es endlich den fremden Vermittlern beide Parteien zu verständigen. Man arbeitete nun noch 2 Tage, jeden Tag 6 Stunden hintereinander, bis die ganz unerträgliche Kälte sie endlich zwang, die Zelte zu verlassen und sich in der Wohnung des Englischen Botschafters zu versammeln. Hier kamen sie vom 5. Januar an täglich zweimal zusammen und setzten ihre Arbeiten bis Anfang März fort.

Endlich erreichten die Verhandlungen ein Ende und am 4. März konnte ein Waffenstillstand auf 3 Monate zwischen Schweden und Russen abgeschlossen und unterzeichnet werden.

65. Это перемиріе въ Приложеніяхъ № 1 и № 2.

66. Мерикъ прибылъ въ Москву въ апрѣлѣ 1615 г.

67. Полномочія и предписанія Або отъ 11 и 15 мая Видекинди Tijo åhrs Kriget. Быть можетъ Густавъ Адольфъ далъ эти предписанія во вниманіе къ письму Мерика отъ 20 апрѣля изъ Москвы. Мерикъ извѣщалъ, что, по его ста-

ранію, царь дастъ своимъ полномочнымъ potestatem amplam et satis largam, предпочитая союзъ и дружбу съ королемъ благорасположенію другихъ монарховъ. Мерикъ просилъ также быть умѣреннѣе въ своихъ требованіяхъ. См. Приложенія №№ 23 по 27.

68. Мы уже выше замѣтили, что первая встрѣча Мерика у царя происходила 14 апрѣля. Того же дня былъ Мерикъ у государя за столомъ. Потомъ была встрѣча 28 апрѣля. Того же дня Мерикъ ходилъ въ отвѣтъ, а въ отвѣтѣ съ нимъ были бояринъ и намѣстникъ Рязанскій, князь Иванъ Большой Андреевичъ Хованскій и окольничій намѣстникъ Суздальскій князь Мезецкой. Первыя недѣли мая Мерикъ еще оставался въ Москвѣ. См. Прил. № 25.

69. См. Приложенія № 26.

70. Этой встрѣчи предшествовало письмо Мерика къ Густаву Адольфу см. Приложенія № 27. Мерикъ объявилъ, что отправляется на встрѣчу Шведскимъ полномочнымъ съ цѣлію объяснить коротко на словахъ смыслъ послѣднихъ предписаній царя Михаила Ѳеодоровича.

71. Изъ Ладоги Мерикъ послалъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ письмо къ королю Густаву Адольфу съ просьбою приказать своимъ полномочнымъ быть умѣреннѣе.

72. См. Приложенія № 3.

73. См. Приложенія № 4.

74. См. Галленбергъ.

75. См. объ этомъ въ самомъ договорномъ актѣ въ Приложеніяхъ № 11.

76. Мерикъ извѣстилъ короля Густава Адольфа о заключеніи мира письмомъ отъ февраля 28-го 1617 года. Въ Приложеніяхъ № 31.

77. Въ собраніи Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ напечатана подъ № 35 грамота царя въ Сибирь въ Кетскій острогъ къ воеводѣ Чеботаю Челищеву. Извѣстивъ воеводу о мирѣ, царь писалъ въ ней: «И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, а тыбъ велѣлъ созвати всякихъ нашихъ служилыхъ и жилецкихъ людей, и велѣлъ имъ прочесть во всеуслышаніе, чтобъ всѣмъ людемъ то доброе дѣло было вѣдомо и велѣлъ бы если молебны пѣти съ звономъ и изъ наряду велѣлъ стрѣляти изъ большаго и изъ ручнаго, чтобы про то было вамъ явно и вѣдомо» и т. д. Эта же грамота во второмъ томѣ Истор. Акт. подъ № 284. Февраля 27 1617 года.

78. Русскій Историческій Сборникъ. Москва 1838 г. стр. 79, книга II.

79. Уже ранѣе царь послалъ двѣ грамоты въ Новгородъ (см. Собр. Гос. Грам. и Дог. № 34 и Ист. Акты Арх. К. № 284). Въ одной изъ нихъ царь повелѣваетъ митрополиту отслужить въ Софійскомъ молебенъ со звономъ. Въ той же грамотѣ царь приказалъ митрополиту и депутатамъ различныхъ сословій явиться въ Москву, что бы видѣти царскія очи.

80. De la Gardiska Archivet Lund 1834 г. Царь съ своей стороны наградилъ Мерика, Мезецкаго и дьяка Новокщенова. Зюзину было сказано окольничество, Мезецкому боярство. См. обо всемъ этомъ и о встрѣчахъ — въ Дворцевыхъ разрядахъ.

81. Лѣтопись о многихъ мятежахъ.

82. О предстоявшихъ Шведскимъ посламъ во время ихъ поѣздки въ Москву трудностяхъ и о пищѣ, которую находили они на пути, даетъ понятіе отписка къ царю Образцова и Вахрамѣева о разрѣшеніи изъ нашихъ де-

нетъ производить издержки на Шведскихъ пословъ въ ихъ проѣздѣ. (См. Акт. Арх. Эксп. т. III № 101),

83. О всѣхъ этихъ посольствахъ пишетъ: Petrus Jansonius Itinerarium oder ausführlicher Bericht, Welcher gestalt Königl. Mayest. V. Schweden etc. etc. Gedruckt bei Paul Langen. In Verlegung Michaelhering's im Jahr 1619.

84. См. Галленбергъ т. IV.

85. Geier Gechichte Schwedens.

86. Svecia Editio Elseviriana 1630.

87. См. въ Румянц. Музеѣ.

88. См. Приложенія № 3 и 4.

89. Въ журналѣ Suomi 1842 Häftet V и VI напечатанъ Шведскій договорный актъ. Въ примѣчаніяхъ означены нѣкоторыя отступленія отъ Русскаго акта.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

№ 1.

КОПІЯ СЪ ЗАПИСИ РОССІЙСКИХЪ ПОСЛОВЪ, ОКОЛЬНИЧАГО КНЯЗЯ ДАНИЛА ИВАНОВИЧА МЕЗЕЦКАГО СЪ ТОВАРИЩИ, УЧИНЕННОЙ НА СЪѢЗДѢ МЕЖДУ ТИХВИНОМЪ И ЛАДОГОЮ ВЪ СЕЛЬЦѢ ДЕДЕРИНѢ, О ПЕРЕМИРІИ МЕЖДУ РОССІЕЮ И ШВЕЦІЕЮ ОТЪ 22 ФЕВРАЛЯ ДО 31 ЧИСЛА МАЯ ТОГОЖЪ ГОДА.

1616 февраля 16.

Божіею милостію великого государя царя и великого князя Михаила Ѳедоровича, всеа Русія самодержца, Владимерского, Московского, Новгородцкого, царя Казанского, царя Астароханского, царя Сибирского, государя Псковского, великого князя Смоленского, Тверского, Югорского, Пермского, Вятцкого, Болгарского и иныхъ; государя и великого князя Новагорода Низовскія земли, Черниговского, Резанского, Ростовского, Ярославского, Бѣлоозерского, Лифляндского, Удорского, Обдорского, Кондинского, и всея сѣверныя страны повелителя, и государя Иверскіе земли, Карталинскихъ и Грузинскихъ царей, и Кабардинскіе земли, Черкаскихъ и Горскихъ князей, и иныхъ многихъ государствъ государя и обладателя, его царского величества мы, великіе послы: окольничей и на-

мѣстникъ Суздальской князь Данило Ивановичь Мезецкой, да дворянинъ и намѣстникъ Шатцкой Олексѣй Ивановичь Зузинъ; да царского величества дьяки: Миколай Никитичь сынъ Новокщеновъ, да Добрыня Семеновъ. Что съѣзжалися есми велеможного Густава Адольфа короля Свейского съ полномочными послы о мирномъ постановленьѣ, и говорили, и дѣлали на многихъ съѣздѣхъ о многихъ государскихъ дѣлехъ и о городѣхъ, — и то дѣло межъ нами нынѣ не стало. А межъ нами обоими великими послы третьи были: великого государя Якуба, короля Великія Британіи, Францужского и Ирлянского, царского величества любительного брата; и велеможныхъ Статъ и владѣтелей Недерлянскіе земли великіе послы: князь Иванъ Ульяновичь Мерикъ, рыцерь, королевского величества тайные думы дворянинъ; да Реинъголтъ Фанъ Бредпродъ, рыцерь и господинъ въ Фенгузенѣ, Шпанъброкѣ, Остъ Хузинѣ, и въ Естерсенѣ, и въ Евердикѣ, и въ Шарданѣ и въ Квайдинѣ; Дирихъ Басъ, господинъ, въ обѣихъ справахъ дохтуръ и буймистръ города Острадама; Албертъ Іоахимъ, господинъ, рыцерь въ Стелбѣ и Вавикенсѣ, и въ собраніи тѣхъ высокоможныхъ господей начальныхъ уставленыхъ Голанскихъ. И въ тѣхъ спорныхъ великихъ дѣлехъ межъ обоихъ великихъ государей и государствъ, и межъ великихъ обоихъ пословъ и впередъ въ третьихъ быть хотятъ, какъ бы межъ великого государя царя и великого князя Михайла Ѳедоровича, всеа Русіи самодержца и многихъ государствъ государя и обладателя, и межъ королевского величества дружба и любовь учинити, а межъ великихъ государствъ миръ и покой и тишинѣ, приговорили на время отложити на перемирье. И мы, царского величества великіе послы, по приговору и по прошенью

третьихъ своихъ, великихъ пословъ великого государя Якуба, короля Великіе Британіи, и велеможныхъ Недерлянскихъ Статъ и владѣтелей, приговорили есми на томъ на перемирьѣ межъ царского величества и королевского величества съ сѣхъ мѣстъ февраля съ 22 числа маія до 31 числа. И въ то перемирное время, межъ царского величества и межъ королевского величества и межъ обоихъ государствъ войнѣ и задоромъ никакимъ не быть; подъ городы и въ уѣзды ратныхъ людей большихъ и малыхъ сухимъ и водянымъ путемъ не посылати, и задоровъ никакихъ втайнѣ и въявѣ никакими мѣрами и умышленьемъ не дѣлати, и никакого дурна не учинити. А съѣхатись царского величества великимъ посломъ и королевского величества полномочнымъ посламъ на тотъ срокъ, маія въ 31 день нынѣшняго 124 года, на уреченномъ мѣстѣ межъ Тихвины и Ладоги, и что въ сей записи писано, держати крѣпко. А для утверженья къ сему писму, мы царского величества великіе послы и третьи наши, великого государя Якуба, короля Великіе Британіи, и велеможныхъ Недерлянскихъ Статъ великіе послы, руки свои приписали и печати свои приложили. Писано на съѣзжемъ мѣстѣ въ сельцѣ въ Дедеринѣ, лѣта 7124, мѣсяца февраля въ 2 день.

№ 2.

КОПІЯ СЪ ЗАПИСИ ШВЕДСКИХЪ ПОСЛОВЪ ЯКОВА ДЕ-ЛА-ГАРДИ СЪ ТОВАРИЩИ, УЧИНЕННОЙ НА СЪѢЗДѢ МЕЖДУ ТИХВИНОМЪ И ЛАДОГОЮ ВЪ СЕЛЬЦѢ ДЕДЕРИНѢ, О ПЕРЕМИРІИ МЕЖДУ РОССІЕЮ И ШВЕЦІЕЮ ОТЪ 22 ФЕВРАЛЯ ДО 31 МАЯ ТОГО ЖЕ ГОДА.

1616 февраля 22.

Того веле можнѣйшего и высокороженного князя и государя, государя Густава Адольфа Свейского, Готского, Вендейского, избранного короля и вотчинного князя, великого князя Финскіе земли, арцука Эстленскаго и Весманланского полномочные великіе послы, мы: Яковъ Делегарде, графъ въ Лекіи, вольный господинъ въ Экгольмѣ, господинъ въ Колкѣ и въ Кехтелѣ, королевскаго величества ближніе думы и болшой ратной воевода; Арвей Тенисовъ въ Тюстербіи, королевскаго величества державецъ Выборгскій и судья Корелскіе земли; да Монсъ Мартенсонъ, королевскаго величества секретарь. Даемъ по сему вѣдати, что мы съ тѣми великого государя царя и великого князя Михаила Ѳедоровича, всеа Русіи самодержца, послы о мирномъ постановленье въ которыхъ дѣлехъ нѣсколькое время дѣлали, и то дѣло межъ нами нестaлось. И того веле можнѣйшего и высокороженного князя и государя, государя Якуба, короля Великія Британіи, Француждскаго и Ирланского, оборонителя вѣры, его королевскаго величества брата и прироженного пріятеля, да и тѣхъ шляхетныхъ и веле можныхъ господей Статовъ начальныхъ волныхъ соединенныхъ Недерлянскіе земли, его же королевскаго величества особныхъ добрыхъ друговъ и соединенныхъ великіе послы тѣ доброшляхетные и грозные, чести одержательные и высоконаученные, доброра-

зумные господа: Ягань Мерикъ, рыцеръ и королевского величества компатной дворяпинъ, Рейнгольтъ Бредеродъ, рыцеръ, господинъ въ Фенгузинѣ, Шпанброкѣ, Остъ-Хузинѣ, въ Этерсенѣ, и въ Евердикѣ, въ Шардамѣ, и въ Квадинѣ, правитель Высокой Думы и въ соймѣхъ Галанскихъ, и Зелянскихъ, и Фризлянскихъ; господинъ Дирикъ Басъ, въ обѣихъ справахъ дохтуръ и бургимейстеръ города Астрадама; да господинъ Албертусъ Іоахимъ, рыцеръ, господинъ въ Остенденѣ и въ Одикенсъ Кяркѣ, въ собраньѣ тѣхъ высокоможныхъ господей Статовъ начальныхъ уставленыхъ Зелянскихъ, посредники, въ тѣхъ спорныхъ дѣлехъ межъ обѣихъ государствъ уставленые, вступилисъ, впредъ работати и тружатись, и, надѣясь въ тѣхъ спорныхъ и несоединенныхъ дѣлехъ впередъ съ ихъ третьеваньемъ межъ его королевского величества, нашего милостиваго короля, и его царского величества, вскорѣ какъ мочно и какъ послѣ помянутое время, съ Божіею милостію, отставить, а на то мѣсто миръ и дружбу и доброе соединенье чинити и приводити; и потомъ добро найдено, что на время отложити на перемирье войны, съ обѣихъ сторонъ поставити и утвердити. И для того мы ихъ предлаганія и припоминанія излюбили, видячи его королевского величества Великія Британіи, и тѣхъ велеможныхъ господей Статовъ начальныхъ крестьянскіе, доброхотѣйшіе и миролюбительные доброхотенья, и какъ всегда жадаютъ вѣрные дружбы и соединенья. И для того во имя его королевского величества нашего милостиваго короля и государя, мы обѣщаемся и слово даемъ по сей нашей вѣрѣ и правдѣ, перемиріе съ положеньемъ оружія межъ высокоименованныхъ его королевского величества и его царского величества, съ сѣхъ мѣстъ по послѣднее число будущаго

мѣсяца мая; и въ то время всякую вражду и умышленье и всякіе хитрости, всякими мѣрами отложити, въ крѣпостяхъ, и въ городѣхъ, и въ селехъ, и въ деревняхъ, и на рубежахъ во обѣихъ, что его королевское величество здѣсь въ Россійской земли и инде подъ коруною Свійскою имѣетъ подъ своею державою, ни въ тайнѣ, ни въ явѣ, ни водянымъ, ни сухимъ путемъ, ни какими мѣрами, и умышленемъ, и не дружбою ни какого дурна не учинити. Будетъ тѣ благопомянутые господа посредники то дѣло приведутъ къ доброму докончанью, и тогда его королевского величества полномочные великіе послы съ тѣми царского величества послы въ послѣднее число мая съѣдутца межъ Тихвина и Ладоги, и съѣздъ учинятъ. И мы тако хотимъ нынѣ и впередъ держати за словомъ, чтобъ нашего милостиваго короля и государя какъ достоитъ титло и причитаніе въ началныхъ въ большихъ дѣлехъ, также держати безо всякого прекаканія, .. его королевское величество хочетъ себѣ имѣти. А для крѣпости и утвержения по сему письму съ нашей стороны не рушимо и воздержано будетъ, и для ради того благоименованные господа посредники по нашему прошенью за нашими руками и печатми, такоже и за ихъ руками и приложенными печатми укрѣпили и утвердили. Писано въ Дедеринѣ 22 числа февраля, лѣта послѣ Рождества Христова 1616.

№ 3.

ПЕРЕВОДЪ СЪ СТАТЕЙ НАЧАЛЬНЫХЪ (ПРЕЛИМИНАРНЫХЪ ПУНКТОВЪ) ЗАКЛЮЧАЕМАГО МЕЖДУ РОССІЙСКИМЪ И ШВЕДСКИМЪ ГОСУДАРСТВАМИ ДОГОВОРА ЧРЕЗЪ ШВЕДСКИХЪ ПОСЛОВЪ ДЕЛАГАРДИ СЪ ТОВАРИЩИ И АНГЛІЙСКАГО ПОСЛА ИВАНА МЕРИКА, ЯКО ПОСРЕДНИКА СЪ РОССІЙСКОЙ СТОРОНЫ, ПОДПИСАННЫЯ ВЪ *Ладогѣ* И РАЗМѢНЕННЫЯ МЕЖДУ ИМИ.

1616 декабря 3.

Того пресвѣтлѣйшего и велеможнѣйшего, высокорожденнаго князя и государя Густава Адольфа, Свейскаго, Готскаго, Вендейскаго и иныхъ, короля и вотчинного князя, великого князя Финдляндского, арцука Естелского и Вестьмеланского и иныхъ, нашего всемилостиваго короля и государя къ сему мирному дѣлу установленные полномочные послы, мы: Яковъ Делегарде графъ въ Леки, вольной господинъ въ Екхолмѣ, господинъ въ Колнѣ, и въ Рунсѣ, въ Кехтелѣ и иныхъ, вышеименованнаго его королевскаго величества и королевства Свейскаго Думы и начальной ратной воевода; Индрикъ Горнъ, вотчинный господинъ въ Кавкасѣ, въ Венденѣ, въ Геслѣ; его королевского величества и королевства Свейскаго Думы и маршалокъ и начальной судья во Олентѣ; Аверкъ Тенисовъ въ Тустербу и горододержавецъ въ Выборгѣ и въ Корелѣ, и начальной судья всего Корельского уѣзду; да Монша Мартыновъ секретарь. Даемъ вѣдати и объявляемъ, что, во имя вышеимянованнаго его королевскаго величества нашего всемилостиваго короля и государя, мы послы въ семъ дѣлѣ имѣемъ полный наказъ, съ тѣмъ пресвѣтлѣйшаго, высокорожденнаго князя и государя, государя Екуба короля, Великой Британи, Французского, Кирляпского и иныхъ, оборони-

теля вѣрѣ, съ благоуставленнымъ именитымъ посломъ, благошляхетнымъ, грознымъ, чести одержительцымъ и мужественнымъ господиномъ Ягапомъ Мерикомъ, рицеремъ, вышеименованного его королевского величества таіінымъ и комнатнымъ господиномъ, какъ есть посредникомъ, о нѣкоторыхъ начальныхъ спорныхъ статьяхъ въ нынѣшнемъ настоящемъ мирномъ дѣлѣ межь вышепомянованного его королевского величества Свейского и иныхъ и тожъ великого государя царя и великого князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи самодержца и иныхъ, съ другой стороны, здѣсь въ Ладогѣ, по сему обычаю уложили и договорились на томъ: что вышеименованной его королевское величество Свейской поволилъ его царскому величеству отдати и отступатися тѣ городы и крѣпости Новгородъ, Старую Русу, Порховъ, Гдовъ и Ладогу съ уѣзды; также и Сомерскую волость; отъ нынѣшняго дни тѣхъ городовъ и крѣпостей, и церквей, и монастырей не разорити и не пустошить; а въ тѣ поры въ Новѣгородѣ посацкимъ людемъ ратныхъ людей покоить по достоянію, а будутъ онѣ ихъ въ тѣ поры покоить и . . . . А коимъ обычаемъ и въ кую пору отданье будетъ межъ насъ и царского величества съ послы на съѣзжемъ мѣстѣ, подлинный и полный договоръ будетъ впередъ. И противъ того его королевское величество Великой Британи благоуставленной посолъ и посредникъ, во имя отъ его царского величества, намъ рекся и до полна отвѣтъ далъ, что его царскому величеству отъ собя, и своихъ вотчинниковъ будущихъ Россійскихъ царей, и великихъ князей Россійского царства, его королевского величества вотчинникомъ и послѣ будущимъ королемъ и корунѣ Свейской, безъ повороту въ вотчину и

впредь отступить послѣ именованные городы и крѣпости и земли: Иванъ-городъ и Копорье, Яму, Орешекъ, со всѣми уѣзды; да къ тому давать готовыми деньгами двадцать тысячь рублевъ, ходячими серебряными добрыми деньгами; и что царскому величеству утвердити отданье тѣхъ крѣпостей Корелу съ уѣздомъ, и что еще къ тому пристоитъ; въ третіе, что его царскому величеству отъ собя и отъ вотчинниковъ послѣ будущіе Россійскіе цари великіе князи и Россійское государство и слуги и подданные Лифляндскую титлу до полна отставить, и противъ его королевского величества Свейского вотчинникомъ, и послѣ будущимъ королемъ и корунѣ Свейской и ихъ слугамъ и подданнымъ впередъ не именоватися. И въ тѣ вышеписьменныя статьи, въ письменномъ помиреньѣ, что о всемъ мирѣ межъ насъ царского величества пословъ уставлено будетъ, и то подлинно то имя по достойному образцу введено и утверждено будетъ. И что настоитъ о иныхъ статьяхъ, что мирному постановленію отвести надобе: о укрѣпленіѣ Тявзинского и Выборгского вѣчного мирного постановленія, и особного Лифляндского поступленія, которое въ Выборгскомъ постановленіи договорено и утверждено; о торговлѣ и ходу съ обѣихъ сторонъ великихъ государей подданныхъ; какая вольность всякому кому въ которой землѣ имѣти будетъ; и о свободѣ съ обѣихъ сторонъ полоняниковъ; о колоколехъ, и о нарядѣ, и о пушечномъ запасѣ, которое то есть; и о долгахъ, что кому на комъ взяти; которому государству подданному и какъ впередъ быти; о переметчикехъ изъ обѣихъ сторонъ и что еще къ сему вспамятовать надобеть и то все, что до съѣзду и изъ устныхъ рѣчей царского величества съ послы на съѣзжемъ мѣстѣ задержанное и отложенное, какъ мы тутъ царского

величества съ послы обо всѣхъ вышеименованныхъ статьяхъ дополна вмѣстѣ сходительство учинили и помирили, и то писмами и печатми укрѣпить. И тогды отъ того дни межъ того пресвѣтлѣйшего и велеможнѣйшего высокорожденного князя и государя, государя Густава Адольфа Свейского, Готского, Вендейского и иныхъ короля, его королевского величества вотчинникомъ и послѣ будущимъ королемъ и корунѣ Свейской и великому государю, царю и великому князю Михаилу Өедоровичу, всеа Русіи самодержцу, его царскому величеству отчинникомъ и послѣ будущимъ царемъ и великимъ княземъ и Россійскому государству доброго вѣчного миру, вѣрному сусѣдству и дружелюбству быти и настояти. А что . . . . господина Великобританского посла какъ посредника, такъ договорено и совершено съ нашіе стороны безъ повороту удержано будетъ, и мы то свидѣтельствуемъ своимъ рукописаніемъ и природными печатми. Писано въ Ладогѣ декабря въ 3 день отъ Рождества Христова 1616 году.

№ 4.

Запись (въ спискѣ) учиненная въ Ладогѣ между Россійскими дворянами посольствъ, Протасьевымъ съ товарищи, и Шведскими, ротмистромъ Вагнеромъ съ товарищи, о бытіи съѣзду въ деревнѣ Столбовѣ полномочнымъ Россійскимъ и Шведскимъ посламъ.

1616 декабря 12.

Божіею милостію того велеможнѣйшего государя, Густава Адолфа, Свейского короля полномочныхъ и великихъ пословъ, — которые, такъ же Божіею милостію великого государя царя и великого князя Михаила Ѳедоровича, всеа Русіи самодержца, его царского величества съ полными великими послы о миру и о добромъ дѣлѣ дѣлати вмѣстѣ наѣзда будутъ, — мы по сеи написанные ихъ посланные королевского величества дворяне: Лоренцъ Вагнеръ, ротмистръ Арвей Горнъ, Іванъ Банеръ, да Ондрей Митревъ, канцѣлейской пріятель, объявляемъ симъ: Понеже, произволеніемъ Бога всемогущаго, и третьеваньемъ и посредіемъ того пресвѣтлѣйшего и велеможнѣйшего высокорожденного князя и государя Якуба, Велики Британи, Французжскіе и Кирлянскіе земли и иныхъ короля, оборонителя вѣрѣ, вышепомянутого его королевского величества Свейского много любителного брата, друга и пріятеля, о миру и о добромъ дѣлѣ вступленіе межъ вышепомянутого его королевского величества Свейского и его царского величества опять произволено; и обѣихъ сторонъ великихъ государей полномочные великіе послы на томъ мѣстѣ межъ Ладоги и Тихвина въ деревнѣ Столбовѣ вмѣстѣ съѣзжатися будутъ; а быти на обѣ стороны съ послы

по полтараста человѣкъ конныхъ, да по двѣсте человѣкъ пѣшихъ съ посолскими и съ дворянскими людми. И мы обѣщаемъ . . . . во имя за вышепомянутого королевского величества Свейского полномочныхъ великихъ пословъ, что его царского величества великимъ и полномочнымъ посломъ со всѣми своими будущими людми, которымъ быти по учету какъ вверху помянутого небольши, — волно надежно и бестрашно къ съѣзжему мѣсту Столбова пріѣзжати и отъѣзжати; и до совершенія дѣла тамо пребыти мочно будетъ; — таколсъ, чтобъ его царского великимъ и полномочнымъ посломъ и ихъ людемъ, въ ихъ пріѣздахъ и розъѣздахъ, и доколе будутъ на съѣздѣхъ, такожъ въ ихъ станѣхъ, отъ его королевского величества Свейского ратныхъ Свейскихъ и иныхъ земель людей ни отъ тѣхъ, которые его королевского величества съ послы, ниже отъ тѣхъ, которые по городомъ, или гдѣ инде на службѣ никоторого зла или недружбы насилствомъ, обманомъ, или лестью, и какъ мочно умыслити и назвати, не учинено будетъ. А притчею либо такъ учинитца, что сей мирной съѣздъ безъплодно разыдетца; — отъ тѣхъ причинъ Богъ сохрани — тогда, и неменше того, обѣихъ сторонъ великихъ государей полномочныхъ и великихъ пословъ, сь ихъ у собя имѣющими людми и животы, волно и надежно, бестрашно и безопасно всякому къ своему береженью опять отойти: его королевского величества великимъ и полномочнымъ посломъ инымъ въ Новгородъ, инымъ въ Ладогу, да въ Орѣшокъ и въ иные его королевского величества городы; а царского величества великимъ и полномочнымъ посломъ на Тифину, на Устюжню и въ иные его царского величества городы отойти; и никому, кото-

рымъ отъ ратныхъ людей, которые земли ни буди, и у кого ни служатъ, на ихъ пути имъ самимъ, ни надъ животы ихъ, ни которому зла, ни насилства, или лестія, и никоторою недружбу ни въ чемъ не учинити, ниже учинити поволити. А что сія вся, какъ вверху помянутыхъ отъ его королевского величества Свейского великихъ и полномочныхъ пословъ, прямо твердо и нерушимо держана быть — обѣщаемся и кленемся мы, вверху помянутые, по своей крестьянской вѣрѣ на святое евангеліе, на которомъ присегаемъ. Такъ же и противъ того его царского величества и полномочныхъ пословъ посланные: царского величества дворяня Соловой Борисовъ сынъ Протасьевъ, Володимеръ Шепелевъ, Неустрой Кушниковъ, подъячей Василей Волковъ, во имя и мѣсто его царского величества великихъи полномочныхъ пословъ, намъ, тому же подобно, клятвою и крестнымъ цѣлованіемъ соопасили и обѣщалися.—А для свидѣтельства и болшія твердости передаемъ се наше опасное писмо его королевского величества Великіи Британіи, Французского, Кирляпскіе земли и иныхъ, оборонителя вѣрѣ, великого и полномочного посла, благодражайшого великого господина, Ивана Мерика, рыцаря, посланному, дражайшему и чести одержителному Томасу Смиту; такъ же его царского величества великихъ и полномочныхъ пословъ посланные свое опасное писмо, которое они намъ о томъ потомужъ предаютъ. А быти обѣимъ опаснымъ грамотамъ вышепомянутого королевского величества Великіи Британіи великого и полномочнаго посла въ рукахъ и въ его береженье; но буди скончается и тогда всякой сторонѣ его опасное писмо отъ благопомянутого господина Великобританского посла до

рукъ отданнымъ быти. А для болшого свидѣтельства жъ се опасное писмо своими печатми подпечатали и своими руками подписали. Писано декабря въ (12) день лѣта (1616).

№ 5.

ПЕРЕПИСКА МОСКОВСКИХЪ БОЯРЪ СЪ ЖИВШИМИ ВЪ НОВГОРОДѢ ШВЕДСКИМИ ГЕНЕРАЛАМИ, О РАЗМѢНѢ ПЛѢННЫХЪ, И О УЧИНЕНІИ СЪѢЗДА ДЛЯ ПРЕКРАЩЕНІЯ МЕЖДУ ОБОИМИ ГОСУДАРСТВАМИ ВОЙНЫ.

1614 октября, 14 декабря .

Государю царю и великому князю Михаилу Өедоровичу всеа.. холопъ твой Бориска Кокоревъ челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ, государь, году, октября въ 14 д., прислана ко мнѣ, холопу твоему, твоя государева грамота, а написано въ твоей государевѣ грамотѣ.. (та ко мнѣ холопу твоему образцовая грамота) како выслати въ Новгородъ Свейского королевства къ писарю къ Монсу Мартынову о розмѣнѣ Рускихъ людей; а велѣно мнѣ холопу твоему, съ тое образцовые грамоты списавъ на листъ слово въ слово, печатавъ своею печатью, послати въ Новгородъ Свейского королевства къ писарю къ Монсу, выбравъ кого пригоже, ктобъ былъ добръ и.. и комубъ мошно въ твоемъ государевѣ и въ земскомъ дѣлѣ вѣрить, тое грамоту въ Новгородъ донесъ. А кого съ тою грамотою я, холопъ твой, въ Новгородъ учну отпущати, и мнѣ холопу велѣно ему про то наказать накрѣпко, и къ крестному.. цѣлованью на томъ привесть, что ему, будучи въ Новѣгородѣ.., и прямити тебѣ великому государю и вѣстей всякихъ про Свеянъ и про Нѣмецкихъ людей провѣдать подлинно, а про великого государя и про Московское государство никакихъ вѣстей не роскасывати и вездѣ бы ему возвышать твое царское имя, какіе вѣсти про твое государство роскасывати Нѣмцамъ чтобъ хвалѣ и повышенью. А у Нѣмецъ бы приказати ему провѣдывать: гдѣ нынѣ Свейской Адольфъ король? и сколько съ нимъ въ собраньи Нѣмецкихъ лю-

дей? и иныхъ земель воинскіе люди съ ними есть ли? и будетъ есть, и которыхъ земель и куды королевского походу чаятъ, и съ Польскимъ Жигимонтомъ королемъ у Свейского короля межъ ими миръ бывалъ ли? и будетъ межъ ими учинился миръ, и на чомъ они мирились и на колько лѣтъ? и какое у нихъ съ Польскимъ королемъ на Московское государство умышленье? и для чего Свейской король въ Ругод...... Московской гетманъ.... съ Дацкимъ королемъ войны и будетъ... себя помирились? и только ты великій государь учинишь съ Свейскимъ королемъ ссылку и Свейской, король похочетъ ли съ тобою великимъ государемъ миритца, и на чомъ похочетъ мирится? и гдѣ нынѣ Яковъ Пунтусовъ, будетъ ли опять онъ въ Новгородъ? и не хочетъ ли Свейской король къ тебѣ великому государю пословъ своихъ посылати? и буде хочетъ, и о чемъ хочетъ посылать? и гдѣ нынѣ Свейского короля братъ Филипъ королевичь? и сколько нынѣ въ Новѣгородѣ Нѣмецкихъ людей? и не чаятъ ли къ нимъ въ Новгородъ прибыльныхъ людей? и что ихъ впередъ умышленье? А кого имянемъ въ Новгородъ съ образцовою грамотою я холопъ пошлю, и какъ онъ назадъ изъ Новагорода будетъ, и что ко мнѣ холопу твоему Монсъ Мартыновъ о размѣнѣ отпишетъ, и на которой срокъ учинитъ и въ которомъ мѣстѣ, и что тотъ, которого я холопъ твой пошлю, вѣстей провѣдаетъ,—и мнѣ холопу твоему велѣлъ отписать къ тебѣ государю съ нарочнымъ гонцомъ. И я холопъ твой по твоей государевѣ грамотѣ образцовую грамоту послалъ въ Новгородъ сына боярского Данила Шатилова. И ноября, государь, въ. . изъ Новагорода Данила Шатиловъ пришолъ, и Свейского короля отъ писаря, отъ Монса Мартынова, ко мнѣ холопу твоему о размѣнѣ Рус-

скихъ людей принесъ *, а другой листъ писанъ твоимъ государевымъ бояромъ Нѣмецкимъ письмомъ; и я холопъ твой тотъ листъ, что ко мнѣ холопу твоему Мунсъ Мартыновъ писалъ, каковъ листъ писанъ твоимъ государевымъ бояромъ Нѣмецкимъ письмомъ, послалъ къ тебѣ государю съ тѣмъ же съ Даниломъ Шатиловымъ.

Да Данило жъ сказалъ: какъ его Моншъ отпускалъ къ Москвѣ, и онъ ему говорилъ, что отпустятъ ли онѣ для розмѣны Тимоѳея Виселицына, и они бы де противъ того хотятъ худого Нѣмчинишка противъ прислати. И къ нимъ съ Москвы никого на розмѣнъ не шлютъ, большое жъ на Москвѣ.... Да Данило жъ сказалъ, что его за три дни до отпуску отдали за пристава и былъ за приставомъ скованъ день да ночь, и какъ его отпустили и ему говорилъ Монша, потому де язъ тебя отдалъ за пристава, что де нынѣ Рускіе люди извѣрились, и нѣтъ ли де за тобою какихъ вѣстей или присылныхъ грамотокъ?....

Да съ нимъ же приказывалъ Семенъ Лутохинъ, что Датцкій король Свейскую землю воюетъ и самимъ имъ отъ Дацкого тѣсно, и король де Свейской одноличво радъ миру.

Да и Монша де съ нимъ приказывалъ, чтобъ одноличво Московскіе люди съ ними о добромъ дѣлѣ ссылались. А на нихъ де всѣ пограничные государи пѣняютъ, а говорятъ, что онѣ съ Московскимъ государствомъ въ войнѣ......

А на отпускѣ де былъ онъ у боярина у князя Ивана Микитича Одоевского и приказывалъ де съ нимъ бояринъ, что Нѣмцы миру одноличво ради и за Новгородъ пословъ

* Въ спискѣ, ошибкою, пропущено: листъ.

слать хочетъ, а изъ которыхъ мѣстъ пословъ слать хочетъ, изъ Свеи или изъ Ругодива, того не вѣдаетъ.....

.... Монша Мартыновъ и послалъ онъ къ Москвѣ съ Старичениномъ сына боярского Макарья Бахтеярова, да его атамана Будая съ листомъ до Данилова пріѣзду Шатилова, а какъ де Данило пріѣхалъ въ Новгородъ изъ Осташкова съ грамотою, и ихъ де задержали до тѣхъ мѣстъ, покамѣста былъ въ Новѣгородѣ Данило Шатиловъ, а какъ де Моншъ Данила отпустилъ, а его Будалѣя отпустилъ Монша съ Даниломъ Шатиловымъ и листъ присылалъ съ ними, а Мокарья Бахтѣева воротили и онъ Будалѣй пріѣхалъ къ Москвѣ съ Даниломъ вмѣстѣ.

А нынѣ де Нѣмецкіе люди живутъ въ Новѣгородѣ душею да тѣломъ, а животы свои всѣ отослали въ свою землю, а ожидаютъ съ Москвою миру; а будетъ подъ Новгородъ розные люди придутъ и имъ вырубить Новгородъ и итти въ свою землю.

№ 6.

ИЗВѢТЪ КНЯЗЯ АРТЕМЬЯ АСТОНА О ЖЕЛАНІИ МНОГИХЪ ШКОТСКИХЪ И АНГЛІЙСКИХЪ ОФИЦЕРОВЪ, НАХОДЯЩИХСЯ ВЪ ШВЕДСКОЙ СЛУЖБѢ, ВСТУПИТЬ ВЪ РОССІЙСКУЮ.

1615 генваря .

Генваря въ « » день въ Посольскомъ Приказѣ діакомъ думному Петру Третьякову да Савѣ Романчукову сказывалъ Нѣмецкой переводчикъ Павелъ Томасовъ. Приказывалъ де съ нимъ князь Ортемей Астовъ, что есть за нимъ государево дѣло и ему бъ быти въ Посольскомъ Приказѣ у нихъ діаковъ, и онъ государево дѣло имъ объявитъ.

И думной дьякъ Петръ Третьяковъ сказывалъ про то государю.

И государь царь и великій князь Михайло Ѳедоровичь всеа Русіи приказалъ думному діаку Петру Третьякову, а велѣлъ князю Ортемью быти у нихъ въ Посольскомъ Приказѣ и роспросити его, что за нимъ за государево дѣло?

И генваря въ 27 д., по государеву цареву и великого князя Михаила Ѳедоровича, всеа Русіи, указу, князь Ортемей Астовъ въ Посольскомъ Приказѣ у дьяковъ былъ.

А какъ князь Ортемей вшелъ въ Посольскую Палату, и думной дьякъ Петръ Третьяковъ съ нимъ витался; и сѣли по мѣстомъ.

И думной дьякъ Петръ Третьяковъ спрашивалъ князя Ортемья о здоровье и говорилъ ему: приказывалъ онъ съ переводчикомъ съ Павломъ Томосовымъ, что есть за нимъ государево дѣло и емубъ быти въ Посольскомъ Прпказѣ у нихъ дьяковъ и то дѣло объявить,—и онъ Петръ доносилъ то до царского величества, и государь велѣлъ ему у нхъ дьяковъ быти въ Посольской Палатѣ, и что за нимъ госу-

дарево дѣло и онъ бы ему то объявилъ, а онъ то донесетъ до царского величества.

И князь Ортемей говорилъ: съ переводчикомъ онъ съ Павломъ приказывалъ, что за нимъ государево дѣло есть, и онъ нынѣ то дѣло объявитъ, а дѣло за нимъ государево то: пріѣхалъ де нынѣ къ государю Аглинского Якуба короля посолъ, князь Иванъ Мерикъ, а съ нимъ пріѣхалъ Агличенинъ шляхтинъ доброй, Шпетрикомъ зовутъ, ... сынъ а служилъ онъ въ Свеѣ при Свейскомъ королѣ, а изъ Свеи пріѣхалъ въ Аглинскую землю тому нынѣ третей годъ. И сказывалъ де ему тотъ шляхтинъ Шпетрикъ, что при Свейскомъ королѣ служатъ многіе Нѣмцы Шкотцкіе и Аглинскіе и Недерлянскіе земли; и нынѣ много въ Новѣгородѣ у Якова Пунтусова. Какъ де онъ поѣхалъ изъ Новагорода къ себѣ въ Аглинскую землю и сказывался тѣмъ Нѣмцомъ, которые служатъ Свейскому королю, что онъ ѣдетъ къ себѣ въ Аглинскую землю, а изъ Аглинскіе земли быти ему въ Московскомъ государствѣ; и тѣ де Нѣмцы Шкотцкіе и Аглинскіе и Недерлянцы приказывали съ нимъ, какъ онъ будетъ въ Московскомъ государствѣ, и онъ бы де извѣстилъ государю царю и великому князю Михаилу Ѳедоровичу всеа Русіи будетъ они ему государю годны и надобны служить, и онъ бы государь пожаловалъ поволилъ ему Шпетрику къ нимъ отписать, и они тотчасъ отъ Свейского короля отстанутъ и пріѣдутъ всѣ служити государю; а Свейскому де королю они служити не хотятъ, потому что къ нимъ при Свейскомъ много неправды: многихъ имъ заслуженыхъ грошей не даетъ и поиску къ нимъ отъ Свейского ни которого нѣтъ.

И нынѣ де ему князю Ортемью вѣдомо учинилось, что государь поволилъ Аглинскому послу князю Ивану пос-

лати отъ себя въ Свею гонца своего; и только государю тѣ Нѣмцы, которые съ Шпетрикомъ приказывали надобны, и государь бы поволилъ ему князю Ортемью и тому шляхтичу Шпетрику съ тѣмъ гонцемъ, которого посылаетъ князь Иванъ въ Свею къ тѣмъ Нѣмцамъ, отъ себя отписати, и они къ нимъ отпишутъ за своими руками; и тѣ Нѣмцы всѣ выѣдутъ на государево царево и великого князя Михаила Өедоровича всеа Русіи имя тотчасъ.

И думной дьякъ Петръ Третьяковъ говорилъ князю Ортемью: которые Нѣмцы съ Шпетрикомъ приказывали, чтобъ имъ ѣхати служити государю, — тѣ ль, которые служатъ при королѣ въ Свеѣ, или тѣ, которые нынѣ въ государевѣ отчинѣ въ великомъ Новѣгородѣ у Якова Пуптусова, и которыми имъ обычаи изъ Новагорода ко государю служить поѣхати?

И князь Ортемей сказывалъ: приказывали де съ тѣмъ шляхтичемъ Шкотцкіе, и Аглинскіе, и Недерлянскіе Нѣмцы, которые нынѣ въ великомъ Новѣгородѣ у Якова Пуптусова, что они отъ Свейского короля за его неправды отстанутъ, а пріѣдутъ служити государю. И только будетъ нынѣ государь поволитъ ему князю Ортемью и тому шляхтичу къ нимъ отъ себя отписати, и они къ нимъ отпишутъ, чтобъ они ѣхали служить государю; и какъ къ нимъ то ихъ письмо дойдетъ, а у Свейского будетъ короля съ государемъ о миру не сойдетца, и тѣ де Нѣмцы всѣ тотчасъ отъ Свейского отстанутъ, а пріѣдутъ служити государю.

И думной дьякъ Петръ Третьяковъ говорилъ: Аглинского Якуба короля посолъ князь Иванъ Ульяновъ посылаетъ къ Свейскому королю гонца своего о добромъ дѣлѣ; а имъ такое писмо къ тѣмъ Нѣмцамъ отъ себя съ тѣмъ гонцомъ послати непригоже, потому толко то писмо

какими мѣрами у того гонца возмутъ, и его назовутъ лазутчикомъ, что онъ ѣздитъ не посольскимъ обычаемъ, перезываетъ ратныхъ людей на государево имя; и доброму дѣлу межъ государя и Свейского короля тѣмъ учинитца поруха.

И князь Ортемей себѣ подумалъ, а подумавъ говорилъ, что то дѣло правда, писма имъ съ тѣмъ гонцомъ къ Нѣмцамъ отъ себя послати нельзѣ. Только которыми мѣрами у него то писмо возмутъ, и доброму дѣлу всему будетъ поруха, и его обезчестятъ, и тѣмъ Нѣмцомъ, къ кому то писмо пошлютъ, будетъ худоба.

И государь бы поволилъ имъ, къ тѣмъ Нѣмцамъ съ тѣмъ гонцомъ приказати отъ себя о томъ рѣчью; и они къ нимъ прикажутъ. И какъ тѣмъ Нѣмцамъ отъ нихъ о томъ вѣдомо будетъ, и они тотчасъ изъ Новагорода пріѣдутъ служить государю.

И думной дьякъ Петръ Третьяковъ говорилъ: что у него слышалъ, и онъ тѣ его рѣчи донесетъ до царского величества.

Да тутожъ князь Ортемей говорилъ: сказывалъ де ему тотъ же шляхтичъ Шпетрикъ, какъ де онъ поѣхалъ со княземъ Иваномъ изъ Аглинскіе земли въ Московское государство, и съ нимъ де приказывали многіе Англичаня, добрые люди отъ таковыжъ . . . какъ онъ князь Ортемей, будетъ государю то годно и надобны они служить, и къ нимъ въ Аглинскую землю отписать, и они тотчасъ будутъ многіе изъ Аглинскіе земли на государево имя.

Да и самъ де и тотъ шляхтичъ Шпетрикъ отъ князя Ивана отстати хочетъ, и бить челомъ хочетъ на государево имя; и только де государево изволенье на то будетъ, что изъ Аглинскіе земли ему государю служити годны, и го-

сударь бы имъ поволилъ отъ себя въ Аглинскую землю отписать, и они отпишутъ, и изъ Аглинскіе земли многіе будутъ государю служить тотчасъ.

Да князь Ортемей же билъ челомъ, чтобъ ему государь царь и великій князь Михаило Ѳедоровичь, всеа Русіи, поволилъ съ тѣмъ посланникомъ, которого князь Иванъ посылаетъ въ Свею послать къ женѣ своей въ Аглинскую землю, грамотку о томъ, что онъ у государя пожалованъ, дабы про него было вѣдомѣ.

И думной дьякъ Петръ Третьяковъ говорилъ: князь Иванъ Мерикъ посылаетъ гонца своего въ Свею къ Свейскому королю съ грамотою, а бывъ ему въ Свею, велѣно воротитца назадъ въ Московское государство; а въ Аглинскую землю ему ѣхати не велѣно, и ему съ нимъ къ женѣ грамотки послати нельзя, потому что ему въ Аглинской землѣ не быти.

И князь Ортемей говорилъ: толкобъ ему государь поволилъ къ женѣ грамотку послати, и онъ бы съ тѣмъ гонцомъ грамотку послалъ, а велѣлъ ему тое грамотку сослать въ Аглии.....

№ 7.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АГЛИНСКІЕ ГРАМОТЫ АГЛИНСКОГО ЯКУБА КОРОЛЯ, ЧТО ПРИВЕЗЪ ПОСОЛЪ ЕГО КНЯЗЬ ИВАНЪ МЕРИКЪ.

Яковъ, Божіею милостію король Великіе Британіи, Французкскій и Ирляискій, оборонитель вѣры хрестіянскіе, и прочихъ, превышшему, пресильному и преславному государю, Михаилу Ѳедоровичу, государю, царю и великому князю всеа Русіи, Владимерскому, Московскому, Новгородцкому, царю Казанскому и Астараханскому, государю Псковскому и великому князю Смоленскому, Тверскому, Югорскому, Пермскому, Вятцкому, Болгарскому, и иныхъ, государю и великому князю Новагорода Низовскіе земли, Черниговскому, Резанскому, Полотцкому, Ярославскому, Бѣлоозерскому, Лифляндскому, Удорскому, Обдорскому, Кондинскому, и повелителю Сибирскому, и Сѣверныхъ странъ великому государю, Иверскому, царю Грузинскому и Кабардинскому, Черкаскому, и Горскому и многихъ иныхъ земель, нашему предражайшему и возлюбленнѣйшему брату. По прошенью, вашего царского величества именемъ, къ намъ бывшего посла вашего, Олексѣя Ивановича, да дьяка вашего, Олексѣя Витовтова, да по обѣту нашему въ нашихъ прежнихъ листѣхъ, въ прошломъ мѣсяцѣ маіѣ посланныхъ съ тѣмъ же вашего величества посломъ, нынѣ послали есмя къ вамъ нашего вѣрного и возлюбленного слугу князя Ивана Мерика рыцеря, дворянина тайныя комнаты нашея, да и посла нашего съ полнымъ со всѣмъ наказомъ совѣтовати и постановити вашего величества нашимъ имянемъ вѣчной совѣтъ, царскую дружбу, и обновити, и впередъ держати всякіе тѣ вольности по вольной торговлѣ, которые были прежъ сего у нашихъ

подданныхъ въ вашихъ государствахъ; и постановити промыслъ купетцкой въ Персиду вашею рѣкою Волгою, и чтобъ они искали прибавити всякіе купецкіе промыслы всякими иными добрыми мѣрами, чтобъ къ прибавленью обчей нашей братственной дружбѣ и ко обшему добру обоихъ нашихъ подданныхъ и государствъ. А сверхъ того, съ нашего королевского жеданья, сдѣлатибъ миръ и покой вездѣ вашему царскому величеству, мы по вашему прошенью власть дали томужъ нашему послу, черезъ подисканье нашего королевского имяни чтобъ онъ искалъ мирного постановленья, — слушаючи того наказу, что вы ему тамъ дадите,— промежъ вашего величества и нашего доброго брата короля Свейского, которого мы прежъ сего на то изготовили листы своими, — какъ вамъ бывшей вашъ посолъ о томъ подлинно самъ роскажетъ. А что тотъ же вашъ посолъ у насъ прошалъ казны, и нынѣшнему нашему послу мы о томъ наказъ полной дали съ вашего величества о томъ совѣтовати, и о иныхъ дѣлехъ, о которыхъ дѣлѣхъ вашъ посолъ намъ говорилъ. А послѣ всего просимъ вашего величества, чтобъ естя дали ласковое выслушанье сему нашему послу, и вѣрилибъ ему въ тѣхъ совѣтѣхъ и во всѣхъ нашихъ иныхъ дѣлехъ, такъ, какъ бы мы тутъ сами своею персоною были; а мы вамъ обѣтъ даемъ словомъ своимъ королевскимъ, что мы все и скрѣпимъ и добро учинимъ, что нибудь онъ поставитъ и обѣтъ дастъ нашимъ имянемъ. А такъ оставляемъ вашего величества во оборону Всемогущаго Бога. Писанъ во дворѣ нашемъ Гринвичѣ, 19 дня іюня, лѣта отъ Роженья Божія 1614, а королевствъ нашихъ Великіе Британіи, Францовскій Ирлянскіи 12 году.

А подпись у грамоты рука королевская: Якубъ король.

А назади у грамоты пишетъ:

Превышшему и пресильнѣйшему, преславному государю Михаилу Өедоровичу, государю царю и великому князю всеа Русіи, Владимерскому, Московскому, Новгороцкому, царю Казанскому и Астраханскому, государю Псковскому и великому князю Смоленскому, Тверскому, Югорскому, Пермскому, Вятцкому, Болгарскому и иныхъ, государю и великому князю Новагорода Низовскіе земли, Черниговскому, Рязанскому, Полотцкому, Ярославскому, Бѣлоозерскому, и Лифлянскому, Удорскому, Обдорскому, Кондинскому, и повелителю Сибирскому, и Сѣверныхъ странъ великому государю, и великому царю Грузинскому, и Кабардинскому, Черкаскому, и Горскому и многихъ иныхъ земель и прочихъ.

И генваря въ 3 д. государь царь и великій князь Михаило Өедоровичь, всеа Русіи самодержецъ, съ грамоты Аглинского Якуба короля и съ пословыхъ со князь Ивановыхъ рѣчей переводовъ слушавъ съ бояры, приказалъ выписати прежнихъ государей, блаженныя памяти царя и великого князя Өедора Ивановича, всеа Русіи самодержца, и царя Бориса, и царя Василья ссылки, о чемъ межъ себя ссылалися, и что былъ у государей ихъ запросъ, и какъ при которомъ государѣ жалованные грамоты Аглинскимъ гостемъ даны, какъ имъ велѣно въ Московскомъ государствѣ торговати?—а выписавъ взнести къ нему государю и къ бояромъ.

———

№ 8.

James by the grace of God King of England, Scottland, France and Ireland, Defendor of the Faith, etc. to all and singuler to whome theise Presents shall come, Greeting.

Whereas our Subjects trading the Cuntrie of Russia, by vertue of Treaties heretofore passed betweene our Royall Progenitours and Us Kings of this Realme and the Great Dukes Emperors of all Russia, have a long time enjoyed sundry Privileges Liberties and Immunities in the course of their Trafficque in those Parts, whiche nowe by occasion of the late Troubles and Garboyles happened in that State, whereof to our Greife We are advertised, may receive great Prejudice and Impeachment;

Knowe yee that Wee, out of our princelie and incessant Care over the Good of our said loving Subjects, and at their humble Suite, have made constituted appointed and ordained, and doe by theise Presents make constitute appointe and ordaine our Trustie and Wellbeloved servaunts, John Merick and William Russel, in whose Fidelity Discretion and Experience Wee repose greate Confidence, oure Messingers and Commissioneers,

Giving and graunting to our said Commissioners, and to either of them, jointlie and severallie by vertue of theis Presents; Authoritie, and Commaundment, as well generall as speciall, to treate conferre agree and conclude in our Name and for Us, with the Lords, States, Generall of the Army, Gentrie and Commons, or with such Persons as do at this presente governe and represent the Bodie of that State, by what Name or Title soever they by called, or with any sufficient Deputies and Commissioners laufullie aucthorised from them concerning the renewing and confirming of those Privileges and Liberties which our Subjects have soe enjoyed within that Dominion as to their Discretions

shall seme good with respect to our Honor, and the Benefit of our Subjects, as also upon all such things treated agreed and concluded, as in all and singuler other Matters in any sorte concerning the Premisses to deliver in our Name and for Us sufficient and effectuel Writings and Instruments, and to requier Writings and Instruments of the like Validite and Effect from the other part,

Promising, in the Word of a King, that whatsoever our saide Messingers and Commissioners, or either of them, jointlie or severallie, shall promise covenaunt and agree on our behalfe, We will approve ratifie and confirme.

In wittness whereof Wee have signed on theise Presents and caused Our Great Seal to be put thereunto.

Given at Our Palace of Westminster, the « » Daie of May in the eleventh Yere of Our Raigne of England France and Ireland, and of Scottland the six and fortith.

Per ipsum Regem propria Manu signatum.

№ 9.

James by the Grace of God King of England, etc. etc.

Whereas We arecredibly informed, by our Trustie and Wellbeloved Servaunt, John Merick latelie Resident in Moscovia, of the distressed and perplexed Estate of that famous Countrie and People, exposed at this present to imminent Danger, as well of Invasion from Enimies abroad, as of intestine Broyles and Sedition at home; Upon which occasion certaine Ouvertures and Propositions have been made unto him the said John Merick the last Year, from divers eminent and principal Persons of that State, tending to the Welfare and Safetie of that Countrie, and the Reestablishment of Peace and Goverment therein by Our means and interposition; which Ouvertures, because hee knew not then our Pleasure, he durst not presume to intertaine as otherwise hee desired;

Knowe ye that, the same being nowe related unto Us, We are not a litle touched with a tender Commiseration of the Calamities of soe flourishing an Empire, wereunto Wee and Our Royal Predecessors have ever born a singuler Affection, and for that cause, as also in regard of the Honour and Respect that Nation doth hereby seem to bear unto Our Person, having so great an Affiance in Our Love towards them, and care of their Estate;

We have made constituted appointed and ordayned, and do, by theis Presents, make, constitute appoint and ordain, Our Trustie and Wellbeloved servaunts, John Merick aforementioned, and William Russel, in whose Fidelitye Discretion and Circumspection We repose great Confidence, Our Messingers and Commissioners,

Giving and graunting to our said Commissioners jointlie and severallie, by vertue of theis Presents, Authoritie and Commandmente as well generall as speciall, to treat conferre agree

and conclude in Our Name and for Us, with the Lords, States, Generall of the Army, Gentry and Commons, or with such Persons as doe at this present govern and represent the Bodie of that State, by what Name or Title soever they be called, or with any sufficient Deputies and Commissioners, lawfullie authorized from them, of and concerning the Propositions or Ouvertures afore mentioned, or anie other that shall be hereafter made, either on the parte of the States Deputies and Commissioners of Russia unto ours, or by our Commissioners unto them, apperteyning to the Defence and Protection of that Countrie and Dominion, according as it shall seem good unto our said Commissioners for Our Honor, aud the Benefit of that State, as also upon all such things treated agreed and concluded, as in all and singular other Matters and Way concernyng the Premisses, to deliver in Our Name and for Us sufficient and effectual Writing and Instruments, and to requier Writings and Instruments of the like Validitie and effecte from the other part;

And generallie to doe execute and dispatche whatsoever else concerneth the Premisses, in and after the same maner as We ourselves would aud mighte doe it we weare present;

Promising, in the Word of a King, that whatsoever Our said Messingers and Commissioners, or either of them, jointlie and severallie, shall promise covenant and agree on Our behalfe, We will aprove ratifie and confirme.

In witness whereof we have signed theis Presents, and caused Our great Seal to be put thereunto.

Given at Qur Pallace of Westminster, the « » Day of May in the eleventh Yere of Our Raigne of England France and Ireland, and of Scottland the six and fortith.

Per ipsum Regem propria manu signatum.

№ 10.

James by the Grace of God King of England Scottland France, and Ireland, Defendor of the Faith, etc. to all and singuler to whom theise Presents shall come, Greeting.

Whereas, by vertue of several Treaties heretofore past, betuixt our Royall progenitors the Kings of this Realm and the Kings and Great Dukes of all Russia, there hath bene so firm a League of Amity made betuixt them and their Kingdomes, that each hath enjoyed the others Frendship to the singuler Comfort and Contentment of the Subjects of them both; Forasmuch as the nowe High and Mighty Prince, Michael Feodorowitch, Lord King and Great Duke of all Russia, and many other great Kingdomes, and by his Ambassadors latelie sent unto Us, hath expressed his earnest Desire for the continuance of the same; and that We have with all Willingnes imbraced that Overture made by him, being no lesse carefull to preserve, then Our Predecessors have been studious to begyn, soe good a work.

Knowe ye therefore that We, reposing special Trust and Confidence in the Wisdome and Integritie of Our welbeloved Servant Sir John Merick Knight for the managyng of so great ane Affaire, have made constituted appointed and ordained, and by theis Presents, do make constitute appoint and ordaine him Our Ambassador.

Giving and graunting unto him our said Ambassador, by vertue of theis Presents, full Power and Authority to treat conferre agree and conclude, for Us and in Our Name, with the said High and Mightie Duke Michael Feodorowich etc. or any sufficient Deputies and Commissioneers laufully authorised by him, of and concerning the Proposition and Ouverture afore mentionned; and, for Us and in our Name, to doe and performe all such other Acts Things as he our said Ambassadour in his

Discretion shall thinke fiat, concerning the Maintenance and Confirmation of the said Princelie Amity which Our Royal Predecessors and theirs have hitherto from tyme to tyme enjoied.

And whereas We have been further requested, by the saide Ambassadors of the said Great Duke, to be a Mediator betuixt him and Our deere Brother the King of Swethen, for the composing of such Differences as are sprung up betuixt them to the Dammage of both the Nations; We, out of the Princely Care We have of the Welfare bothe of their Subjects and themselves, and for the Desire We have to mayntayne Peace throughout all Christendome, doe hereby likewise require, authorize and commaund Our said Ambassador, to intercede betuixt them in our Name, and to labor to the uttermost of his Power, as from Us, to conclude such a Peace betuixt them as may binde upp all their former Dissensions in Amity and Love;

And our further Will and Pleasure is, that if our Affaires in Russia shall so necessarilie require the Residence of Our said Ambassador Sir John Merick there, that he maye not with any good Conveniencie repaire into Swethen or to the Borders thereof himself, to treat effectually about the foresaid Peace, to be made betuixt the said High and Mighty Duke of Russia and our deere Brother the King of Swethen, that then he shall be enabled hereby to depute authorize and send thither in his steed, William Beecher, a Gentilman of our Court, with such Instructions under his hand as he chall think to be most materiall for the concluding of the saide League; whoe, after such Authority unto him, is to repair thither as from Us to deliver Our Desire concernyng the saide Peace, to mediate and use Our Name therein, and to do all other things for the furtherance of the same, in as full and ample manner as Our said Ambassador might doe if in Person he were there himself, and whatsoever our

said Ambassador for and concernyng the Premisses, or either of them, shall doe and conclude in Our behalfe, Wee, in the Worde of a King, doe promise to approve ratifie and confirme.

In witness whereof we have signed theise Presents and caused Our Great Seal to be put thereunto. Dated at our Pallace of Westminster the eightenthe Day of Iune, in the twelveth Year of Our Raigne of England France and Ireland, and of Scotlland the seaven and fortith.

Per ipsum Regem.

№ 11.

ДОГОВОРЪ, УЧИНЕННЫЙ ВЪ ПОГРАНИЧНОЙ ДЕРЕВНѢ СТОЛБОВО О ЗАКЛЮЧЕНІИ МЕЖДУ РОССІЕЮ И ШВЕЦІЕЮ ВѢЧНАГО МИРА.

Велеможнѣйшего государя, короля Густава Адольфа, Божіею милостію Свейского, его королевского величества великіе полномочные послы, мы по семъ написанные: Якубусъ Делагардій, графъ въ Лехкуѣ, вольной господинъ въ Екгольмѣ, господинъ въ Колнѣ, и въ Рунсѣ и въ Кидѣ; его королевского величества и Свейского королевства Думы и большій ратный воевода Индрикъ Горнъ, господинъ въ Канкасѣ, въ Венденѣ и въ Геслѣ, его королевского величества и Свейского королевства Думы маршалокъ и начальный судья въ Алантѣ; Арведъ Тенисонъ въ Тіустерби, его королевского величесгва намѣстникъ Выборгскій и Корельской, и начальный судья того присуду; Магнусъ Мартесонъ, его королевского величества секретарь. Чинимъ вѣдомо, что по велеможного государя короля Густава Адольфа Свейского, его королевского величества, повелѣнію, мы съѣзжались, Божіею милостію, великого государя, царя и великого князя Михаила Ѳеодоровича, всея Русіи самодержца, его царского величества съ окольничимъ и намѣстникомъ Суздальскимъ, князь Даниломъ Ивановичемъ Мезецкимъ, его царского величества съ дворяниномъ и намѣстникомъ Шацкимъ, Алексѣемъ Ивановичемъ Зюзинымъ, его царского величества съ дьякомъ Николаемъ Никитинымъ сыномъ Новокщеновымъ, его царского величества съ дьякомъ Добрынею Семеновымъ, въ деревнѣ въ Столбовѣ, межъ Ладоги и Тифины, договаривати и помирити всѣ тѣ ссоры и несоединенія, которыя въ нѣкоторыхъ прошлыхъ годѣхъ межъ велеможного государя, ко-

роля Карлуса девятого Свейского, христіанскія и высокославныя памяти, и потомъ межъ велеможного государя, короля Густава Адольфа Свейского, его королевского величества, и Свейскія короны съ одной стороны, и межъ нѣкоторыхъ Россійского царствія великихъ государей, царей и великихъ князей, особенно же великого государя царя и великого князя Михаила Өеодоровича, всея Русіи самодержца, его царского величества и Россійского царствія съ другой стороны учинилося, и напослѣдокъ къ явной недружбѣ, къ войнѣ и кровопролитію дошло. Такожъ велеможный и высокорожденный князь и государь Якубусъ, Божіею милостію, король Великія Британіи, Французскія и Ирландскія земли, оборонитель вѣры, его королевского величества Свейского любительный братъ, сродникъ и особь добрый другъ, къ сему мирному дѣлу первую причину учинилъ тѣмъ, что его королевское величество какъ своею присылкою и письмомъ, такожъ и своимъ призрачнымъ великимъ посломъ, тѣмъ благодражайшимъ, грознымъ и мужественнымъ господиномъ Іоанномъ Мерикомъ, рыцаремъ высокоименованного его королевского величества Великой Британіи, таіныя комнаты господиномъ, велеможного государя, короля Густава Адольфа Свейского, дружно напоминалъ, чтобъ та война и несоединенія, которыя межъ велеможного государя, короля Густава Адольфа Свейского, и великого государя, царя и великого князя Михаила Өеодоровича, всея Русіи самодержца, по ся мѣста были, христіанскими и достойными посредіи отложены и отставлены были. И того ради его королевское величество, велеможный государь, король Густавъ Адольфъ Свейскій, какъ отъ своея прироженныя подвижности къ миру, и не хотя его королевское величе-

ство видѣти напрасной войны и христіанское кровопролитіе, такъ же вѣрныя дружбы и ближняго родства ради, которое межъ обоихъ ихъ королевскихъ величествъ, то его королевского величества Великія Британіи доброхотное дружное напоминаніе возлюбилъ, смотря больше на тѣ доброхотныя подвижности и дружбы, которыя напередъ сего межъ его королевского величества предковъ, бывшихъ велеможныхъ государей, Свейскихъ королей и нѣкоторыхъ Россійскихъ великихъ государей царей и великихъ князей, особно межъ высокоименованного, велеможного государя, короля Карлуса девятого Свейского и великого государя царя и великого князя Василья Ивановича, всея Русіи самодержца, были, нежели на ссоры и досадительства, которыя послѣ того учинилися. И того ради велеможный государь король Густавъ Адольфъ Свейскій произволилъ сей съѣздъ въ Столбовѣ, идѣже его королевского величества Свейского мы прежъ именованные великіе послы съ его царского величества великими послы о всѣхъ великихъ добрыхъ дѣлехъ межъ обоихъ великихъ государей и ихъ государствъ и земель, во имя Пресвятыя Троицы, а его королевского величества Великія Британіи великого посла разумнымъ и тщательнымъ посредіемъ, мы межъ себя соединилися, по той полной мочи, которую его королевское величество намъ о томъ далъ, дополна договорилися и довершили потому, какъ по семъ написано. А имянно, въ началѣ: что симъ отставлену и непамятну и померену и отговорену быти всему тому, что вблизь прошлыхъ годѣхъ отъ Тявзинского (при городѣ Нарвѣ) мирного договора 1595 года, межъ бывшого велеможного государя, короля Карлуса девятого Свейского, вышеименованного его королевского величества высокочтимого лю-

бительного государя отца, и потомъ его королевского величества, велеможного государя короля Густава Адольфа Свейского и короны Свейской, и межъ прежнихъ Россійскихъ великихъ государей царей и великихъ князей, особенножъ великого государя царя и великого князя Михаила Феодоровича, всея Русіи самодержца, его царского величества и Россійского царствія, и обѣихъ великихъ государей земель и городовъ, людей, слугъ и подданыхъ случилось и учинилось, что будетъ учинилось грабежемъ, пожогомъ, побиваніемъ и иными недругами какими нибудь было, или отъ кого учинено, чтобъ всѣмъ тѣмъ прежнимъ ссорамъ и досадительствамъ во всемъ отставленнымъ быти, и впредь ни въ которую сторону не мстити и не памятовати во вѣки. По симъ нынѣшнимъ, крѣпкимъ мирнымъ договоромъ межъ велеможного государя короля Густава Адольфа Свейского и великого государя царя и великого князя Михаила Феодоровича, всея Русіи самодержца, и ихъ государствъ, и земель, и городовъ, какъ тѣхъ, что изстари ихъ было, такожъ и тѣхъ, которыя симъ мирнымъ договоромъ поступлены и отданы, и межъ всѣхъ ихъ подданыхъ опять обновлену, и уставлену, подтвержену, и нерушиму сдержану быти, въ вѣковѣчный миръ и стоятельная дружба во вѣки тако, что его королевскому величеству и царскому величеству межъ себя во всякихъ мѣрахъ добра хотѣти, и другъ другу лучшее искати, и во всемъ правда чинити.

Такожъ велеможный государь король Густавъ Адольфъ Свейскій, его королевское величество, свою добрую подвижность къ великому государю царю и великому князю Михаилу Феодоровичу, всея Русіи самодержцу, къ его царскому величеству, такожъ и къ воздержанію христіан-

ского мира и соединенію въ дѣлѣ объявилъ тако, что велеможный государь король Густавъ Адольфъ Свейскій, его королевское величество, за себя и за своихъ наслѣдниковъ, и потомъ будущихъ королей Свейскихъ, и за все Свейское королевство, великому государю царю и великому князю Михаилу Ѳеодоровичу, всея Русіи самодержцу, и его царского величества наслѣдникомъ, и потомъ будущимъ Россійскимъ великимъ государемъ царемъ и великимъ княземъ, и всему Россійскому царствію, сего мирного постановленія крѣпостью, отдалъ и очистилъ Россійского царствія городы и посады, которые вблизь прошлыхъ лѣтѣхъ поиманы, имянно: Великій Новгородъ, Старую Русу, Порховъ, Ладогу и Гдовъ, съ ихъ уѣзды, и Сомерскую волость, такожъ и съ дворцовыми селы, и съ митрополичьими, и съ монастырскими, такожъ и съ помѣстными, и съ вотчинными землями, и съ погосты, и съ деревнями, со всѣми угодьями, по старому со всѣми ихъ оброки и доходы, опричь тѣхъ городовъ и посадовъ, которые его королевскому величеству въ нынѣшнемъ договорѣ отъ его царского величества поступлены, какъ по семъ подлинно объявлено. Также отдаетъ высокоименованный, велеможный государь король Густавъ Адольфъ Свейскій, съ тѣми прежъ помянутыми городы, великому государю царю и великому князю Михаилу Ѳеодоровичу, всея Руссіи самодержцу, всякое церковное строеніе, которое въ церкви Софіи, иже имянуется по русски Премудрость Божія, и во всѣхъ иныхъ церквахъ и монастыряхъ, въ Новѣгородѣ, и въ иныхъ городѣхъ и посадѣхъ, которые его королевское величество его царскому величеству отдалъ совсѣмъ, что въ ихъ есть, ничего того не вывозити.

Також митрополита и весь духовный чинъ, съ ихъ животы и статки, потомужъ и всѣхъ Русскихъ людей, какого они чину ни есть, которые въ тѣхъ городѣхъ, и посадѣхъ, и въ уѣздѣхъ, живутъ и селятся съ женами и съ дѣтьми и со всѣми ихъ животы и статки. Такожъ отдаетъ всякія дѣла, письма и книги, которыя въ Розрядѣ и Судныхъ Избахъ есть, такожъ и всякія Русскія пушки, и пушечные запасы, и колокола, которые въ прежъ помянутыхъ городѣхъ и посадѣхъ были, близъ прошлого ноября съ 20 числа, по тому договору, какъ въ то время, королевского величества, Великія Британіи съ великимъ посломъ, съ господиномъ Іоанномъ Мерикомъ договорено, опричь тѣхъ колоколовъ, которые Новгородскіе люди после того числа сами либо продали для ратныхъ людей воздержанія. А изъ Новгорода вывезены только тѣ колокола, которые его королевского величества люди и слуги безъ купли взяли и вывезли: и тѣмъ по прежнему сыску, въ Новгородѣ опять постановленнымъ и назадъ отданнымъ быти. Такожъ которые колокола королевского величества люди купили и изъ Новгорода не вывезены, и тѣ колокола Новгородскимъ людемъ вольно за тужъ цѣну, какъ они продали, назадъ выкупати. И впередъ его королевского величества людямъ въ Новѣгородѣ колоколовъ не закупати и не вывозити никоторыми дѣлы.

А велеможного государя короля Густава Адольфа Свейского людямъ, какъ они изъ тѣхъ прежъ помянутыхъ городовъ и посадовъ пойдутъ, великого государя царя и великого князя Михаила Ѳеодоровича, всея Русіи самодержца, людемъ въ Новѣгородѣ, въ Старой Русѣ, въ Порховѣ, въ Ладогѣ, и въ иныхъ уѣздѣхъ, и въ Сомерской волости никакого насильства не чинить пожогомъ, грабе-

жемъ и побиваніемъ, и никакихъ Русскихъ людей, мужей и женъ или дѣтей съ собою, на его королевского величества сторону, не вывозити и ихъ животовъ не имати. А будетъ которые Свейскіе люди, что своихъ животовъ въ тѣхъ прежъ помянутыхъ городѣхъ и посадѣхъ оставятъ, которое имъ всего съ собою вдругъ поднять не мочно: и тому всему тамо быть въ добромъ береженьи, у кого оставятъ имянно, до тѣхъ мѣстъ, доколѣ всякъ изъ нихъ самъ, кто по тѣ свои животы пріѣдутъ, или кого пришлютъ, и тѣмъ людямъ вольно безопасно и безъ помѣшки по тѣ свои животы пріѣхати, и съ тѣми животы назадъ выѣхати по ихъ времяни.

Такожъ велеможного государя короля Густава Адольфа Свейского, его королевского величества, намѣстникомъ и приказнымъ людямъ, великого государя царя и великого князя Михаила Ѳеодоровича, всея Русіи самодержца, его царского величества уставленнымъ воеводамъ и приказнымъ людямъ прежъ именованные городы и посады: Великій Новгородъ, Старая Руса, Порховъ съ ихъ уѣзды и съ Сомерскою волостію, при его королевского величества, Великія Британіи великомъ послѣ, господинѣ Іоаннѣ Мерикѣ, или его королевского величества при дворянѣхъ, которыхъ благоименованный великій посолъ того для пошлетъ, отдати и очистити, двѣ недѣли спустя послѣ того, какъ сей мирной договоръ межъ насъ, обоихъ сторонъ великихъ пословъ, записьми, руками, и печатьми, и клятвою надъ святымъ евангеліемъ съ нашея стороны, а съ ихъ стороны крестнымъ цѣлованіемъ довершенъ и утвержденъ будетъ. А послѣ того и городу Ладогѣ съ уѣздомъ, три недѣли спустя послѣ мирного довершенія, отъ велеможного государя короля Густава Адольфа Свейского,

его королевского величества, намѣстниковъ и приказныхъ людей, великого государя, царя и великого князя Михаила Ѳеодоровича всея Русіи самодержца, его царского величества, уставленнымъ воеводамъ и приказнымъ людямъ, при высокоименованного его королевского величества, Великія Британіи дворянинѣ, отдану и очищену быти, со всѣми Русскими людьми и съ ихъ животы, и со всѣмъ Русскимъ нарядомъ; также и его королевского величества людямъ, никакихъ Русскихъ людей не выводити, и имъ насильства и грабежу не чинити, и наряду не вывозити.

А Гдову съ уѣздомъ и съ людьми побыти въ велеможного государя короля Густава Адольфа Свейского сторонѣ на время, доколѣ сей нынѣшній нашъ договоръ отъ обоихъ великихъ государей, ихъ грамотами, за его королевского величества рукою и королевскою печатью, и царского величества за царственною печатью, также королевского величества клятвою и царского величества крестнымъ цѣлованіемъ утверженъ будетъ, и межи уложены, и прямо размежеваны будутъ; и послы, которыхъ обои великіе государи для такія мѣры пошлютъ, у обоихъ государей бывъ, и съ добрымъ довершеннымъ дѣломъ опять назадъ до рубежа дойдутъ. И тогда велеможного государя короля Густава Адольфа Свейского, его королевского величества, намѣстникомъ и приказнымъ людямъ, двѣ недѣли спустя послѣ того, Гдовъ великого государя царя и великого князя Михаила Ѳеодоровича, всея Русіи самодержца, его царского величества воеводамъ и приказнымъ людямъ, которыхъ его царское величество, для принятія того города Гдова съ уѣздомъ, изо Пскова послати велитъ, отдати и очистити со всѣми Русскими пушками, и Русскихъ людей со всѣми ихъ животы и статки. Такожъ

доколѣ городъ Гдовъ на его королевского величества сторонѣ побудетъ, всѣмъ Гдовскимъ и уѣзднымъ людямъ его королевскому величеству обыклыя свои подати давати, и службу свою чинити на воздержаніе ратнымъ людямъ, которые въ томъ городѣ будутъ по прежнему; а королевского величества людямъ тѣмъ Гдовскимъ и уѣзднымъ людямъ въ то время никоторого насильства и грабежу не чинити и ни какихъ Русскихъ людей, или Русского наряду оттоль на свою сторону не вывозити, и вывозити не велѣти.

Такожъ велеможного государя короля Густава Адольфа Свейского многолюбительному брату, высокорожденному князю, арцуху Карлу Филиппу, впредь въ тѣ городы, имянно: въ Великій Новгородъ, въ Порховъ, въ Старую Русу, въ Сомерскую волость, въ Гдовъ, въ Ладогу и во всѣ ихъ уѣзды и освоеніе не вступатися и никакою войною на тѣ городы не находити, и ихъ не доступати; и того крестного цѣлованія, которые всякіе люди, въ тѣхъ прежъ именованныхъ городѣхъ и посадѣхъ, высокоименованному арцуху Карлу Филиппу учинили, впредь не памятовати, и велеможному государю королю Густаву Адольфу Свейскому обѣщатись за себя и за своихъ наслѣдниковъ, и потомъ будущихъ королей Свейскихъ, что его королевского величества брату, его княжескія милости, высокоименованному арцуху Карлу Филиппу противъ тѣхъ городовъ и посадовъ людьми и казною не помогати и помочи не чинити. А противъ такія велеможнаго государя короля Густава Адольфа Свейского, его королевского величества дружбы и подвижности, великій государь царь и великій князь Михаило Ѳеодоровичъ, всея Русіи самодержецъ, за себя и за своихъ наслѣдниковъ и

потомъ будущихъ Россійского царствія великихъ государей царей и великихъ князей и за все Россійское царствіе, особножъ за Новгородское государство поступился, и отдалъ отъ себя и отъ своихъ наслѣдниковъ, и потомъ будущихъ Россійского царствія великихъ государей царей и великихъ князей и отъ всего Россійского царствія, особножъ отъ Новгородского государства, сіи по семъ именованные городы, посады и земли, которые къ Новгородскому государству напередъ сего были, имянно: Иванъ-городъ, Яму, Копорье, Орѣшекъ, со всѣми ихъ подлежащими посады, землями и уѣзды, съ погосты, и съ деревнями, которые къ нимъ пристоятъ и принадлежатъ, по ихъ прямымъ рубежамъ и стариннымъ гранемъ и съ людьми, которые тамо живутъ и селятся, со всѣми иными угодьи, податьми и доходы, съ берегами рѣкъ и съ озеры, ни что не выгородя; и поступился и освоилъ то велеможному государю королю Густаву Адольфу Свейскому и его королевского величества наслѣдникомъ, и потомъ будущимъ Свейского королевства королемъ и Свейской коронѣ въ вѣчное освоеніе, что имъ имѣти и держати безспорно и безъ пререкания отъ его царского величества и его царского величества наслѣдниковъ, и потомъ будущихъ Россійского царствія великихъ государей царей и великихъ князей, такожъ отъ Россійского царствія и отъ Новгородского государства въ вѣчное время, во всемъ по тому, какъ прежніе Россійскіе великіе государи цари и великіе князи, особно же бывшіе блаженныя и высокославныя памяти великій государь царь и великій князь Иванъ Васильевичъ, всея Русіи самодержецъ, и великій государь царь и великій князь Θеодоръ Ивановичъ, всея Русіи самодержецъ, то за собою имѣли и держали.

А иноческому чину съ ихъ животы, также дворяномъ, и дѣтямъ боярскимъ, и посадскимъ людямъ въ тѣхъ прежъ помянутыхъ городѣхъ и въ посадѣхъ, которые въ двѣ недѣли послѣ того, какъ се мирное постановленье объявлено будетъ, добровольно на его царского величества сторону идти похотятъ, вольно быти, что идти оттолѣ съ женами и дѣтьми и съ домочадцы и со всѣми животы и статки, куда похотятъ, въ его царского величества земли и въ городы. А для того, чтобъ тому быти всему Русскимъ людямъ въ тѣхъ поступленныхъ городѣхъ и крѣпостѣхъ вѣдомо и тако здѣсь договорено, что столь скоро сей мирный договоръ межъ насъ обоихъ великихъ пословъ сполна совершенъ и утверженъ будетъ, и тогда отъ насъ, его королевского величества великихъ пословъ, гонцемъ посланнымъ быти въ тѣ во всѣ прежъ помянутые городы и крѣпости, которымъ тамо, при его королевского величества Великія Британіи великого посла посланномъ, явно извѣщати и прокликати, что всѣмъ инокомъ съ ихъ животы, такожъ и дворяномъ, и дѣтямъ боярскимъ, и посадскимъ людямъ, которые въ двѣ недѣли послѣ того похотятъ идти оттолѣ на его царского величества сторону, и имъ вольно идти оттолѣ съ женами, дѣтьми и домочадцы, и со всѣми животы и статки, а никому изъ нихъ противъ ихъ хотѣнія, что остатись, отъ его королевского величества людей угроженнымъ, или пзневоленнымъ быти; а еще къ тому имъ приставовъ дати, которымъ ихъ вольно и безъ опасенія со всѣми ихъ животы, до его царского величества ближняго рубежа проводити тако, чтобъ имъ не ограбленнымъ и не побитымъ быти. Только подлинно выговорено и межъ насъ обоихъ великихъ пословъ уложено, чтобъ всѣмъ Русскимъ уѣзднымъ попамъ и пашен-

нымъ людямъ въ тѣхъ прежъ помянутыхъ городѣхъ и уѣздѣхъ, которые его королевскому величеству отъ его царского величества поступлены, никоторыми обычаи оттолѣ не выходити, и съ своими женами и съ дѣтьми, и съ домочадцы остатись тутъ, и жити подъ Свейскою короною; такъ же и всѣмъ дворяномъ и дѣтямъ боярскимъ, и посадскимъ людемъ, которые не пойдутъ въ тѣжъ помянутые двѣ недѣли.

Да велеможному государю королю Густаву Адольфу Свейскому, его королевскому величеству, взяти у великого государя, царя и великого князя Михаила Ѳеодоровича, всея Русіи самодержца, его царского величества, двадцать тысячь рублевъ денегъ готовыми, добрыми, ходячими, безобмаными серебряными Новгородскими, и тѣмъ деньгамъ нынѣ тотчасъ, сколь скоро се мирное постановленье межъ нами совершится и утвержено будетъ, его королевского величества Свейского намъ великимъ посломъ отъ его королевского величества Великія Британіи великого посла, отъ господина Іоанна Мерика, отданнымъ быти. А что пушекъ и воинского запасу и колоколовъ и иное что, которое велеможнѣйшій государь король Густавъ Адольфъ Свейскій въ Россійской землѣ взялъ по тѣмъ городамъ, которые его королевское величество поималъ, и прежъ того договору, который межъ насъ его королевского величества Свейского великихъ пословъ и его королевского величества Великія Британіи великого посла, господина Іоанна Мерика, ноября въ 20 учиненъ, вывезено: и тому быти у его королевского величества и короны Свейской безъ всякого прекаранія и спору. А тотъ Русской нарядъ, которой въ тѣхъ городѣхъ есть, которые великому государю царю и великому князю Михаилу Ѳеодо-

ровичу, всея Русіи самодержцу, его царскому величеству отданы будутъ: и тому наряду тамо остатись всему и отдану быти.

И потому, что прежъ бывшій великій государь царь и великій князь Василій Ивановичъ, всея Русіи самодержецъ, отдалъ и грамотами подтвердилъ бывшему великому государю королю Карлусу девятому Свейскому и Свейской коронѣ городъ Корелу съ уѣзды за то вѣрное и доброхотное вспоможеніе, которое ему чинилось противъ Польскихъ людей, потомужъ подтверждаетъ и подкрѣпляетъ симъ нынѣшнимъ мирнымъ договоромъ великій государь царь и великій князь Михаило Ѳеодоровичъ, всея Русіи самодержецъ, того великого государя царя и великого князя Василья Ивановича, всея Русіи самодержца, дачю, за себя и за своихъ наслѣдниковъ и потомъ будущихъ Россійского царствія великихъ государей, царей и великихъ князей и всего Россійского царствія тако, что преже помянутому городу Корелѣ со всѣми уѣзды, съ землею и людьми, съ угодьи, оброки и доходы на землѣ и на водѣ, по своимъ прямымъ старинымъ и по ся мѣста бывшимъ рубежемъ и гранемъ, ничто не выгорожено, во всемъ потому, какъ Россійские великіе государи цари и великіе князи то на передъ сего за собою имѣли, держали и владѣли, потомужъ и впередъ быти за велеможнымъ государемъ королемъ Густавомъ Адольфомъ Свейскимъ и его королевского величества наслѣдники, и потомъ за будущими Свейскими короли и за Свейскою короною, безъ всякого пререканія и спору, въ вѣчное время.

А чтобъ для ради земныхъ граней впередъ которыя смуты и ссоры не учинилось, и того ради договорено и произволено съ обѣихъ сторонъ, что близъ будущаго іюня

въ 1 день нынѣшняго 1617 году, велеможного государя короля Густава Адольфа Свейского и великого государя царя и великого князя Михаила Θеодоровича, всея Русіи самодержца, полномочнымъ посломъ, по три человѣка добрыхъ людей, дворяномъ и дьякомъ, со всякой стороны съѣхатись межъ Орѣшка и Ладоги, на устьѣ рѣки Лавуи, у Ладожского озера, гдѣ та рѣка въ озеро впала, тако что имъ встрѣтитись на той рѣкѣ середи моста, которой мостъ обѣихъ сторонъ людямъ чрезъ тое рѣку учинити. И какъ они тамо другъ другу свои полныя мочи покажутъ и будетъ тѣ довольны объявятся, и имъ оттолѣ почати размежевати и грани класти межъ его королевского величества и царского величества земель тако, чтобъ Орѣховскому, Копорскому, Ямскому, Иванѣгородскому уѣздамъ отлученнымъ, и прямыми межи и грани отмежеваннымъ и разведеннымъ быти отъ Ладожского и отъ Новгородского уѣзду, отъ Сомерскія волости и Гдовского уѣзда. Да въ тожъ время, близь будущаго 1 дня іюля, инымъ обоихъ государей полномочнымъ посломъ, тѣмъ же обычаемъ, по три человѣка съ обѣихъ сторонъ, съѣхатись на рубежи межъ Корельского уѣзда Соломенского погоста и Новгородского уѣзда Олонецкого погоста, у Ладожского озера, которымъ тѣмъ обычаемъ, какъ о другихъ прежъ помянуто, дозрѣти тѣхъ уѣздовъ старинные рубежи и грани, какъ они изстари бывали, и ихъ утвердити. А будетъ гдѣ старыхъ межей не сыщется, и имъ по праведному сыску класти новые рубежи и грани тѣмъ обычаемъ, чтобъ впередъ дальнія ссоры о рубежахъ не было; а тѣмъ межевальнымъ посломъ прежъ не разъѣхатися, доколѣ они о межахъ во всемъ дружно раздѣлаются. А что тѣ прежъ именованные межевальные послы тѣмъ обычаемъ учинятъ

и докончають: и о томъ имъ, по достою, письменныя договоры на хартіяхъ, отъ обоихъ пословъ подписаны и припечатаны, учинити, такожъ и клятвою и крестнымъ цѣлованіемъ съ обѣихъ сторонъ утвердити и межъ себя размѣнити. А тѣмъ рубежамъ, которые тѣмъ обычаемъ отъ межевальныхъ пословъ какъ межъ Орѣшка, Копорья, Ямы, и Ивангорода съ одной стороны и Ладоги, Новагорода, Сомерской волости и Гдова съ другія стороны, такожъ и межъ Корельского и Новгородского уѣзда уложены и описаны будутъ: и то отъ обоихъ великихъ государей велеможного государя короля Густава Адольфа Свейского и отъ великого государя царя и великого князя Михаила Өеодоровича, всея Русіи самодержца, и ихъ обоихъ королевского величества и царского величества наслѣдниковъ, и потомъ будущихъ Свейскихъ королей и Россійскихъ царей и великихъ князей, по сему учиненному вѣковѣчному мирному договору, въ вѣчное время твердо и ненарушимо сдержану быти. А для большаго подтвержденія велеможному государю королю Густаву Адольфу Свейскому и великому государю царю и великому князю Михаилу Өеодоровичу, всея Русіи самодержцу, въ тѣхъ подтвержденныхъ грамотахъ, которыя его королевское величество и его царское величество на сей мирный договоръ учнутъ давати, имянно о всемъ объявити и королевскому величеству свою клятву, а царскому величеству свое крестное цѣлованіе на томъ учинити.

Такожъ, какъ бывшій, блаженныя и высокославныя памяти, великій государь царь и великій князь Өеодоръ Ивановичъ, всея Русіи самодержецъ, великого государя царя и великого князя Михаила Өеодоровича, всея Русіи самодержца дядя, въ мирномъ договорѣ, которой учиненъ

въ Тявзинѣ 1595 году, отступился и отказалъ все причитаніе свое и примолвы къ Лифляндской землѣ, такожъ и великій государь царь и великій князь Василій Ивановичъ, всея Русіи самодержецъ, въ мирномъ договорѣ, которой учиненъ въ Выборгѣ въ 1609 году отказалъ: и такожъ нынѣ здѣсь приговорено и уложено, что велеможному государю царю и великому князю Михаилу Өеодоровичу, всея Русіи самодержцу и его царского величества наслѣдникомъ и потомъ будущимъ Россійскимъ царемъ и великимъ княземъ, никогда, въ вѣчное время впередъ не причитати себѣ которыя правды или причитанія къ Лифляндской землѣ. Такожъ великому государю царю и великому князю Михаилу Өеодоровичу, всея Русіи самодержцу, и его царского величества наслѣдникомъ, и потомъ будущимъ Россійскимъ великимъ государемъ и великимъ княземъ, къ велеможному государю королю Густаву Адольфу Свейскому, къ его королевского величества наслѣдникомъ и къ будущимъ Свейскимъ королемъ и къ коронѣ Свейской Лифляндскою, или тѣхъ городовъ титлою, которые его королевскому величеству отъ его царского величества въ вѣки поступлены и грамотами подтвержены, не описыватись и не именоватись, и своимъ воеводамъ, и слугамъ, и приказнымъ людямъ тою Лифляндскою и тѣхъ поступленныхъ городовъ и земель титлою въ письмѣ и въ рѣчахъ писатись и именоватися не велѣти и не поволити; по великому государю царю и великому князю Михаилу Өеодоровичу, всея Русіи самодержцу, и его царского величества наслѣдникомъ и потомъ будущимъ Россійскимъ великимъ государемъ царемъ и великимъ княземъ въ своемъ писаніи и въ рѣчи его королевскому величеству, и его королевского величества на-

слѣдникомъ, и потомъ будущимъ Свейскимъ королемъ, ихъ обыклую титлу въ Лифляндской землѣ и въ Корелѣ давати.

Такожъ мы обои великіе послы приговорили потому, что межъ насъ на нынѣшнемъ съѣздѣ не договорено обоихъ великихъ государей о полныхъ титлахъ королевского величества въ титлахъ: «Ижерскіе титлы», а царскому величеству въ титлахъ: «и иныхъ многихъ государствъ государя и обладателя»; и о томъ мы обои великіе послы отложили до обоихъ великихъ государей изволенія. А будетъ государь которой произволитъ полными титлами писать, или его царское величество похочетъ писать съ полными титлами и съ Ижерскою титлою, а королевское величество царскому величеству съ полными титлами и съ обладателемъ: и обоимъ государемъ слати съ послы своими по двѣ подтвержденныя грамоты, одна съ полною титлою, а другая по нынѣшнему нашему приговору съ короткими титлами. И будетъ въ обѣихъ подтвержденныхъ грамотахъ къ королевскому величеству отъ царского величества съ полнымижъ титлами и съ Ижерскою титлою, а королевское величество въ грамотѣ къ царскому величеству съ полнымижъ титлами и съ обладателемъ: и обоимъ посломъ тѣ грамоты другъ другу показати и объявити и ѣхати съ ними ко государемъ на обѣ стороны. А только съ которой стороны который государь того не произволитъ, а пошлетъ подтвержденныя грамоты по нынѣшнему нашему договору съ короткими титлами, и посломъ потомужъ тѣ грамоты межъ себя другъ другу попоказати, и ѣхать съ тѣми государей своихъ грамотами къ обоимъ великимъ государемъ.

Такожъ произволено и договорено, что вольной и безпомѣшной торговлѣ быти межъ обоихъ государствъ, ко-

ролевства Свейского и Россійского царствія, и обоихъ подданныхъ. Такожъ, что всѣмъ велеможного государя короля Густава Адольфа Свейского подданнымъ торговымъ людямъ, которые въ Свейской, въ Финской и въ Чухонской землѣ, такожъ и тѣмъ, которые въ Иванѣгородѣ, въ Ямѣ, въ Копорьѣ, въ Орѣшкѣ и въ Корелѣ живутъ, и селятся, какого народу они ни есть, Русскіе, или иные люди, вольно и безъ помѣшки торговати, какъ они свою пошлину заплатятъ въ прямыхъ таможняхъ на Москвѣ, въ Новѣгородѣ, во Псковѣ, въ Ладогѣ и въ иныхъ Россійскихъ городѣхъ съ его царского величества съ подданными съ торговымижъ людьми. Такожъ вольно и безъ помѣшки чрезъ всѣ великого государя царя и великого князя Михаила Феодоровича, всея Русіи самодержца, земли и государства для своей торговли и промысла ѣздити въ Россійскомъ царствіи. Тѣмъ же обычаемъ произволено, что всѣмъ великого государя царя и великого князя Михаила Феодоровича, всея Руссіи самодержца, подданнымъ торговымъ людямъ Россійского царствія, Новгородского и Псковского государства и изъ иныхъ городовъ, вольно и безъ помѣшки, заплатя свою пошлину по прямымъ таможнямъ, торговати въ Стокгольмѣ, въ Выборѣ, въ Колывани, въ Ругодивѣ и въ иныхъ городѣхъ въ Свейской, въ Финской и въ Лифляндской землѣ съ его королевского величества съ подданными торговымижъ людьми. Такожъ вольно и безъ зацѣпки ѣздити черезъ велеможного государя короля Густава Адольфа Свейского земли и государства для своей торговли и промысла въ Свейскомъ королевствѣ. И потому, что на передъ сего велеможного государя короля Густава Адольфа Свейского, его королевского величества, подданные торговые люди имѣли вольный

торговый дворъ въ Новѣгородѣ, такожъ и нынѣ по Тлявзинскому и Выборгскому договору очищену и дану быть доброму двору и мѣсту къ тому въ Новѣгородѣ, такожъ и въ его царского величества городѣхъ на Москвѣ и во Псковѣ такіежъ торговые дворы дати, и тамо имъ божественная служба, по своей вѣрѣ, по своимъ дворамъ въ хоромахъ вольно имѣти, а церквей по своей вѣрѣ не ставити. Тѣмъ же обычаемъ, что на передъ сего великого государя царя и великого князя Михаила Ѳеодоровича, всея Русіи самодержца, его царского величества подданные торговые люди имѣли вольный торговый дворъ въ Колывани, такожъ и нынѣ, по Тлявзинскому и Выборгскому договору, его царского величества торговымъ людямъ дану быть двору доброму и мѣсту къ тому въ Колывани. Потому же и въ его королевского величества городѣхъ въ Свеѣ, въ Стокгольмѣ и въ Выборгѣ такъ же торговые дворы имѣти, такожъ, что имъ божественная служба, по своей вѣрѣ, по своимъ дворамъ въ своихъ хоромѣхъ въ Стокгольмѣ и въ Выборгѣ вольно имѣти, а въ Колыванѣ въ своей церкви, какъ изстари было, держати, а иныхъ церквей по своей вѣрѣ не ставити. А велеможного государя короля Густава Адольфа Свейского подданнымъ торговымъ людямъ, которые нѣкоторый долгъ за Россійскимъ царствіемъ имѣютъ, что блаженныя и высокославныя памяти при великомъ государѣ царѣ и великомъ князѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ, всея Русіи самодержцѣ, и при царѣ и великомъ князѣ Борисѣ Ѳеодоровичѣ, всея Русіи, временій, отъ Свейскихъ торговыхъ людей въ ихъ казну взято и не заплачено, или за особными людьми въ Русской землѣ по правдѣ просити имѣютъ: и тѣмъ къ ихъ правдѣ вспоможеннымъ и заплаченнымъ быти. Такожъ великого го-

сударя царя и великого князя Михаила Феодоровича, всея Русіи самодержца, подданнымъ торговымъ людямъ, которые нѣкоторые долги за Свейскою короною имѣютъ, что хрестьянскія и высокославныя памяти, при велеможномъ государѣ королѣ Іоаннѣ третьемъ Свейскомъ и при велеможномъ государѣ королѣ Карлусѣ девятомъ Свейскомъ времяни въ ихъ казну взято и не заплачено, или отъ особыхъ людей въ Свеѣ по правдѣ и прямымъ уличеніемъ просити имѣютъ: и тѣмъ къ ихъ правдѣ споможеннымъ и заплаченнымъ быти; только тѣмъ того не вмѣняти, что близь въ прошломъ воинскомъ времени отъ 1610 году на его королевское величество съ Новгородскихъ, или отъ иныхъ Русскихъ торговыхъ и жилецкихъ людей къ ратнымъ дѣламъ взято и выбирано.

Также велеможного государя короля Густава Адольфа Свейского подданнымъ, его королевского величества великимъ посломъ, посланникомъ и гонцомъ вольно, и безопасно и безъ помѣшки, имъ и съ ихъ животы чрезъ великого государя царя и великого князя Михаила Феодоровича, всея Русіи самодержца, земли и государства въ Персію, въ Турецкую землю, въ Крымъ и въ иныя страны и въ Восточныя земли, которыя съ его царскимъ величествомъ не въ явной недружбѣ стоятъ, впередъ и назадъ ѣздити, а торговыхъ людей съ товары съ собою не возити. Тѣмъ же обычаемъ, чрезъ велеможного государя короля Густава Адольфа Свейского, его королевского величества, земли и государства великого государя царя и великого князя Михаила Феодоровича, всея Русіи самодержца, его царского величества посломъ, посланникомъ и гонцомъ вольно безопасно и безъ помѣшки ѣздити впередъ и назадъ къ Римскому царствію, въ Великую Брита-

нію, во Французское королевство, и во Ишпанію, и въ Датскую, и въ Голландскую, и въ Нидерландскую землю и въ иныя мѣста, которыя съ его королевскимъ величествомъ не въ явной недружбѣ стоятъ, а торговыхъ людей съ товары съ собою не возити.

А всѣмъ полоненникомъ, какого они чина или народа ни буди, и тѣмъ нынѣ тотчасъ, сколь скоро сей мирный договоръ здѣсь совершится, съ обѣ стороны, безъ всякого окупа, на рубежѣ освобожденнымъ и отпущеннымъ быти. А будетъ которые нынѣ столь далече въ Свейскомъ королевствѣ или въ Россійскомъ царствіи, что имъ столь скоро не мочно на рубежъ быти, и тѣмъ безо всякого задержанія и хитрости іюня къ 1 числу нынѣшняго 1617 году съ обѣ стороны на рубежѣ межъ Орѣшка и Ладоги къ рѣкѣ къ Лавуѣ приведеннымъ и тамо безо всякого окупа освобоженнымъ и отпущеннымъ быти. А которые будетъ на которой сторонѣ добровольно остатись и служити похотятъ, и то имъ на волѣ быти.

А тѣхъ Русскихъ и иныхъ людей, какъ тѣхъ, которые нынѣ живутъ въ тѣхъ посадѣхъ, городѣхъ, земляхъ и въ уѣздѣхъ, которые велеможному государю королю Густаву Адольфу Свейскому отъ великого государя царя и великого князя Михаила Ѳеодоровича, всея Русіи самодержца, нынѣ въ наслѣдіе поступлены, или въ иныхъ городѣхъ, которые за его королевскимъ величествомъ напредъ сего были, и живутъ и селятся: его царского величества людямъ къ себѣ не подзывати и не подговаривати, такожъ и тѣмъ Русскимъ и инымъ людямъ, которые живутъ въ великого государя, царя и великого князя Михаила Ѳеодоровича, всея Русіи самодержца, въ городѣхъ, земляхъ и уѣздѣхъ, отъ его королевского величества

Свейского людей не подговариваннымъ и не подзыванцымъ быти.

Такожъ которые отъ измѣны, душегубства, татьбы, или для которыя иныя причины ни буди, съ одной стороны на другую сторону учнутъ перебѣгати, Русскіе, или иного народа люди, и тѣхъ людей какъ съ той стороны, отколѣ они сбѣжатъ, просити учнутъ, съ другія стороны безоборотно со всѣмъ тѣмъ, что они покрали, пограбили, или съ собою свезли, опять назадъ выданнымъ быти.

А велеможного государя короля Густава Адольфа Свейского намѣстникомъ и приказнымъ людямъ, такожъ и великого государя царя и великого князя Михаила Ѳеодоровича, всея Русіи самодержца, воеводамъ и приказнымъ людямъ въ порубежныхъ городѣхъ должнымъ быть съ радѣніемъ взыскивати и вывозити, всякому въ своего государя земляхъ, всѣхъ разбойниковъ и подорожныхъ воровъ, гдѣ въ которыхъ мѣстѣхъ ихъ сыскивати и достати можно.

А будетъ нѣкоторые отъ его царского величества подданныхъ непослушные, собрався, его королевского величества Свейского землямъ и подданнымъ нѣкоторую шкоду учнутъ чинити, и тогда его царскому величеству велѣти на нихъ посылати и безо всякія милости наказанье учинити, и къ тому его королевского величества подданнымъ всѣ тѣ убытки, которые имъ отъ того учинились, по достойной цѣнѣ возвратити и заплатити. Такожъ будетъ его королевского величества Свейского подданные, изъ его королевского величества земель, его царского величества землямъ и подданнымъ которую шкоду учинятъ, и тѣхъ, по тому же обычаю, по ихъ винѣ безъ милости наказати и всѣ учиненные убытки, по достойной оцѣнкѣ, возвратити

и заплатити. А будетъ притчею которыя ссоры и досадительства случатся межъ обѣихъ сторонъ, и тѣмъ сего миру не нарушати; но которая сторона мнится обижена, или досажена, и тоя стороны намѣстникомъ или воеводамъ такую обиду, или досадительство другимъ намѣстникомъ или воеводамъ на ближнихъ порубежныхъ городѣхъ, гдѣ дѣло то учинилось, вѣдомо учинити, и имъ потомъ на рубежѣ съѣхатися и тѣ спорныя дѣла выслушати и дружно разсудити и раздѣлати. А будетъ такія дѣла лучатся, которыя суть большія тягости, нежели имъ мочно раздѣлати и тому до обоихъ великихъ государей посольского съѣзду отсрочену быти.

Такожъ Тявзинскому мирному договору, который учиненъ въ 1595 году, стояти и быти въ своей полной мочи и симъ обновлену, подтвержену и подкрѣплену быти во всѣхъ его статьяхъ, опричь того, что здѣсь въ нынѣшнемъ договорѣ имянно перемѣнено, инако приговорено и уложено. Тѣмъ же обычаемъ и тому вѣковѣчному мирному договору, которой въ 1609 году, въ Выборгѣ, межъ велеможного государя короля Карлуса девятого Свейского и великимъ государемъ царемъ и великимъ княземъ Васильемъ Ивановичемъ, всея Русіи самодержцемъ, учиненъ, въ своей полной силѣ быти, сколько того поступленья къ Лифляндской землѣ и Корелы и вѣковѣчного мира досягаетъ.

Такожъ въ семъ вѣчномъ мирѣ замиренными быти велеможного государя короля Густава Адольфа Свейского и великого государя царя и великого князя Михаила Ѳеодоровича, всея Русіи самодержца, государствамъ, землямъ, городамъ и подданнымъ тако, что ни которому великому государю тайно или явно не умышляти и умышляти не

поволити, или велѣти государю надъ государемъ, Свейского королевства и Россійского царствія надъ землями, городами, посады или надъ подданными: велеможному государю королю Густаву Адольфу Свейскому, его королевскому величеству, или его королевского величества наслѣдникомъ и потомъ будущимъ Свейскимъ королемъ, ни имъ самимъ, ни инымъ кѣмъ ни которого зла не учинити и учинить не велѣти Россійскому царствію, особно же Новугороду, Новгородскому посаду и городу Пскову, Псковскому посаду и городу Старой Русѣ, Порхову, Гдову, Ладогѣ, Тифину, Соловецкому монастырю, Сумскому и Кольскому острогомъ и ихъ уѣздамъ, и городу Колмогорскому и всей Двинской землѣ и Лопскимъ погостамъ, которые къ Россійскому царствію пристоятъ, Каргополю и всей Каргопольской землѣ, Бѣлуозеру, Вологдѣ и инымъ его царского величества городамъ, землямъ и уѣздамъ и подданнымъ, и ихъ не воевати и ни которого зла не учинити и чинити не велѣти. Такожъ великому государю царю и великому князю Михаилу Ѳеодоровичу, всея Русіи самодержцу и его царского величества наслѣдникомъ и потомъ будущимъ Россійскимъ великимъ государемъ царемъ и великимъ княземъ, ни имъ самимъ, ни инымъ кѣмъ ни которого зла не учинити, ни учинити велѣти велеможному государю королю Густаву Адольфу и его королевского величества землямъ и королевству Свейскому и Свейской коронѣ, особножъ великому государю царю и великому князю Михаилу Ѳеодоровичу, всея Русіи самодержцу, его царскому величеству не умышляти, ниже умышляти велѣти надъ Выборгомъ, Колыванью, надъ Ругодивомъ, надъ Пайдою и надъ Иваномъгородомъ, надъ Ямою, Копорьемъ и Орѣшкомъ, надъ Корелою, Новымъгородкомъ, Тавстъ-

городомъ, надъ Каянскимъ городкомъ и надъ Улискомъ городомъ, также и надъ Лопскими погосты, которые къ Свейскому королевству пристоятъ, и надъ иными его королевского величества землями, городы и крѣпости и надъ ихъ подлежащими уѣзды и подданными, и ихъ не воевати, и ни которого зла не учинити и чинити не велѣти; наипаче съ обѣ стороны другъ другу все доброе и что къ дружбѣ пристоитъ оказати.

Такожъ договорено и уложено, что velеможного государя царя и великого князя Михаила Өеодоровича, всея Русіи самодержца, великимъ полномочнымъ посломъ близь будущого іюня къ 1 числу съѣхатися межъ Орѣшка и Ладоги на рѣкѣ на Лавуѣ, на прямомъ рубежномъ раздѣленіи, и показати и вычести давати другъ другу подтвержденныя грамоты на сей мирный договоръ, именно: велеможного государя короля Густава Адольфа Свейского великимъ посломъ великого государя царя и великого князя Михаила Өеодоровича, всея Русіи самодержца, великимъ посломъ объявити и вычести давати велеможнѣйшого государя короля Густава Адольфа Свейского подтвержденная грамота на всѣ сіи статьи, во всемъ слово въ слово, за его королевского величества рукою и печатью, какъ они здѣсь учинены и описаны безъ всякія хитрости; а противъ того такожъ великого государя царя и великого князя Михаила Өеодоровича, всея Русіи самодержца, великимъ посломъ показати и вычести давати его королевского величества великимъ посломъ его царского величества подтвержденная грамота, за его царского величества царственною печатью на всѣ тѣ статьи, которыя здѣсь договорены, безо всякого перемѣненія въ словахъ, или въ разумѣніи, безъ всякіяжъ хитрости. Такожъ обоихъ вели-

кихъ государей великимъ посломъ, вычетчи подкрѣпленныя грамоты, взяти другъ у друга съ того прямые списки, а подлинныя грамоты назадъ отдавати. И какъ подтвержденые грамоты тѣмъ обычаемъ высмотрѣны и прямы объявятся, и тогда велеможного государя короля Густава Адольфа Свейского великимъ посломъ идти съ его королевского величества съ подкрѣпленною грамотою прямо къ его царскому величеству къ Москвѣ; а при его королевского величества великихъ послѣхъ его царскому величеству по своему царскому обычаю и поведенію крестнымъ цѣлованіемъ и своею царскою душею подтвердити сей вѣчный миръ, по тому договору, который межъ насъ обоихъ великихъ пословъ здѣсь постановленъ, такожъ и по тому подтвержденію, которое къ велеможному государю королю Густаву Адольфу Свейскому отъ великого государя царя и великого князя Михаила Өеодоровича, всея Русіи самодержца, съ его царского величества великими послы, близъ будущого іюня въ 1 числѣ нынѣшняго 1617 года, будетъ послано. А тому его царского величества крестному цѣлованію быти написану. И какъ его царское величество на томъ письмѣ свое крестное цѣлованіе учинитъ, и тогда тому письму его царского величества царственною печатью припечатану и его королевского величества велеможного государя короля Густава Адольфа Свейского великимъ посломъ отдану быти. А великого государя царя и великого князя Михаила Өеодоровича, всея Русіи самодержца, великимъ посломъ противу того идти къ велеможному государю королю Густаву Адольфу Свейскому съ его царского величества подкрѣпленною грамотою, и тогда велеможному государю королю Густаву Адольфу Свейскому, по своему королевскому обычаю и

поведенью, клятвою надъ святымъ евангеліемъ при его царского величества великихъ послѣхъ, подтвердити сей вѣковѣчный миръ, по тому договору, какъ межъ нихъ обоихъ великихъ пословъ здѣ уложено, такожъ и по тому утверженію, которое отъ велеможного государя, короля Густава Адольфа Свейского съ его королевского величества великими послы къ великому государю царю и великому князю Михаилу Феодоровичу, всея Русіи самодержцу, его царскому величеству, близъ будущого іюня къ 1 числу нынѣшняго 1617 года, будетъ послано. Такожъ той его королевского величества клятвѣ быти написанной. И какъ его королевское величество на томъ письмѣ, надъ святымъ евангеліемъ, свою клятву учинитъ, и тогда тому письму королевского величества рукою подписану и королевственною печатью припечатану, великого государя царя и великого князя Михаила Феодоровича, всея Русіи самодержца, его царского величества великимъ посломъ отдану быти.

А велеможного государя короля Густава Адольфа Свейского великимъ посломъ, которыхъ его королевское величество къ великому государю царю и великому князю Михаилу Феодоровичу, всея Русіи самодержцу, для подкрѣпленія сего мирного постановленія и для иныхъ дѣлъ впередъ посылати учнетъ, и тѣмъ отъ его царского величества воеводъ и приказныхъ людей достойными провожатыми на рубежѣ честно и добропріятнымъ, и тако со опаснымъ до Москвы, и оттолѣ назадъ до рубежа добрымъ обычаемъ провоженнымъ быти тако, чтобъ никоторыми обычаи въ ихъ путномъ шествіи и доколѣ они въ Русской землѣ будутъ никоторого позора и безчестья отъ его царского величества людей и подданныхъ не учинити. Тѣмъ

же обычаемъ великого государя царя и великого князя Михаила Θеодоровича, всея Русіи самодержца, великимъ посломъ, которыхъ его царское величество къ велеможному королю Густаву Адольфу Свейскому для подкрѣпленья сего мирного постановленья или для иныхъ дѣлъ впередъ посылати учнетъ, отъ его королевского величества намѣстниковъ и приказныхъ людей на рубежъ, честно и добропріятнымъ и со опаснымъ до Стокгольма, и назадъ до рубежа, добрымъ обычаемъ, провоженнымъ быти, и имъ никоторого безчестья отъ его королевского величества людей и подданныхъ не учинити. Такожъ и переводчикамъ, которые нынѣ въ его королевского величества службахъ, а напередъ сего въ Россійскомъ государствѣ служивали, когда они отъ его королевского величества Свейского къ царскому величеству, или чрезъ его царского величества земли и государства въ иныя государства и царства съ послы или безъ пословъ посланы будутъ, вольно и безъ опасенія и безъ всякія помѣшки опять въ Свею идти. Тѣмъ же обычаемъ, и тѣмъ же переводчикомъ, которые нынѣ въ его царского величества службахъ, а напередъ сего въ Свейскомъ королевствѣ служивали, когда они отъ его царского величества къ его королевскому величеству, или чрезъ Свею къ инымъ окрестнымъ государемъ съ послы или безъ пословъ посланы будутъ, вольно безъ опасенія и безъ всякого задержанія опять на Русь отпущеннымъ быти.

Такожъ приговорено и уложено, будетъ Божіимъ произволеніемъ и посланіемъ которое измѣненіе во власти къ Свеи или въ Руской землѣ случится, и тогда тому государю, которой вновѣ на власть наступитъ преже обвѣстити другого государя своими послы и къ дружбѣ

и подвижности изъязатись, и потомъ другому его також̀ъ обвѣстити и тоже обѣщати и изъязати. А будетъ когда случится, что обѣихъ сторонъ великіе государи, велеможный государь король Густавъ Адольфъ Свейской и великой государь царь и великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ, всея Русіи самодержецъ, своихъ великихъ пословъ другъ къ другу о добрыхъ дѣлѣхъ впередъ посылати учнутъ, и тогда тѣмъ обѣихъ сторонъ великимъ посломъ на рубежѣ межъ Иванъгорода и Гдова, или межъ Орѣшка и Ладоги, гдѣ будетъ съ обѣихъ сторонъ получшее видѣться середи рубежного раздѣленія, безо всякого спора или пререканія съѣхатися, и о тѣхъ дѣлѣхъ, о которыхъ они отъ своихъ великихъ государей наказы, или повелѣнье имѣютъ, любительно дѣлати и договаривати.

А будетъ коли случится, что велеможного государя короля Густава Адольфа Свейского, его королевского величества подданныхъ и торговыхъ людей лодьи и суда съ купецкими товары, или инако разобьетъ и принесетъ къ берегу на ту сторону, которая за великимъ государемъ царемъ и великимъ княземъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, всея Русіи самодержцемъ, на Ладожскомъ или Псковскомъ озерѣ: и тогда тѣмъ людямъ со всѣми ихъ животы, которые они сами сберегутъ или сберечи велятъ, безъ помѣшки поволити оттолѣ идти, а царского величества людямъ имъ помогати тѣ ихъ животы сберечи. Тѣмъ же обычаемъ, будетъ такъ же случится, что великого государя царя и великого князя Михаила Ѳеодоровича, всея Русіи самодержца, его царского величества подданныхъ и торговыхъ людей байдаки, и ладьи, и суда купецкія, какъ они пойдутъ въ Колывань, въ Выборгъ или въ иные городы и мѣста въ Свейскую, въ Финскую и Лифлянд-

скую землю, или корабли или суда, на которыхъ его царского величества послы, посланники или гонцы будутъ, какъ они пойдутъ къ Цесарю и къ папѣ Римскому, и въ Великую Британію и въ иныя государства черезъ Свейское королевство, или назадъ идучи, разобьетъ и къ Свейскому берегу принесетъ у Соленого моря, или у Ладожского озера, либо погодьемъ или инымъ обычаемъ: и тѣмъ людямъ поволити, такожъ вольно и безъ помѣшки оттолѣ идти со всѣми животы, которыя они сами сберегутъ или сберечи велятъ, а королевского величества людямъ имъ помогати тѣ ихъ животы сберечи.

Такожъ уложено и договорено, что велеможному государю королю Густаву Адольфу Свейскому на великого государя царя и великого князя Михаила Θеодоровича, всея Русіи самодержца, и на все Россійское государство королю Польскому и Литовскому и сыну его Владиславу и Польской коронѣ, и Литовскому княжеству, и всему Польскому и Литовскому государству людьми или казною не помогати, ниже стояти съ ними за одинъ, такожъ ни самому, ниже иными государи и владѣтели надъ его царскимъ величествомъ и Россійскимъ царствіемъ не умышляти и не подыскивати и земли и городовъ, которые его царскому величеству и Россійскому царствію пристоятъ, не имати и подъ себя не подводити и не засѣдати. Такожъ и на велеможного государя короля Густафа Адольфа Свейского и на Свейскую корону великому государю царю и великому князю Михаилу Θеодоровичу, всея Русіи самодержцу, королю Польскому и Литовскому и сыну его Владиславу, и коронѣ Польской, и Литовскому княжеству, и всему Польскому и Литовскому государству людьми и казною не помогати, ниже стояти съ ними за одинъ; та-

кожъ ни самому, ниже иными государи и владѣтели надъ его королевскимъ величествомъ и надъ Свейскимъ королевствомъ не умышляти и не подыскивати, и земли и городовъ, которые его королевскому величеству и Свейскому королевству изстари пристоятъ, или тѣхъ, которые его королевскому величеству отъ его царского величества по сему мирному договору поступленыхъ, не имати и подъ себя не подводити и не засѣдати.

Такожъ межъ насъ договорено и уложено, что тѣмъ посламъ, которыхъ его королевское величество Свейской учнетъ посылати къ его царскому величеству, и его царское величество къ его королевскому величеству о подтвержденіи на сей мирный договоръ, быти полномочнымъ, что учинити межъ велеможного государя короля Густава Адольфа Свейского, его королевского величества, и великого государя царя и великого князя Михаила Ѳеодоровича, всея Русіи самодержца, его царского величества, соединеніе и союзъ противъ короля Жигимонта Польского и Польскія короны и Великого Княжества Литовского, по тому обычаю, какъ обоимъ великимъ государемъ получнѣе и лучше покажется.

А для большія вѣрности и крѣпчайшія опасности, что то все межъ насъ высокоименованныхъ его королевского величества и его царского величества великихъ пословъ, при благоименованномъ его королевского величества Великія Британіи великомъ послѣ и его третьеваньемъ договорено, раздѣлено, совершено и уложено, и то отъ велеможного государя нашего, короля Густава Адольфа Свейского, и его королевского величества наслѣдниковъ и потомъ будущихъ Свейскихъ королей, вѣрно, твердо и нерушимо держану и послѣдствовану быти, во всѣхъ его

статьяхъ и довершеніи, безо всякія лести и хитрости — и велеможного государя короля Густава Адольфа Свейского мы великіе и полномочные послы, Якубусъ Делагардій графъ въ Лехкуѣ, вольный господинъ въ Колшѣ и въ Рунсѣ и въ Кидѣ, его королевского величества и Свейского королевства думный и большіи ратный воевода; Индрикъ Горнъ, господинъ въ Канкасѣ, въ Венденѣ и Геслѣ, такожъ его королевского величества и Свейского королевства думный маршалокъ и начальный судья въ Алантѣ; Арветъ Тенисонъ въ Тіустербп, его королевского величества намѣстникъ въ Выборгѣ и въ Корелѣ, и начальный судья въ тѣхъ мѣстахъ; Магнусъ Мартенсонъ, его королевского величества секретарь, сей мирный договоръ утвердили своею клятвою надъ святымъ евангеліемъ и по той полной мочи, которую мы на то имѣли, то своими руками подписали и своими печатьми подпечатали. Такожъ любительно просили его королевского величества Великія Британіи великого полномочного посла, того благодражайшого и грозного господина Іоанна Мерика, рыцаря, чтобъ онъ его королевского величества Великія Британіи, яко посредника со стороны на свидѣтельство, что здѣсь договорено, съ нами вмѣстѣ подписати и подпечатати произволилъ. А его королевского величества мы великіе послы сю свою учиненную договорную запись его царского величества великимъ посломъ отдали, а его царского величества великихъ пословъ договорную запись противъ того отъ нихъ приняли. Писано въ Столбовѣ февраля въ 27 день, лѣта отъ Рождества Христова 1617 года. *

---

* Этотъ актъ см. въ 1-мъ томѣ Пол. Собр. Зак. Тамъ же: см. Межевыя Записи, Дополнительныя Пункты и Запись 1647 г. о выдачѣ перебѣщиковъ.

№ 12.

ПИСЬМО ІОАННА РУДБЕКА ОБЪ ОСАДѢ ПСКОВА 1615-ГО ГОДА. (СМ. ГАЛЛ. Т. IV. СТР. 1005.)

S. P. D. Quod salvus et incolumis Dei gratia vicissim ad meos redierim tanto citius te frater charissime certiorem facere volui, quanto et tibi et reliquis nostris id gratius esse cognovi. Res Muscoviticas quod attinet, in eodem fere statu sunt, quo jam aliquandiu fuere, nempe Regem nostrum adhuc obſidere Pleschoviam, idque arctissime, ut nihil inferri aut exportari exinde possit, unde annonae et aliorum victualium in urbe magna penuria et caritas. In principio quidem dum nostri ſua castra adhuc remotius haberent, crebrae ac pene quotidianae fiebant velitationes, nunc uno aut altero, interdum nullo ex nostris desiderato, ex hostium numero plerumque pluribus: Sed postquam saepius a nostris ad ipsas usque portas retroacti et castra quoque propius mota sunt, rarius extra munitionem prodire ausi fuerunt. Tractatio de pace suscepta est Astarii 30 circiter milliaribus ultra Nowogardiam 20 Septembris. Quo a nostra parte legationem beunt D-nus Jacobus de la Gardie Campiductor Generalis et Henricus Horn Mareschallus cum nonnullis aliis ex nobilitate minus claris. Eo etiam Legati Anglici et Belgici ad partes reconciliandas advenerunt. Quid profecerint etiamsi nondum erat auditum, magna tamen spes omnium animos tenebat rem fore compositam et pacem futuram. Quod de pace aut induciis inter Muschovitas et Polonum factis hic circumfertur commentitium duco, nam paulo ante meum e castris discessum .... to * audiebatur, pugnam inter eos prope Smålenscho ... commissam, atque ex Polonis

---

* pro certo.

aliquot millia caesa esse, q .. * Narvae postea ab aliis fide dignis referebatur. Regem .. ** primum aliquid de pace vel bello definitum fuerit dom .... torum *** communis erat opinio, quod intra paucas feptimanas .. **** rum spero, quod si fiet domi aliquandiu vicissim manere licebit, et amicos invisendi atque de his plura referendi dabitur occasio. Ad domestica. Venit hodie nuncius a tuo famulo, quod ipsum ad Simptnäs pervenisse retulit brevique tunc se venturum sperare, ideoque ejus nomine rogabat, ut vel ipse huc venires vel navigium mitteres, quo ut primum huc venerit res tuas hinc auferre possis. Vale. Uxorem, matrem et amicos Professores meo nomine saluta. Si obsidionem Pleschoviae videre desideras, crasso filo adumbratam simul mitto.

Pleschovia in magna planitie ad fluvium Swortzek sita 36 milliaribus Germanicis Narva ad meridiem distat, estque fossa muro et turribus cum tota tum per partes munitissima. Primo namque arx est, muro et turribus praealtis conspicua. Hanc alia pars urbis a duobus lateribus cingit, et hanc vicissim tertia ab eaque muro dividitur. Quarta est amne ab arce et his separata. Amnis etenim ab ortu deccurens urbem secat, et in fluvium exoneratur. Urbis ambitus dimidio miliari nostro respondere videtur. Monasteria ex urbe supra muros eminentia 40 conspiciuntur, quae eam mirifice exornant. Extra urbem ad quadrantem miliaris plus minus viginti, sed haec defensoribus vacua, a nostris quaedam occupata, quaedam direpta et omnibus ornamentis spoliata sunt. Cives dicuntur esse 14000: equites praesidiarii dicebantur in principio obsidionis fuisse 400.

---

* quod.
** quam.
*** domum rediturum.
**** futurum.

Pedites totidem aut paulo plures. Sed nunc utrique crebris velitationibus multo pauciores facti. Huc Rex noster serenissimus cum suis copiis 30 Julii venit, quod Deus faustum esse jubeat, et primum in Monasterio Snethnagora, quadrante miliaris circiter ab urbe castra posuit, exinde biduo post Scaphis et Symbys * aliquot signa flumen traduxit, et in opposita ripa castrametari fecit, ut segetes et alios fructus jam maturescentes hosti utrinque praeriperet. Hic 14 prope dies dum exigit parte militum magnam vim frumenti ex agris colligit, quam adhuc ibi militum praesidio custoditam habebat. Est enim locus quodammodo natura munitus, aquis pene circumfluus, et reliqua parte fossa et muro clausus: parte vero quotidie sub portas urbis excurrendo leves cum hoste pugnas committit, ut loca castris propius figendis opportuna despiciat. Quibus inventis castra propius urbem movet, primo ultra flumen e regione urbis in editum locum, unde quavis urbi tormentis bellicis damnum inferri possit. His praefecit nobilem Smålundum Johannem Hendrici. Deinde continuo majori parte exercitus citra flumen idem facit, alia nempe castra communit, aggere novem pedum alto et paulo minus crasso, atque fossa totidem pedum lata et profunda undique circumducta. In his Rex ipse cum aula .... orem ** tenet aream, quatuordecim signis militum nostratium circum ordine dispositis. Interea v. dum in remotioribus castris haerent, pontem quoque natatilem viminibus combinant, ita firmum tamen, ut vel ducentos simul equites sustinere queat. Hunc per partes propius urbem movent iterumque colligant ut per eum castra sibi mutuam opem ferre possint. Ne vero ex urbe subito Scaphis aut aliter erum-

---

* Lapsus calami pro *Cymbis*.

** Interiorem.

pant et ponti ignem injiciant vel alias disturbent, nostri monasterium vicinum occuppant et communiunt, eoque simul naves frumentarias et alium commeatum asportantes ab hostium eruptione tutas reddunt, hunc locum cum fuis tenet Johannes Rickomberger. Porro cum indies noster exercitus accessione plurium signorum undecumque augeretur (in principio enim Rex cum 22 tantum signis advenerat, nunc ultra 50 sunt) ulterius progrediuntur et nova castra ad quoddam vadum praenominati amnis figunt eoque milites peregrini praesertim Scoti, Angli et Galli duce N. Cobrando deputantur. Hinc ulterius ad fluvium supra urbem ultima castra ponunt, eoque Germanos milites duce N. Glasknap collocant, ubi etiam pontem priori similem construxerunt ut circum circa a castris ad castra expeditus esset transitus. Interim dum castra sic dimetiuntur et muniuntur, quod octiduo plus minus duravit, bona pars exercitus continuo in armis est, ne hostis forte erumpat et munitionem castrorum impediat, sicut etiamnum ex singulis castris per vices in campo interjecto noctes diesque excubias agunt, ne hostis sive ex urbe erumpat sive aliunde adveniat, ex improviso in castra irruat. Urbeque undique circumsessa, duos adhuc colles tam vicinos occuparunt, ut ex iis Muscheto hominem in muro stantem ferire possint, eosque aggeribus muniverunt in quibus etiam per vices excubias agunt. Exinde fossam juxta murum oblongam deduxerunt, et paribus intervallis quadratis propugnaculis distinxerunt, ut in his machinas aereas ad murum subvertendum securas habeant, per illam vero milites ab uno loco in alterum tuti transeant. Ultra flumen denique aliud monasterium occuparunt et aggere circumjecto muniverunt, ex quo tormentis bellicis, murum oppositum .... queant. Hunc fere in modum omnibus ad urbis oppugnationem dispositis, duas turres cum

interjecto muro, circa meum discessum tormentis bellicis solo aequarunt. Quid postea factum ignoro. Deus laetum nobis et speratum eventum largiatur. Holmiae 3 Novemb. A. 615 [1].

Johannes Rudbeckius.

Utanskriften.

Humaniss. et doctiss. viro M. Jacobo Zåbråsynthio in Acad. Upf. Logices Professori digniss. Amico et F:ri Charissimo, amice et fraterne dabitur.

---

[1] Галленбергъ сообщаетъ и самый планъ осады Пскова, о которомъ упоминаетъ Рудбекъ.

№ 13.

1615 генваря 12 — февраля 14.

ВОЗВРАТНЫЙ ВЪ МОСКВУ ПРІѢЗДЪ ПОСЫЛАННОГО ВЪ НОВГОРОДЪ ДВОРЯНИНА ЯКОВА ЕПАНЧИНА СЪ ГРАМОТОЮ ОТЪ БОЯРЪ КЪ ШВЕДСКОМУ ВОЕВОДѢ ЭВЕРТУ ГОРНУ О РАЗМѢНѢ ПЛѢННЫХЪ. ТУТЪ ЖЕ И ОТВѢТЪ НА ЭТУ ГРАМОТУ О НАЗНАЧЕНІИ СЪѢЗДА ДЛЯ ПРЕКРАЩЕНІЯ ВОЙНЫ.

Государю царю и великому князю Михаилу Ѳедоровичу, всеа Русіи, холопъ твой Бориска Кокоревъ челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ, государь, во 123 году, генваря въ 12 день, * прислана ко мнѣ холопу твоему, твоя государева грамота съ Яковомъ Епанчинымъ; а велѣно мнѣ, холопу твоему, по твоей государевѣ грамотѣ съ образцовые грамоты, которую ко мнѣ, холопу твоему, привезетъ Яковъ Епанчинъ, списавъ слово въ слово и запечатавъ своею печатью, послать въ Новгородъ къ Свейского королевства къ писарю къ Моншѣ Мартынову съ Яковомъ Епанчинымъ и отпустить его въ Новгородъ, не мѣшкая ни часу, и провожатыхъ ему изъ Осташкова дать, и проводить его велѣть до коихъ мѣстъ пригоже, чтобъ ему до Новагорода пройти здорово; а какъ онъ изъ Новагорода въ Осташковъ придетъ, и мнѣ, холопу твоему, велѣно его къ тебѣ государю къ Москвѣ отпустить, не мѣшкая ни часу. И февраля, государь, въ 9 день, Яковъ Епанчинъ изъ Новагорода пришолъ и ко мнѣ, холопу твоему, отъ Еверстъ Горна листъ привезъ; и я холопъ твой Якова Епанчина отпустилъ къ тебѣ государю къ Москвѣ тогожъ числа. А

---

* Въ третьемъ томѣ Актовъ Историческихъ № 49 отъ 1615 г. января « ». Отписки воеводы Лыкова объ отправленномъ имъ на Бѣлоозеро Епанчинѣ съ товарищами, для присылки съ ними вѣстей о военныхъ дѣйствіяхъ.

каковъ листъ писалъ ко мнѣ, холопу твоему, Еверстъ Горнъ, и я, холопъ твой, тотъ листъ послалъ къ тебѣ государю съ Яковомъ Епанчинымъ; да съ нимъ же, государь, послалъ листъ Свейского королевства отъ воеводы отъ Эверстъ Горна, писанъ твоимъ государевымъ бояромъ князю Ѳедору Ивановичу Мстиславскому съ товарищи.

123-го, февраля въ 14 д., пріѣхалъ изъ Новагорода Яковъ Степановъ сынъ Епанчинъ; а посыланъ былъ въ Новгородъ отъ государя съ грамотою къ Эверстъ Горну.

А въ роспросѣ сказалъ: пріѣхалъ де онъ въ Русу тому четвертая недѣля и изъ Русы де его рохмистръ Лаврентей Ивановъ послалъ въ Порховъ съ Нѣмцы къ Иверъ Горну. И какъ де онъ пріѣхалъ въ Порховъ, и Иверъ Горна въ Порховѣ не засталъ, пошелъ въ Новгородъ, и дали де ему дворъ, и сказывали де ему дворяне, что Иверъ Горнъ былъ подо Псковомъ, и его побили; и былъ де онъ въ Порховѣ день, и изъ Порхова де воевода Нѣмецкой съ тѣмижъ Нѣмцы, которые его изъ Русы провожали, отпустилъ въ Новгородъ; и пріѣхалъ де онъ въ Новгородъ въ четвергъ, тому въ нынѣ четвергъ будетъ 4 недѣли, и привелъ его передъ Иверъ Горна. И Иверъ де Горнъ его роспрашивалъ: бояря де что говорятъ ли, хотятъ ли съ нами миритца, и на чемъ хотятъ миритца и Новгородъ государю надобенъ ли, или не надобенъ? И онъ де имъ говорилъ, какъ де государю Новагорода, искони вѣчные отчины, не доступать, но и Нѣмецкихъ городовъ государю доступать; а своей отчины государю не отступыватца. А грамоту де взялъ ... бранился, и за то де его Иверъ Горнъ ударилъ, и отдалъ за пристава городничему, и сидѣлъ де онъ у городничего день, и отъ городничего де отдали его прохосу, и у прохоса де сидѣлъ онъ въ чепи, да въ желѣзѣхъ,

роскованъ сверху; а пытали у него грамотъ къ митрополиту Исидору и ко князю Ивану Одоевскому. И сидѣлъ де онъ у прохоса день да ночь, и свѣдалъ де про его митрополитъ Исидоръ да князь Иванъ Одоевскій; и посылалъ митрополитъ къ Иверъ Горну Онтоновского игумна, а князь Иванъ де ѣздилъ къ нему самъ, и его де отъ прохоса взяли и отдали Моншину дворецкому; а кормъ ему велѣли давать; а съ Рускими людьми никакими мѣрами не спускали. и какъ де онъ сидѣлъ у Мунши, и приносилъ де ему кормъ Новгороцкого старосты Куземкою зовутъ. А сказывали де ему какъ де Иверъ Горнъ пошелъ подо Псковъ, а хотѣли де мужики Псковскіе государю измѣнить десять человѣкъ, что было Иверъ Горну притти подо Псковъ, а имъ было подъ стѣну подкатить зелье, и Иверъ де Горнъ подо Псковъ не подоспѣлъ; а мужики де зелье подъ стѣну подкатили, и стѣну разорвало, и тѣхъ де мужиковъ во Псковѣ переимали, и тое стѣну опять задѣлали; а Иверъ де Горнъ послѣ того подо Псковъ пришелъ и его де побили. А сказывалъ де ему Гаврило Шаблыкинъ, да Иванъ Ивановъ сынъ Овцынъ, да Иванъ Коситцкой: а какъ де Иверъ Горна подо Псковомъ побили, и въ тѣ де поры взяли у него 25 человѣкъ салдатовъ.

Да Гавриложъ де ему Шаблыкинъ сказывалъ, что Датцкой король Свейскую землю воюетъ. Да какъ онъ ѣхалъ изъ Новагорода назадъ къ государю, и сказывалъ ему въ Осташковѣ Ѳедоръ Ивановъ сынъ Витовтовъ, что Нѣмецкіе люди готовятъ лыжи, а хотятъ изъ Старые Русы приходить подъ Осташковъ, и въ Осташковѣ онъ про то сказывалъ, чтобъ береглись. Да и про Датцкого короля Ѳедоръ ему сказывалъ же, что Датцкой король Свейскую землю воюетъ.

Да емужъ Якову Иверпъ Горнъ самъ говорилъ въ тѣ поры, какъ его роспрашивалъ, что Свейской король съ Польскимъ королемъ помирился на 3 года; а про Датцкого короля не слыхалъ.

А сколько съ Ивертъ Горномъ въ Новѣгородѣ Нѣмецкихъ людей, того не вѣдаетъ, и про иные ни про какіе вѣсти не слыхалъ, потому что онъ все былъ у Эвертъ Горна за приставомъ, и Рускихъ людей никого къ нему въ Новѣгородѣ не припускали.

Да Яковъ же Епанчинъ сказалъ, что около Новагорода монастыри всѣ отъ Нѣмецкихъ людей разорены, и церкви запустошены, и хоромы розвожены, опроче 2 монастырей Спаса Хутыня монастыря, да Онтоньева монастыря́, и уѣздъ Новгороцкой весь разоренъ же.

И февраля въ 14 день, изъ Новагорода пріѣхалъ Яковъ Епанчинъ, и привезъ изъ Новагорода отъ Эвертъ Горна къ Московскимъ бояромъ листъ, а въ листѣ пишетъ:

Велеможного и высокороженного князя и государя Густава Адольфа Карлусовича, Свейского, Готцкого и Вендѣйского, избранного короля и отчинного князя, великого князя Финскіе земли ...... земли, его королевского величества бояринъ и воевода Эвертъ Карлусовичь Хорнъ. Даю вѣдомо Московского ...... Өедору Мстиславскому съ товарищи, что ваше писаніе, которое писано на Москвѣ въ мѣсяцѣ декабрѣ, нынѣшняго мѣсяца пришло; изъ которого разумѣется, что вы его королевского величества бояръ и воеводъ Якова Пунтусовича Делегарда, и Индрика ...... и мое послѣднее совѣтное и доброхотное припоминательное писаніе непщуете. Но на самое зло то писаніе ... упрямости и своемнѣніи пребываете. И больши въ неправедномъ своемъ возлягапіи и въ недостойномъ очищеніи о

дѣлѣхъ прина.., . о отечествѣ своемъ пользы со усердіемъ пещетесъ, и не стыдитесъ въ началѣ писанія своего написати, что будто его королевского .... бояре и воеводы Яковъ Пунтусовичь Делегардъ, Андрикъ Карлусовичь Горнъ, да язъ въ своей грамотѣ къ вамъ писали: будетъ де ... быти въ дружбѣ и въ любвѣ; и вамъ бы де къ намъ отписати вскорѣ о времени и о мѣстѣ гдѣ великому государю нашему, его королевскому величеству, съѣхатись; — которое намъ никогдажъ на разумъ не хаживало; ноипаче менши того, чтобъ намъ дерзнути такое недостойное дѣло .... такому великому государю и королю, которой отъ Бога многими благодати премудрости и христолюбивыми королевскими чувствы, ... самому съ вами. Иного рабы съѣхатися или договариватися, зане его королевское величество имѣетъ у себя такихъ мужей ..., довольно достойныхъ и которымъ съ вами мочно говорити и становити, коли будетъ до того дойдетъ. Имъ же вы иное ничто не учы .... межъ обоихъ государствъ составляете и свое безуміе всей вселеннѣй объявляете; такожъ и еще гнѣвъ Божій ..... убо на себя наводите. И того ради вамъ мочно о томъ достойно стыдитись. И занеже противо вашихъ напр. ......редныя взлаганія и напредъ сего довольный отвѣтъ данъ и достойный отводъ учиненъ, тако что чаемъ предъ Богомъ и предъ великими государи, которымъ о томъ и о истинней правдѣ явно извѣстно будетъ, въ томъ чистымъ быти. Како нибудь ваши посланныи, котор... иныхъ окрестныхъ Государствахъ были на моего велеможнѣйшего короля и его королевского величества бояръ и воеводъ вину воз..... окрестныхъ государей, у которыхъ были не истинно предносили и росказали; и мочно и впредь учинити, что мы никакихъ недостойныхъ....

писаній къ вамъ никогда неписывали, какъ .... пѣняете, зане тогда разсужено, что ... тѣ, къ которому доброму ... только мы къ вамъ истинно правду, которое невовсякомъ мѣстѣ возлюблено. Во всѣхъ своихъ грамотахъ подли .... и свою честь и добрую славу, которое вы гордыми и недостойными словесы безо всякіе вины поносили, якожъ наши и вел...... оволно оказуютъ и недостойно было намъ безотвѣтно имѣти, недостойнымъ обычаемъ за то стояли! Внегдажъ раз.... аво достойное очищеніе ниже доброхотное припоминаніе мѣста у васъ имѣетъ. Того ради мнимъ, ненужно быти болѣе чего писати, но и менши того противу вашія гордыя похвалы отвѣтъ учинити, занеже мало въ дѣло ставимъ.... городовъ гордыми и похвальными словесы взяты, ниже чтобъ славно что учинено. Сего ради язъ то иные дѣла, которые в.... описуете къ иному угоднѣйшему времени, о томъ спорователи и совершити, отсрочилъ и себѣ впредь оставилъ. А что вы... грамотѣ написали, чтобъ мнѣ къ великому Государю своему велеможнѣйшему и высокороженному князю и Государю, Государю Густаву Адолфу королю Свейскому, Готцкому и Вендѣйскому королю, отписати, чтобъ его королевское величество... ихъ пословъ, или посланниковъ къ вашему..., и потомъ де онъ къ моему велеможнѣйшему королю и государю своихъ пословъ или посланниковъ пришлетъ; и язъ немогу дерзнути, что мнѣ королевскому величеству писати и тѣмъ обычаемъ время еще испустити; понеже его королевское величество никоторые причины неимѣетъ.... пословъ или посланниковъ къ вашему государю посылати, или которые дружбы у него взыскивати. А потому что ему королевскому величеству.... великіе добродѣтели, которое его королевское величество и блажен-

ныя преславныя памяти его королевского величества отецъ Россійскому... противу оказалъ, неблагодареніемъ воздано. А то бы достойнѣйши было, чтобъ вашъ Государь своими послы и посланники у моего.... государя дружбу искалъ, иже есть природный и наслѣдный великій Государь. Такожъ бы и иными мѣрами благодарно.... ихъ великихъ добродѣтелей, которыя блаженныя памяти его королевского величества отецъ и нынѣш.... имо велеможнѣйшій король и Государь.... чинити можетъ. Аще ли его королевское величество о томъ достойнымъ обычаемъ..... напередъ сего ....
.... тысящъ человѣкъ вашего народу... и посе живы были, которые ваши.. .. злѣ погибли. Но вседержитель Богъ всегда обличаетъ и смиряетъ высокоумную гордость, якоже надъ отчизною вашею видимо есть... Велеможнѣйшій король и Государь до своего королевского походу, идучи въ Свею, тожъ ради причины, которые изъ королевскичъ бояръ и воеводъ.... Делагарды да Индрика Карлусовича Горна и моего писанія уразумѣете, такожъ..., королевскому миролюбительному нраву моленіемъ и прошеніемъ его королевского величества бояръ и иныхъ вѣрныхъ и подданныхъ людей, которые по христіанскому жалѣнію христіан..... пролитіе жадѣютъ, отвратити изволилъ; и мнѣ, его королевское величество бояриму и воеводамъ Эверту Карлусовичу Горну, да Я..... вичу, да дьяку Монши Мартыновичу полную мочь далъ, и приказалъ будетъ съ вашіе стороны о добромъ дѣлѣ ссылки и зговору праведно..... учнутъ, и намъ бы государя вашего съ полномочными послы о вѣдомомъ и пригожемъ мѣстѣ согласитись, гдѣ намъ съѣхатись..... нитисъ. И будетъ государю вашему и вамъ о

томъ приналежитъ, якоже вы въ своемъ писаніи о томъ же объявляете, и вамъ бы о томъ вскорѣ промышляти допол.... и путь и мочно съ обоихъ сторонъ ѣздити, и мнѣ вѣдомо учините, кто съ вашіе стороны къ тому изобраны будутъ и въ которое время и въ ко.... чаете общему нашему съѣзду быти? А будетъ вы такое нашего велеможнѣйшего короля и государя хотѣніе доброй подвигъ къ мирному соедин... достойно не пріимете, и его королевское величество будетъ чистъ отъ вашіе предстоящіи погибели и кровопролитія, и такое ваше без.... раздизали, наипаче Богу и всей вселеннѣй явно и вѣдомо будетъ, и никтожъ о вашей погибели умилится. Сіяже вамъ яко вы воп.... отповѣдь немогу держати И честнѣебъ вамъ было, чтобъ вы такими недостойными извѣтными и возносливыми словами, которы... мѣста противу насъ указали, престали, занеже отъ того никоторое добро не чинится и въ то бы мѣсто отъ отчизны своей ползы со усердіемъ...., потомъ и мы съ своей стороны також е о дѣлѣхъ по достою противу того указатися будемъ. Писана въ Великомъ Новѣгородѣ, мѣсяца Февраля въ 4 день, лѣта 1615 года.

(На оборотѣ:) Московского государства воеводѣ Ѳедору Мстиславскому съ товарищи.

№ 15.

ACTUM STOCKOLMIAE PRIDIE SAC. PASCHATOS AN. 1614.

Tacitus praeterire non possum, redditas mihi esse Regiae Majestatis literas Senatui inscriptas, quibus praesens rerum status in Livonia et Russia ex parte delineatur et Senatus requiritur consilium, quid facto opus sit. Ego hoc in absentia Collegarum, ut meum solius consilium, caeteris inconsultis, in causa tam gravi explicarem Regiae Majestati, cum haud ex re judicarem, statui tibi, amicissime Horn, exponere mentem meam. In omni consultatione, quae de Republica suscipitur, imprimis ubi de bello et pace sive induciis agitur, caput esse existimo, primo ut statum et nostrum et hostium exacte ponderem; secundum, ut vires utriusque nostrum diligenter et accurate examinentur. Hoc jacto fundamento, Regnum Poloniae a multis annis civili dissidio laborasse constat, viresque illius et diuturna expeditione Muscovitica et militum confoederatorum populationibus attritas; publicum aerarium exhaustum et annuos reditus regios diminutos esse. Polonorum itaque res, dum et bellum flagrat cum Moscovita, et hostili a nobis dissident animo, Turca etiam, nominis christiani hoste infensissimo potentissimoque, occupata Transsylvania, orbis christiani propugnaculo fortissimo, finibus illorum imminente, quam sint satis angusto ac periculoso in statu, mittam extra dubium, maxime si quis contribuendi modum apud illos receptum consideret. De Muscovita non est operae pretium scribere, quod tibi illorum status melius sit cognitus quam mihi, qui adhuc quidem meo judicio, magis, quid fuerit illud Imperium aliquando, quam quid sit, repraesentat. Ad nos quod attinet, quamquam, divino adspirante numine, intestinis hucusque caremus dissidiis ac factionibus (quod ut diutissime praestet Omnipotens ex inti-

mis precor) tamen causae sunt, ex quibus oriri possent, plurimae. Vicini nostri plerique aperti hostes, reliqui infidi amici, qui hoc unum agunt, ut rebus suis ex sententia stabilitis, non incautos aliisque bellis irretitos et fractos, data occasione invadant ac oppressos sub jugum mittant, qui, quanto minus nobis fidunt, propter innatum utrique genti odium mutuum, tanto ab illis cavendum est magis. Nos praeterea ex omni parte et apud vicinum Daniae Regem, et apud milites, et apud mercatores maxima nomina contraximus. Media dissolvendi militemque sustentandi praecisa ac adempta variis modis, quos omnes haud lubet referre, sed tu pro tua prudentia ipse cogitare poteris. Neque tamen haec aliaque Reipublicae vitia stante bello emendare possumus, praesertim cum major sit non modo ex illa, sed etiam ex hac parte subditorum paupertas, quam vel dici vel scribi potest. Haec et si quae alia dicenda, quae brevitatis ergo omitto, dum inter se confero, judicarem equidem, pacem vel inducias cum Polono maxime exoptabiles, nisi Regni controversia inter utrumque Regem et nostrum et Polonum agitaretur. Sed cum nec credibile sit, Regem Poloniae nisi summa et inevitabili necessitate coactum, juri, quod sibi in hoc regnum existimat competere, renunciaturum: Nec fieri potest salva examinatione, honore ac securitate Regia, ut Rex noster ullam pacis tractationem cum Rege Poloniae ineat, nisi Rex Sueciae prius ab hoc agnitus fuerit; haud potui persuadere mihi hucusque intellectis rationibus, pacem ullam aut inducias firmas constitui posse.

Bellum autem gerere cum utroque et Polono et Muscovita, non modo politica caret ratione, sed plane est impossibile, imprimis si illi conspiraverint, tum propter potentiam illorum, tum propter Danum, nostris cervicibus perpetuo incumbentem. Est igitur meo judicio omnibus viribus innitendum, ut pax et

amicitia et foedus cum Muscovita, conditionibus non iniquis, haberi possit. Diceres fortasse, ista quidem recte scribi, si aeque facile obtineri possent cum honore Regis et commodo Regni. Fateor, hoc esse difficile, sed elaborandum tamen, atque ad hanc metam consilia universa dirigenda: et Muscowita quidem partim verbis et literis (non tamen Regiis, ne apud barbaros istos pacem expetere videamur) ad controversiae compositionem et amicitiam adliciendus, partim armis, quantum aerarii facultates concedunt, compellendus. Interim dum haec fiunt, alendus mihi videtur Polonus spe induciarum per Regios officiales, ne si ex nostra parte apertum bellum agitari animadvertat, ad pacem cum Rutheno ineundam properet, ac nos praevertat. Habebimus etiam mea sententia ex illis menstruis induciis hoc commodum, quod, hoc intellecto, Ruthenus magis amicitiam nostram expetet, metu, ne inter nos et Polonum conveniat; et Polonus ipse magis in Ruthenum animabitur. Interea temporis nihil est intermittendum, quod pacem nobis cum Rutheno generare possit; ut, si in posterum inter nos et Polonum non conveniat, bellum absque magno periculo et detrimento continuare possimus. Neque sum ignarus, Polonum ipsum sub his induciis fraudem cudere, neque credibile illum ignorare, quo animo haec a nobis fiant; sed quid vetat, quominus nos iisdem, quibus ille, artibus utamur. Hoc tamen addendum puto, si Regiae Majestati videatur consultum, infidas has inducias per aliquot menses in Livonia continuare, ut intente ac curiose provideatur Revaliae ac Narvae, quantumque fieri potest, mutua commercia indigenarum interdicantur, propterea quod multo plures rationes ac modi Polono sint, nobis rebusqus nostris insidiandi, quam contra; quandoquidem nostri homines Regi Poloniae olim vinculo subjectionis, illi nostro Regi nullo unquam fuerunt obnoxii; perinde nos propriam

securitatem, illi rerum alienarum occupationem spectant tanquam ultimum finem. Haec, mi Horn, scripsi prolixius, non quod te ista latere existimem, sed ut testata facerem, me pro virili mea non defuturum causis publicis, utque, si idem tibi animus, magis confirmeris; sin contrarius, ut perspectis rationibus meis, quae utilissima Principi atque Reipublicae intellexeris, id eligas atque apud Principem agas; certoque tibi persuadeas, me in omnibus, quae tibi grata intellexero, boni amici officio haud gravatim perfuncturum. Vale *.

Rubr.

Bref till Hindrich Horn.

---

* Cm. Carl Fr. Mosers Dyplomatische und Historische Belustigungen. Erster Band. Frankfurt und Leizig 1753

№ 16.

ПИСЬМО КОРОЛЯ ГУСТАВА АДОЛЬФА ИЗЪ НАРВЫ КЪ АНГЛІЙСКОМУ ПОСЛУ МЕРИКУ ОТЪ 30 НОЯБРЯ 1615 ГОДА.

Nos Gustavus Adolphus etc.

Gratiam ac favorem Nostrum singularem. Magnifice nobis sincere dilecte, quo animo obsedimus hoc anno Plescoviam, ut scilicet hostis noster Russus tanto magis ad tractationem de pace properaret, id cognovisse te a nobis ipsis, et memoria tenere haud ambigimus, namque cognitas habentes prolationes Moscoviticas ex praeteritis tractatibus hanc speramus fore rationem maturandi negocii: tandem quoque, cum de pace nihil audiremus, eo rem deduximus, ut si perstitissemus in obsidione, urbe jam ad summas angustias redacta, tandem facile potiri potuissemus. Verum lectis litteris commissariorum nostrorum rogatu tuo ad nos perscriptis, quibus significabant te ad caetera imprimis obnixe rogare, ut obsidionem relinqueremus, sic enim fore, ut dubii hactenus Ruthenorum animi de affectu nostro, in amicam transactionem confirmarentur et quantocius absque omni dilatione et ulteriore excusatione, initium tractationis facerent, ideoque qui mentem Russorum optime teneres, recte scire ac nobis promittere. Itaque moti imprimis amore nostro serenissimi magnae Britanniae Regis, fratris consanguinei et amici nostri charissimi et mutua nostra benevolentia, dedimus hoc intercessione consilioque tuo, ut obsidionem Plescoviensem magnis nostris sumptibus susceptam, tantoque temporis spatio continuatam, indubia spe exitus faelicis atque optati, tandem solveremus; maxime ut omnibus constaret, nos bellum quidem in his locis gerere, non cupiditate regni, quod praeter hoc nobis satis amplum ac potens, beneficio Divino contigit, sed necessarium; eoque semper fuisse et etiamnum esse animo, ut

et pacem atque amicitiam cum omnibus vicinis nostris, imprimis Russis, si aequis et justis conditionibus haberi possit, expetamus: et bellum justum, si evitari nequeat, non recusemus. Narvae die 30 Novembris. 1615.

Widekindi Thet Svenska i Ryssland Tijo åhrs Krygs Historie.

ПИСЬМА АНГЛІЙСКАГО ПОСЛА МЕРИКА КЪ КОРОЛЮ ГУСТАВУ АДОЛЬФУ И ШВЕДСКИМЪ КОММИССАРАМЪ.

(Hall. T. III стр. 441 примѣчаніе).

№ 17.

FINLANDIAE, ESTHONIAE, WESTMANIAEQUE DUCI ET FAELT-MARSCHALLO.

Generose Nobilis et strenue Domine, spero litteras meas, quibus tuis datis 18 Februarij respondi, fideliter tibi redditas esse. Itineri prosequendo Moscoa discessi (sicut tum scripsi) 22 Martij et jam (praemissa salutis et officiorum commemoratione) certiorem te facio me jam advenisse, in hoc Otuerae oppidum. Viarum et tempestatis conditio iter mihi non sine taedio tardum reddidere, sed, favente Deo, nihil dubito, quin illud tempestive perficiam, quo volente, crastino die me in viam abhinc dare institui. Et ob eam causam, Generose Nobilis et strenue Domine, vehementer te rogo, ut res has ita disponere digneris, ut cum Ostascam advenerim, ex benevolis tuis literis intelligam adventum meum te versus, notum tibi jam esse; ex quo ego te itinere meo disponam. Generosa animi tui propensio ad eas laude dignas actiones, securum me facit prompte et benevole facturum, quicquid a te cum dignitate requiretur. Deus misericordiae et pacis felici exitu negotia haec secundet, ad nominis sui gloriam et honorem omnium principum Christianorum, in cujus suavissima tutela ut valeas, ex corde opto.

Otuerae 2 Aprilis anno 1615 stilo veteri.

Generositatis tuae ad omnia offica paratus etc.

Johannes Merick.

Nowogorodi.

Inscriptio.

Serenissimi Principis D-ni Gustavi Adolphi etc. etc. Generoso, Nobili et Strenuo Domino

Eduardo Horn.

№ 18.

SERENISSIME PRINCEPS ET POTENTISSIME DOMINE GUSTAVE ADOLPHE ETC.

Praemissa paratissimi et humillimi officii et obsequii mei delatione: dignetur Regia Vestra Majestas certior a me fieri, redeunte nobili Regio, nuncio meo (qui Novogardiam huc advenit, nocte quae praecessit meum adpulsum) debita cum reverentia accepisse me Regias vestras literas, datas in Palatio vestro Stockholmiae, tertio Maji ultimo elapsi. Tertio postquam Novogardiam adveneram die, a Magnifico et vero nobili Domino Eduardo Horne, Mareshallo Campestri Majestatis Vestrae et reliquis commissariis Vestris, invitatus fui ad sermonem conferendum de iis rebus et negociis, de quibus jam agitur inter Serenissimam Ma-tem Vestram et Regem magnumque Ducem Russiae, Michaelem Feodorowich. Qua in re et ego fideliter illis narravi ea, quae in mandatis habueram ex altera parte, quidquid in rem presentem facerent: et ab iis parem accepi narrationem rerum ex parte M-tis Vestrae gestarum: quae maturo cum consilio ab utrisque profluxisse persuasum habeo. Et licet Commissarij Russi, Serenissime Princeps, contra expectationem vestram jam nec adsint, nec praesto sint, ut in hoc Tractationis negotium ingrediantur (qui certe retardantur

unice usque eo, quod illis a me significatum fuerit ex his locis) ut tamen omnem inutilem moram rescinderemus, inter nos convenit de die in initio Augusti proximi ad quem in loco designato ego in me suscepi, ut Russi Commissarii se sistant, in quibus aliqui, aut saltem unus, Regi erunt a Consiliis.

Inter alia Colloquij, ego Commissariis M. V. proposui, quo res facilicius procederent, ut induciae fierent inter M-tem Vestram et Magnum Ducem et regna vestra usque ad Tractationem finitam, et ut omnia interim hostilia ex utraque parte cessarent: ad quod responsum mihi fuit, non licere illis ex mandatis ut in hoc consentirent, alias quam si Commissarij ipsi jam adessent. Jam vero, Serenissime Rex, cum Magnus Dux et Consiliarii ipsius, in honorem et officii et amoris significationem Regi Domino Meo, dudum ex sua parte promiserunt, omnia se hostilia et belli prosequutionem usque in Tractationem finitam deposituros (modo per subditos M-tis Vestrae hoc illis liceat sine tutelae suae praeiudicio), ut Regia Vestra M-tas, in aequam amoris significationem Regi Domino meo, clementem in hanc rem propensionem literis mihi significare dignetur. Quae res quanto citius mandato vestro Regio notescet, tanto magis in honorem vestrum cedet; et (praeter amoris significationem Regi Domino meo' quantum a sanguine effundendo regium vestrum cor abhorreat, et quanta cum suavitate M-tas Vestra amorem et clementiam amplectatur, toti orbi non obscure significabit, neque parum pij hujus operis, et auspicato jam ingressi, spem promovebit. Suprema Dei Sapientia M-tis vestrae consiliis his in rebus adsit.

Cum bona M-tis Vestrae licentia, ego aliquem ex Regiis nobilibus Moscuam ablegabo, per quem Magnum Ducem certiorem faciam, quantum hoc in negotio cum Commissariis vestris processerim, ut ipse etiam ad ea adimplenda, quae ex

sua parte susceperim, se accingat: quae persuasissimum habeo optima fide perfectum iri. Interea ex expresso Regis Domini mei mandato, (magni etiam Ducis in hoc conjuncto desiderio) me jam itineri ad Ma-tem Vestram accingo: mihi enim ut ante Regiam vestram personam me sistam injungitur, ut literas Ma-tis vestrae una cum mandatis, quae in spem et commodum presentis negotij unice tendunt, offeram. Ac etiam Rex Dominus meus et magnus Russiae Dux in hoc consentiunt, fore hanc Ma-ti Vestrae maxime gratam et maxime efficacem et paratam honorificae Tractationis rationem, sine qua mihi etiam privatim constat (cujus rei cum ad Ma-tem vestram accesserim, rationem reddam) nec magno Duci, nec suis satisfactum iri. Mihi certe in honorem cessisset, si per negotij conditionem hoc tempore paratissimum meum obsequium Ma-ti Vestrae praestitisse licuisset, sed adventum meum Ma-ti Vestrae aeque acceptum futurum spero, quam itineris taedium mihi erit gratum: nec dubium habeo, quin reditus meus in hunc locum opportume futurus sit ad primum conventum cum Magni Ducis Commissarijs.

Humillime veniam peto et Deum precor, qui solus tuthor est cordi vestro Regio, ut pacem amplectatur, ut faelicissimo successu omnia, quae regiae vestrae personae aut Regnis in commodum cedere possint, secundet.

Datum Nowogardiae 17 die Junij anno Domini 1615 stilo veteri.

Ma-ti Vestrae etc.

Johannes Merick.

———

№ 19.

EODEM TITULO.

Cum nuper huc a Moscua rediisset nobilis Regius Gulielmus Becher, ab eo reddita mihi epistola fuit a Rege et Magno Duce Michaele Feodorowich, per quam sentio admodum acerbe ipse tulisse Ma-tem Vestram cum exercitu ad Plescoviam iter fecisse: et majorem ex eo cepit offensionem, quod ego hic essem Legatus a Rege Magnae Britaniae (et Regio ipsius nomine deputatus ad conciliandum omnia illa negotia, quae inter vos pendent indecisa), quem Ma-tas Vestra accepit ante omnes alios Principes aptissimum et potentissimum conciliatorem, ad omnes questiones finiendas, quae Ma-ti Vestrae intercesserint cum Magno Duce Russiae: et quod cum Moscuam venirem ipsi persuasissem, nomine Domini mei, ut arma deponeret (sicut fecit) ea spe, ut Ma-stas Vestra idem faceret.

Rex et Magnus Dux Michael Feodorowich literis suis jam precise a me requisivit, ut iterum me coram Ma-te Vestra sisterem, ad agendum vobiscum, Domini mei, Regis Magnae Britanniae, nomine, ut Ma-tas Vestra dignetur, copias vestras a Plescovia pro tempore retrahere, donec tractatio inter vos formam aliquam sortiatur, quo negotium ad effectum procedat. Ego vehementer egi cum clarissimo et magnifico domino Generali vestro et reliquis honorificentissimis Commissarijs Vestris, ut immidiate iter caperem ad Ma-tem Vestram, ea intentione, ut ipse coram (quemadmodum a me requiritur) totum sensum magni Ducis hac in re exponerem: cum etiam illius gentis sensus tam bene notos habeam, ut nisi ipse me conferam ad Ma-tem Vestram, nihil magni Ducis expectationi satisfaciam, cujus ea spes est, Ma-tem Vestram Domini mei, Magnae Britaniae Regis, causa oratam fore, ut obsidionem usque ad tra-

ctationem retrahat. Ego certe, quemadmodum a me requiritur, mecum ipse statueram, iter hoc in me suscepisse (licet satis sentiam quam injucundam viam hoc tempore habiturus fuerim) ea solummodo ratione, ut magno Duci plene satisfacerem: sed ea in re a Domino Generali et reliquis commissarijs Vestris impedior: aliter, in quamcumque partem hoc mihi accidisset, apud Ma-tem Vestram in summa Petitionis exoranda venissem nihilominus, ea praesumptione, ut conatum meum Ma-tas Vestra boni consuluisset.

Spem, quae me induceret, ut in hoc itinere procederem et hujus negotij compos forem, infirmam esse confiteor: quoniam quum ultimo Narvae essem non potui hoc regis Domini mei nomine obtinere: pro iniqua propositionem hanc reputante Ma-te Vestra, ut pro tempore usque ad tractationem iter suum cum copiis ad illam urbem remoraretur. Ideoque, cum mihi persuasum habeam, me aeque per has literas hujus Petitionis compotem fore ac si ipse accessissem, ego mihi pro presenti satisfacio, et jam humiliter peto a Ma-te Vestra (si haec Petitio aliquo modo aequa magnae vestrae prudentiae videatur in commodum negotij, quod jam inter manus est, quamque ego novi multum operaturum (sic!) apud Russos, si vobis ita placuerit, in gratiam Domini Regis mei magnae Britaniae, M-tis Vestrae fratris amantissimi) ut in tempus obsidionem reducat. Ma-tas Vestra facili conjectura assequi possit, in quam benevolam partem fraternum hunc amorem sua tantum gratia exhibitum Dominus meus accipiet. Ulterius etiam affirmare ausim Ma-ti Vestrae nihil magis istius gentis mentes inclinaturum ad eam pacem, quae maxime honorifica Ma-ti Vestrae fuerit, quam ut huic rei ex clementia vestra cedatur. Ex quo toto orbi declarabitur, quam a fundendo Christiano sanguine Ma-tas Vestra abhorreat, ac etiam insimulata propensio Ma-tis Vestrae in

pacem non parvam spem faelicis exitus pio huic, et bene incepto operi praebebit. At si haec petitio iniqua videbitur Ma-ti Vestrae, tum veniam peto hujus meae audaciae, licet hoc mihi mandatum sit, neque aliud sit, quam ut ego in Vestrum commodum, si hoc a me Ma-tas Vestra requireret, idem facerem. Ac etiam magnus Dux per literas suas, quas ad me scripsit (praefata Ma-tis Vestrae venia), obiicit contra dominum Generalem et Secretarium Mons Martyson ne admittantur in Commissionem designatam a Ma-te Vestra, ea praesumptione, fuisse eos omnium horum motuum authores: et ex eo suspicatur fore eos impedimento faelici progressui hujus negotij, idque difficulter speratum effectum sortiturum, si illi in Commissionem recipiantur.

Magni Ducis Commissarii (quemadmodum Ma-tas Vestra per literas ipsius me certiorem fecit) Astaseae, aut in loco convento, circa designatum tempus apparebunt; ita ut in dies de ipsorum adventu in illum locum audire expectem. Nomina ipsorum (praefata vestra gratia) sunt Kneez Daniel Ivanovich Meschedskoy, Praefectus Susdaliensis qui ipse est a consiliis, secundus est Olexey Ivanovich Zuzin, praefectus Shadskyensis, nuper legatus in Angliam, ac duo sunt Praecipui Secretarii Nicholas Novozonnoy et Dobrena Semionova.

Tempus conventus commissariorum, in utramque partem cum domino Generali designatum est in decimum currentis mensis: Ma-tas Vestra per literas, quas ante adventum meum in hanc urbem Novogaradiensem accepi, a me requisivit temporis dilationem.

Oro a Ma-te Vestra, ut, si accessus meus ad conspectum vestrum quovis usui fore acciderit, ut ex eo satisfaciam, quum nihil aliud inservire possit, ut dignemini sine offensione, ut in praesentiam vestram adveniam.

Peto etiam a Ma-te Vestra, ut dignetur literas salvi conductus Regio vestro signo munitas pro uno, vel duobus viris (si occasio mihi obvenerit terrestri et Hiberna via in Anglicam mittendi ad Dominum meum magnae Britaniae Regem) ut illi aut utrisque eorum liceat libere et immuniter per terras Ma-tis Vestrae transire nulloque iis dato impedimento per aliquem subditorum vestrorum, aut per Narvam, Revaliam aut quacumque alia magis commoda via, quae usui aptissima tum fore considerabitur, ac etiam, ut velit Ma-tas Vestra salvum hunc conductum mihi per hunc nuncium mittere.

Deus velit, ut faelix exitus bono huic operi insistat et ut conventus ad hanc tractationem non infructuosus cadat, ut perpetua pax ex hac interventione sequatur ad placitum utrarumque vestrarum Majestatum et bonum regnorum utrorumque. Qua in re ut antea in me suscepi, ego summam meam diligentiam (favente Deo) ad eam perficiendam adhibebo. Et jam orans Ma-tem Vestram, ut has meas literas in favorabilem partem interpretetur quas ego per Johannem Jaques unum ex nobilibus Regiis misi, humiliter veniam peto, et deum precor, qui solus author est cordi vestro Regio, ut pacem amplectatur, ut faelicissimo successu omnia quae Regiae vestrae personae, aut Regnis in commodum cedere possint, secundet.

Datum Novogardiae sexta Septembris stilo veteri 1615.

Ma-ti Vestrae etc.

Johannes Merick.

———

№ 20.

Serenissimi Principis ac potentissimi Domini, Domini Gustavi Adolphi Dei gratia Suecorum, Gothorum, Vandalorumque Regis designati, et principis haereditarij, Magni Ducis Finlandiae, Esthoniae, Westmaniaeque etc. principis Generosi, Nobiles, Strenui, Honoratissimi, prudentissimique Commissarii magni, Domine Jacobe De la Gardia, Comes a Lecko, Baro ad Eickholm, Domine in Kolka et Runsio, Consiliarie regni Sueciae ac exercituum Dux generalis: Domine Henrice Horne ad Wenden et Heslo, Regni Sueciae Mareschalle et Consiliarie, Legislator in Olandia, Domine Arvide Antonii ad Tuesterby Castellane Wyburgensis et Coreliae gubernator nec non legislator provinciae ejusdem. Domine Magne Martini, Secretarie Regie; Quam ipsi exoptatis, eam Vobis omnibus salutem ex animo precor; Scribendi occassionem nunquam non prebet summa illa, qua me persequuti estis, humanitas de qua quas potero habebo semper et agam, Deo volente, aliquando gratias: Accedit vero praeterea hoc tempore non nihil de quo (quum ad negotium pertinet quod in manibus est) excellentes dominationes Vestras certiores facere operae pretium putavi. Scripsi nec paucis nec non serio ad Magni Domini, Regis et magni Ducis Michaelis Pheodorowych, totius Russiae autocratoris magnos Commissarios, petiique, ut quanta fieri potest celeritate ad locum illum constitutum se conferrent, vestramque omnium parem in hac re diligentiam repromisi, quam quidem rogationem meam apud eos non nihil ponderis habuisse litteris heri vesperi mihi traditis intellexi; quibus die Jovis proxime insequente h. e. decimo quarto hujus Mensis Decembris Pesteiam venturos sese recepere. Quo citius ergo rem principalem aggrediamur, peto ab excellentibus Dominationibus vestris ut (quod

illi expectant et vobis etiam ipsis placuit) eadem die Jovis et Vos etiam ad haec vestra hospitia iter faceretis: Responsum ad has meas literas non dubium est quin brevissime accepero. Misi una cum his literis ad excellentes dominationes vestras testimonium a nobis Mediatoribus obtestationi vestrae perhibitum, et nominum nostrorum subscriptione confirmatum. Deus optimus maximus Dominationibus Vestris salutem omnimodam Vestrisque adeoque Nostris omnium conatibus optatum exitum concedat.

Datum Dedurinae Undecimo die Decembris A. sal. 1615.

A. D. V.

Amicus sincerus

Johannes Mericke.

№ 21.

Serenissime potentissimeque princeps ac Domine, Domine Gustave Adolphe Dei Gratia Svecorum, Gothorum, Wandalorumque designate Rex ac princeps haereditarie, magne Dux Finlandiae, Ésthoniae, Waestmaniaeque etc. Princeps.

Postquam (Serenissime Princeps) Literas vestras Regias tricesimo die Novembris Narvae datas accepissem; redux ex Anglia quem miseram nuncius, Richardus Swift, Serenissimi Magnae Britaniae Regis Domini mei Literas Regias ad Ma-tem vestram, et ad Magnum Dominum et Magnum Ducem totius Russiae Michaelem Theodorowich scriptas attulit: Illas vero (quarum apographum jam mitto) apud Honoratissimum Dominum Mariscallum Hen. Horne (ita enim statuebat ipse, quo

citius res componeretur) Ma-ti vestrae deferendas reliqvit. Clementissimus autem Dominus meus summo pioque hoc opus promouendi studio et sincero in Ma-tem Vestram amore adductus, etiam atque etiam mihi imperauit ut nullum non mouerem lapidem quo effectum darem. Quum vero, non obstante quam fidelissimam dedimus huic rei opera nostra, et ipse, et omni laude dignissimi Honoratissimi viri, ab Illustrissimis ac praepotentibus D. D. Ordinibus foederatarum in Belgio Regionum missi legati, multa ex utraque parte impedimenta euentus illius, qui Majestatibus Vestrae ac Magni Ducis arrideret, spem omnem adimebant: Quumque commissarij in proximo erant, ut discederent, statuimus, ne fructu suo res careret, Majestatem Vestram certiorem facere, quem in locum res deducta sit, quid ultimo postulatum, quidque contra oblatum fuerit; praeterea literis nostris humillime Majestatem Vestram oratam habere, ut aliae proponantur conditiones, quas Rutheni aliquo saltem modo ferre posse videantur. Cum autem nos Mediatores cum Majestatis Vestrae honaratiss. comiss. sermones conferebamus, facta est obiter mentio trium propositionum, quibus Hon. Vri Com. adsensum praebere se absolute non posse dicebant: propterea quod aliud iis iniungebat eorum mandatum. Erant: primo ut omnes illae arces, quas petunt Rutheni, iis tradantur, solventibus pro iisdem Ruthenis vicies centena millia Rublonum, vel Imperialium quadragies centena millia Talerorum; secundo: ut reservatis Regno Sueciae, Nitembergo, Coporeo, Jamo, Ivanogordia, et Somerenssia, caeterae omnes tradantur Ruthenis, soluentibus pro iisdem centum millia Rublonum; tertio: ut reservatis Regno Sveciae quatuor illis Arcibus, viz. Nitembergo, Coporea, Jama, Ivanogorodiâ, caeterae omnes una cum Sommerenssia Ruthenis tradantur, solventibus pro iisdem centum et quinquaginta millia Rublonum. Et

has quidem conditiones nec nos midiatores eas esse putavimus, quas ullo modo acciperent Rutheni. Recitabantur nihilominus ut si fieri posset propius accederent. Rutheni contra, praeter confirmationem pacti illius de Coreliâ, et alterius ad Tavenen initi, centum millia Rublonum offerentes, omnes suas arces reposcunt. Rationes autem, quibus nixi, Rutheni plus offerre non debere se sentiunt, hae sunt potissime, primo quod ex istis suis arcibus ac Monasterijs ablata sunt Tormenta, Companae, una cum thesauro ex aerarijs, quae tricies centena millia Rublonum valebant; secundo, quod illarum arcium nonnullae non tam aperto Marte superatae, sed certis qvibusdam conditionibus in manus Suecorum traditae fuerunt (eo nimirum tempore cum Poloni hanc terram invasere) nimirum vt illas Rex Sueciae ad tempus protegeret, non ut aeternum seruaret in manu sua. Huc accedit (aiunt), quod ex quo traditae sunt hae arces, mirum in modum oppressi fuerint earum incolae grauissimis taxationibus, et amplae admodum Regiones deuastatae. Verum enimvero haec ego Ruthenorum argumenta sibi jpsis relinquo cum urgenda, tum defendenda; et, facta jam hac brevi narratione, ad petitionem me accingo. Dignetur igitur Ma-tas Vestra, cum haec ita se habeant, conatus meos quales quales boni consulere, et quae tenui huic captui meo occurunt, ea dicendi veniam dare, quae perspicacis ac illius solidi judicij, quo Ma-tem Vestram donavit Deus, aequa lance perpensa occasionem forte ministrent ea proferendi, quae pleniorem mihi directionem praebeant. Tantum abest vt vel in aliquâ particulâ Ma-ti Vestrae aliquid consilii darem:

Incolas istarum arcium, quas petunt, consumptis brevi perexiguis iis quas relictas habent opibus, in summam redactos penuriam (cujus rei testes sunt modo Novogardienses) oneri futuros Ma-ti Vestrae, non emolumento, continuato in his par-

tibus bello etiam adhuc minui in dies, si quid ijs supersit rerum aut facultatum. Sanguinem quotidie effundiendum cujus alia longe habenda est ac nummorum ratio; Ruthenorum amicitiam, qui alioquin (quod principibus christianis auditu minime jucundum erit) necessitate coacti, pacem cum Polonis conciliaturi sunt, nonnihil roboris accessurum subjectis Ma-ti Vestrae Regionibus: Vel si posthabito pacis studio, aut Poloni Ruthenos, aut hi illos superaverint, plus etiam inde damni quam lucri oriturum Ma-ti Vestrae; Mercaturae atque commercij accessum mutuum magno futurum emolumento; haec omnia videt Ma-tas Vestra. Quin ergo (quod superest) humillime peto. ut Ma-ti Vestrae placeret ea tandem postulata proferre, quae aliquem Ruthenis optatum finem assequendi spem facerent, quâ freti majore sese alacritate promouerent, ac plus offerrent. Nihilominus ad Magnum Ducem separatim scripsimus: propositiones declarauimus: utque Commissarijs suis pleniorem adhuc et largiorem potestatem concederet rationibus et argumentis, quae nobis in mentem venêre, quantum potuimus adhibitis, suasimus, et intra decem aut duodecim dies responsum daturum speramus. Praetereo sciens singulos quos habuimus conuentus et varias disputationes, quae omnia Generosus et Magnificus Dominus De la Gardiâ Comes a Lecko etc. etc., cujus insignis in hac causa fuit diligentia, cum quo privata mihi fuere colloquia, Ma-ti Vestrae plenissime enarrauerit. Quod ad me attinet, quidquid tandem erit, ubi opera mea vsui esse videatur, Ma-tis Vestrae commodo nunquam deero; id enim officii rationem postulare video, cum hic Domini mei mandatum intueor, illic gratiosas Ma-tis Vestrae nouissime traditas mihi literas, quibus aperte declarare visum est M-ti Vestrae, quod, in gratiam Serenissimi Regis Magnae Britaniae, Ma-tas Vestra destitit ab obsidione

illâ Plescovianâ. Literas hasce meas per Nobilem Aulicum Henricum Bedeellum Ma-ti Vestrae humillime offero. Deus opt. max. Ma-tis Vestrae deliberationes ac consilia diuinâ prouidentiae suae virgulâ dirigat ijsdemque pro summa suâ misericordiâ adspiret. Datum e pago Dederineo sexto Idus Februarij 1615.

Ma-ti Vestrae ad omnia officia paratissimus

Johannes Merick.

Superscriptio.

Serenissimo Principi ac Potentissimo Domino Domino Gustavo Adolpho, Dei Gratiâ Svecorum, Gothorum, Vandalorumque designato Regi et Principi haereditario, Magno Duci Finlandiae, Esthoniae, Westmaniaeque etc. Principi.

Präsentiret: Abo den 1 Martii 1615.

№ 22.

17 martii 1615.

Generose Nobilis et strenue Domine, Per unum ex meis, qui salvus huc advenit, gratissimas et humanissimas tuas literas accepi, datas 18 Februarii, quarum sensum animo hausi, et ex corde amplector amorem et humanitatem tuam in literis meis et internuntio Thoma Smith excipiendis. Et ut respondeam expectationi tuae in ea parte literarum, qua maxime tibi satisfieri cupis, certiorem te facio (salutis et felicitatis praemissis officiis) expeditum me jam esse a Domino Rege et Magno Duce Michaele Feodorevitz totius Russiae et daturum me in

viam intra sex dies Novogorodum versus; iter mihi exinde dirigitur ad Regiam Majestatem Serenissimi tui Principis Gustavi Adolphi Dei gratia Svecorum, Gothorum, Vandalorumque Regem, Magnum Ducem Finlandiae, Esthoniae, Westmaniaeque Ducem etc., cujus Regiae personae negotia Legationis meae, una cum literis Augustissimi Domini mei, Jacobi Dei gratia Magnae Britaniae, Franciae et Hiberniae Regis, fidei defensoris etc. a me offerenda sunt. Hoc notum tibi facio, ut harum rerum scopum et progressum intelligas, ac etiam digneris promptam meam a Novogorodo expeditionem praestruere, quo itineri meo ulteriori nullum ex eo sit impedimentum. Generosi animi tui propensitatem in celeri harum rerum cursu promovendo perspecturum me nihil dubito, nec minus mihi persuasum habeo, exitum earum gloriae Dei opt. max. bono utrarumque Majestatum suarum et Regnorum, gaudioque et gratae approbationi universorum Christiani orbis principum, successurum.

Gloriosissimo caeli et terrae creatori ex intimis cordibus commendatum te habeo. Datum Moscuae XVI die Martij anno Salutis MDCXV stilo veteri.

Generositatis tuae ad amica officia paratus

Johannes Merick

Superscriptio.

Generoso, Nobili et strenuo viro Domino Eduardo Horne Serenissimi principis Gustavi Adolphi, Svecorum, Gothorum, Vandalorumque Regis, Magni Ducis etc.

———

№ 23.

CUM PRECEDENTE REGIO TITULO.

Literas vestras Regias (Serenissime Princéps), ex arce Abogiana XXVIII februarij datas missus ab Honoratiss. D-no Jacobo de la Gardia nuncius XII hujus mensis mihi attulit. Quarum adventus cum nuncii, quem eram missurus, ad tempus detinendi, tum certius ea, quae scripseram (habito nupero coram Magno Duce de his negotijs sermone) affirmandi, praeterea singularem illum favorem, quem mihi Ma-tas Vestra Regiis Vestris literis detulit, qua possum humillima gratitudine agnoscendi occasionem dedit. Summam negotij in pago Dederineo circa tractationem acti Ma-tem Vestram accepisse spero, presentibus modo apud Ma-tem Vestram Honoratissimis illustrissimorum DD. ordinum generalium foederatorum in Belgio Regionum Legatis, cujus et ipse aliquam partem literis meis ad Regiam Ma-tem Vestram ex eodem pago declaravi. Quae tractatio etiamsi quem Ma-tas Vestra expectavit, quemque vehementer sitivi, exitum nondum habuit, nihilominus haud inutilem fuisse spero ejusdem in Kalendas Junij dilationem, quam ursit necessitas, propterea quod Honoratissimi viri Commissarij diutius manere non poterant, neque nunciorum, quos Nos mediatores Moscuam miseramus, reditum expectare; qui tandem certiores nos fecere de concessa a D-no Rege et Magno Duce Michaele Pheodorowitsch totius Russiae etc. Honoratissimis commissariis suis ampliore et pleniore potestate. Quid vero hic apud Magnum Ducem ejusque Consiliarios fecerim, paucis enarrare liceat. Ex quo Moscuam veni, quam maximam potui diligentiam adhibui, ac in eum locum rem deduxi, ut certo affirmare ausim daturum Magnum Ducem commissariis suis potestatem amplam satis et largam

conditiones aequas justasque proponendi, quibus absolute pacem ineant quaeque cum magni Ducis promptissimum hoc negotium promovendi animum arguant, tum liquido omnibus declarent, quam serio et ex animo foedus et amicitiam cum Ma-te Vestra potius quam cum quovis alio principe contrahere studet. Injunxit etiam commissarijs sujs (iisdem, quibus prius hoc negotium commisit), ut sese ad hoc iter accingant, qui, prout in mandatis accepere, dicto die ac loco Honoratissimis viris Commissarijs obviam venient. Nequaquam ergo Magnus Dux in mora futurus est, modo placeat serenissimae Ma-ti Vestrae aequis conditionibus per Honoratissimos viros Commissarios proponendis pariter annuere. His ita positis, quid a Ma-te Vestra in hac causa faciendum sit, Regiae Vestrae prudentiae relinquere meum esse scio, nec ullus dubito, quin in gratiam potentissimi Regis Domini mei (cujus in pium hoc opus animum jam dudum videt Ma-tas Vestra) parem in hac pace stabilienda alacritatem Ma-tas Vestra adferet; quo Regium Vestrum syncerumque in potentissimo Regem D-num meum amorem simul ac zelum, quo fertur in hanc controversiarum commodam decisionem Ma-tas Vestra, quantumque abhorret a sanguinis effusione, nemo non viderit. Deus opt. Max. fons ille pacis unicus Regijs vestris (maxime de pace) consiliis perpetuo adspiret. Datum Moscuae XX Aprilis 1616.

Ma-tis Vestrae ad omnia mandata humillime paratissimus

Johannes Merick.

№ 24.

Generose nobilis et strenue Domine. Post adventum meum ad Otueram, 2. Aprilis, literas tibi scripsi (quarum exemplum jam transmitto) ut certiorem te facerem progressus mei te versus, quas ex hujus loci praefecto intellexi, 8 ejusdem mensis, hinc transmissas fuisse. Ab eo tempore iter habui longum et taedio plaenum et a vijs corruptissimis molestissimum, sed, favente Deo, huc tandem veni caetera immunis. Jam vero generose, nobilis et strenue Domine, ad majorem securitatem e re fore duxi (cum literas tuas, quas expectaveram, in adventu meo non invenirem, quasque multas mihi huc occursuras optaveram) ut hunc internuncium, qui mihi est ab epistolis, ad te mitterem, tam qui te de adventu meo doceret, et de rationibus, quibus in hoc loco moram facere inducor, quam qui salutem amoris et honoris plenam meo nomine tibi impertiret, et qui, cum redierit, benevolam tuam mentem de progressu meo mihi notam faciat, et quo in loco velis ut praesidium deducendi mei causa a te expectem: nam valde metuo, ut ultimae meae literae tempestive tibi redditae fuerint. Peto a te, ut hic meus internuncius, eam cum dignitate humanitatem et fidem in omnibus, quae dicet apud te inveniat, quam paratum me praestare offero, cuicunque ex tuis eam a me requires ut praestem. Aliam ad praesens molestiam tibi non exibebo, solum amor's et honoris officia mea paratissima tibi defero, et ex voto omnia dignitatis incrementa et optimam in Domino salutem opto. Astascae XXVII°. Aprilis anno salutis MDCXVI.

Generositati tuae ad omnia officia paratus

Johannes Merick.

№ 25.

PRAECEDENTE REGIO TITULO.

Secundas hasce meas ad Ma-tem Vestram scribendi ansam dedere redditae mihi literae Vestrae Regiae septimo et vicesimo aprilis, post dimissum a me nuncium ad Ma-tem Vestram, quum jam proximus essem, ut me ad locum conventui habendo assignatum reciperem; hisce vero, quid ex eo tempore factum sit, quantum ad haec negotia inter Ma-tem Vestram et Dominum Regem et Magnum Ducem Michaelem Pheodorowitch totius Russiae et cet. paucis a me certior fieri dignetur Ma-tas Vestra. Nam Regiae Vestrae literae 3 Martij datae non pauca habent observatione dignissima, ut summa illorum in ijsdem contentorum a me impresentiarum responsum non admodum postulat, propterea quod literis, quas Dederinâ misi, petiisse me, non suasisse, merè ac nudè quae audiveram enarrasse, de meo nihil addidisse videt Ma-tas Vestra. Missa igitur mentione eorum, quae prius scripsi; illud breviter dicam, quod post acceptas Ma-tis Vestrae literas evenit: ultimo apud magnum Ducem habito sermone studium suum tractatum hunc promovendi, controversias omnes componendi, foedus ac amicitiam cum Ma-te Vestra ineundi liquido percepi. Nam per eum (quod Regia Permissione confirmavit), neutiquam stabit quominus eventum brevi adipiscatur M-bus Vestris gratum optatumque hoc de pace negotium. In hunc finem Commissarijs suis, qui mecum statim iter facturi sunt, potestatem ad tractandum ac concludendum plenam ac sufficientem concessit. Non nihil interim cedere velle ex isto de tribus propositionibus proscripto Ma-tem Vestram spero, humillimeque ut ita fiat oro, quo magnus Dux in proposito etiam suo pergat, ipsaque res qui Ma-ti Vestrae arrideat exitum aliquando adsequatur.

Quod ad me attinet, qua possum quaque hactenus usus sum fide ac diligentia, eandem semper adhiberi a me viderint (uti spero) Ma-tes Vestrae, modo votis annuat supprcmus omnium adeoque Regum Regnorumque moderator. Deus Opt. Max. Majestatis Vestrae consilijs asspiret. Datum Moscuae Nonis Maij 1616.

Ma-tis Vestrae ad omnia mandata humillime paratissimus.
J. Merick.

№ 26.

Postquam de pace componenda apud Regem et Magnum Ducem Michaelem Pheodorowich Totius Russiae ultimo egissem (de quo literis meis humillimis Moscuae datis Ma-tem Vestram certiorem feci) XII hujus mensis cum Magni Ducis commissarijs ad hunc locum usque veni. Allatae vero mihi fuere in itinere variae ab Il-mo Domino Jacobo Dela Gardia litterae, quibus a Ma-te Vestra accepisse se in mandatis declaravit, ut ad locum tractationi habendae assignatum prius non veniret quam pro certo, quae Magni Ducis animi de tribus ab Il-tiss. Commissariis Vestris propositis conditionibus sententia esset, a me ipso audivisset. Nunc autem, redeunte ab illo nuncio, accepi (una cum suis) M-tis Vestrae literas gratiosas, XIV Maij ex Arce Vestra Abogiana datas, quibus cum sententiam Vestram de conditionibus istis, cum placitum ac mandatum hon-is Commissarijs Vestris propositum M-ti Vestrae declarare placuit. Quas ab Hon. Domino Archistratego accepi (Regium vestrum Mandatum recitantes) ad eas quidem respondi, quamvis (quod ad negotii summam et Magni Ducis sententiam) non aliud scripsi quam prioribus meis Maij XXX ad eum missis exposueram: nimirum paratos esse sine mora Magni

Ducis Commissarii (sic!) una cum M-tis Vestrae commissarijs Tractationem inire, et viva voce plenam totius rei summam (uti accepere) enarrare. Hoc (quicquid est) illud certe est quod impraesentiarum aperient: praeterea nihil. Quamobrem litteris meis Hon-um Dominum Archistrategum agressus sum: eiusque (si bona Ma-tis Vestrae cum venia fieri possit) brevi ad tractandum adventum petii: ubi (post cognitum plene M-gni Ducis animum) si minus arriserint quaecunque Rutheni proposuerint, illud tandem faciant Il-mi Commissarij Vestri, quod Ma-ti Vestrae in hac causa visum erit, injungere. Negari non potest aequissimum esse, ut e medio tollerentur quaecunque sint morae sive dilationes, quae quibusvis M-tis Vestrae consilijs impedimento esse videantur: plenam interim negotij naturam et quasi extremos ejusdem cancellos ab ipsis Commissarijs in utraque parte sibi invicem enarravi, priusquam alia via aggrediantur, vehementer vellem: Neque hoc (spero) Ma-tas Vestra improbabit, paratis jam, et quasi intrantibus Commissarijs. Si qua brevior esset negotij finem assequendi ratio, tam ego illam libenter amplecterer quam qui maxime. Non possum igitur non etiam atque etiam Ma-tem Vestram orare, ut ad locum aliquem assignandum accedant (saltem) Hon-mi Commissarij vestri: ubi liquido (uti spero) constabit concludendi studio venisse Ruthenos, non differendi: quos si tempus terendi ergo solum modo hoc fecisse (cum contrarium non semel idque aperte mihi affirmaverunt) vel cogitare liceret; indignissimos iudicarem hac (qualicunque) opera mea. Deus optimus Maximus Regijs vestris Consilijs adspiret. Datum Tiffaniae XXII Junij 1616.

Ma-ti Vestrae etc. etc.

Johannes Merick.

№ 27.

PRAECEDENTE TITULO REGIO.

Ex literis Ma-tis Vestrae secundo et vicessimo Junij Stockholmiae datis, mihique proxime elapsi mensis Augusti quarto allatis, intelligo Ma-tem Vestram meas accepisse: quibus dilatum a nobis Mediatoribus in Kalendas Junij conventum indicavi; quod missorum Moscuam nunciorum redditum opperiri non possent Il-mi Ma-tis Vestrae Commissarij, nedum ad meas responsum, quibus ultimas conditiones ab Il-mis Ma-tis Vestrae Commissarijs propositas exposui; earumque (trium nempe saepe dictarum) spem nullam concludendi facientium mitigationem aliquam a Ma-te Vestra humiliter petij. Quae Moscuae apud Dominum Regem et M. Ducem Michaelem Pheodorowich Totius Russiae etc. quaeque in itinere (ex parte etiam in hoc loco) facta sunt, ultimis (uti et prioribus) meis Ma-ti Vestrae enarravi. Ipsi jam negotio idem adhuc scrupulus impedimento est: ea demum lege venturis M-tis Vestrae Il-tiss. Commissariis, si trium propositionum aliquam accepturos Ruthenos certo prius et expresso intellexerint; Magni Ducis Commissarij idem responsum regerentibus, in conventum rem totam reservantibus; utrisque Serenitatum Vestrarum mandata urgentibus. Ipse igitur M-tis Vestrae Il-is Commissarijs (si voluerint) obviam ibo, et plenam instructionis sive commission s a Magno Duce concessae sententiam ac mentem breviter declarabo, quam quidem eam futuram spero, quae vel Nummorum denumeratione vel Arciam (Arcium?) deditione litem dirimat. Quamobrem Ma-tem Vestram supplex oro, ut concessa vel aliqua saltem praedictarum conditionum relevatione Il-mi M-tis Vestrae Commissarij ad tractationem accedant. Redditis mihi nuper Magni Ducis li-

teris audivisse se scribit M-tis Vestrae copias prope Plescoviam venisse, castrîsque positis Regionem vastasse ac diripuisse: mirum hoc sibi videri: cum ipse, durantibus hisce de pace consiliis (quod nihil tale expectavit) vel ea quae praemunitioni ac defensioni inservirent neglectim habuit: non modo in M-tis Vestrae subditos nihil hostile fecit Cumque hanc rationem praesenti tractationi nocere, et pacis in posterum spem omnem intercludere certe sibi persuasit, ipsum tandem necesse habiturum ait, arma sumere, bello rem decernendam, belli eventum Divinae providentiae committere; postulavit, ut ad Ma-tem Vestram scriberem, oratamque haberem, ut revocetur exercitus, quod certe (qua M-tas Vestra suavissima est animi in pacem propensione) futurum spero. Boni consulere dignetur M-tas Vestra literas hasce, quibus, urgente M. D. postulatione proprioque vehementi acsyncero negotium ad exitum perducendi desiderio, M-ti Vestrae submolestus fui. Quod studium meum, ut hactenus, (dum spes erit) fidele admodum praestabo, futurus tandem aliquando (Deo volente), qui Sereniss. Regi Domino meo Regio interventu suo feliciter compositas inter Serenitates Vestras controversias, meosque non ingratos fuisse M-tibus Vestris conatus qualescunque nuntiem Deus opt. max. Ser.-mae Ma-tis Vestrae consilijs adspiret. Datum Tiffinae XIIII Septemb. 1616.

M-ti Vestrae etc.

Joh. Mericke.

№ 28.

PRAECEDENTE TITULO REGIO.

Cum nuncium meum, quem Tiffinia XIIII Septembris ad M-tem Vestram misi, nondum Viburgo discessisse audiveram, non abs re putavi (secundis hisce), quae ex eo tempore evenere, superioribus meis humillime addere. Postquam non paucis Hon-ss. Ma-tis Vestrae Commissariorum literis acceperam Regio Vestro mandato omnino iis injungi, ne ad tractandum cum Commissarijs D. Regis et magni Ducis Michaelis Pheodorowich Totius Russiae etc. prius venirent quam trium conditionem aliquam accepturos pro certo haberent; ipse huc me contuli et concessi, a Magn. Duce Commissarijs suis mandati sententiam declaravi: cujus haec mens est, ut Arces illae Juanegordia, Caporea, Jama una cum Zanevskaia pogost (quae trans zanewam) ac Somorenscia volost (quibus adduntur etiam centum Rublonum millia) Regiae Vestrae M-ti Regnisque Vestris cedant. Nihilominus Hon-ss. M-tis Vestrae Commissarij, subductis tantum quinquaginta Rublonum millibus, praedictarum conditionum nullam diminutionem admittunt. Quam ob rem post varios longe itineris labores ac molestias oblata tandem a Magno Duce (in gratiam Sereniss. Regis. Mag. Britaniae) hac dedicione sive renunciatione ac solutione: magna me spes tenet conditionum saepe dictarum mitigationem adeoque facilem totius negotii conclusionem (quam Sereniss. Regis meo nomine hic petendam video) nequaquam frustra me quaesivisse, quod studium meum ne aegre ferat M-tas Vestra etiam atque etiam oro. Deus opt. max etc. Datum Lâdagae IIII Nonos Novembris 1616.

M-tis Vestrae etc.

Joh. Mericke.

———

№ 29.

Generosi, Nobiles, Strenui, Honoratissimi, prudentissimique Domini Jacobe de la Gardie Comes a Leckoe, Baro ad Ickeholme, Domine in Kolckoe, Rouse et Kechele, Regni Sueciae Consiliarie et Exercituum Dux Generalis D-ne Henrice Horne ad Wenden et Hestoe, Regni Sueciae Consiliarie, et Mariscalle: Arvide Antonij ad Tiusterburye, Castellane Wiburgensis et Gubernator Coreliae nec non Legislator in eadem provincia et Magne Martine Secretarie Regie, grati animi significationem, de honorifica ac liberali vestra humanitate in me ipsum ac meos cum toto, quo Ladoga permansi tempore, tum in discessu, valde necessariam esse duxi: opportunitatemque expecto qua sincerum meum studium opere aliquo meo in partem compensationis exprimere liceat. Ad Stolboam vicessimo hujus mensis salvus accessi, eoque melius propter diligentiam Magistrorum Equitum atque aliorum quibus cura ista in hoc itinere tum data fuit, quos omnes in omni humanitatis officio sedulos et paratos inveni. Quum primum adveneram, Literas a Ruthenorum Regiis Commissariis accepi, ex quibus intelligo fugitivos quosdam Novogardienses illis indicasse taxationem pro militum stipendiis, populo isti impositam, a tempore literarum Excellentium Dominationum vestrarum 28-mi Novembris auctam esse: in quibus epistolis Metropolitano et aliis Ecclesiasticis Plebejis, ex parte Utriusque potentissimi Principis, de Capitalibus hujus pacifici negotii Articulis, inter excellentes dominationes vestras et me ipsum pactum esse, indicastis; post istum autem inter nos contractum, tributi prioris diminutio aliqua potius speranda erat. In maximam istam populi Novogardiensis miseriam (qui tributum et stipendium propter gravem tractationem per-

solvere nequeant) quantum excipiunt Rutheni, vobis significare, meum esse putavi. Praeterea si qui propter penuriam pecuniam impositam non pendant, verberibus usque ad mortem affecti sunt; aliisque hac occasione fidem serenissimo Regi Sueciae etc. praestare more propriorum subditorum vi et involuntarij jurare coguntur. Fertur insuper Timotheum Ahaken (qui ad id negotium ex proposito iustitutus erat) quosdam verberibus afflictos, ut Rege inservirent atque fidem osculatione crucis confirmarent, illexisse et persuasisse; et multos propter taedium malorum consentientes vel ad Coreliam, vel ad Ivangorodum, vel ad Iamum vel ad Copoream inserviendi causa misisse. Atque haec omnia, contra expectationem, consulto facta esse aestimant Rutheni: verisimile autem est has violentas actiones (nisi revocentur) hujus tam pii operis faelici eventui impedimento esse. Ajunt praeterea singulorum dierum sumptus et impensas impositas (praeter panes a Nobilibus et Notariis acceptos et equos cursorios) ad trecentum Rublones exurgere. Ulterius centum et sexaginta indusia, cum pari ocrearum, calceorum, tibialium et chirothecarum numero in usum militum Ladogaensium, quod antea nunquam evenit, ab istis exacta sunt.

Ut moderatius cum isto misero populo agatur, ut levamen tam crudelis oneris adhibeatur, ut patriam deserere non cogantur, Templorum ornamenta ne eripiantur, Campanarum et tormentorum venditio et ereptio, omnisque alia violentia ut prohibeant, magnopere a Dominationibus vestris excellentibus postulatur. Quod ad Conditiones adtinet, de quibus nuper egimus, istas ad conventum cum Regiis Ruthenorum Commissariis ratas accipietis; et quaecunque aliae, (modo aequae sint) proferentur, sine mora exitum faelicem assequentur. De pauperibus istis Nowgardiensibus, quos numos impresentia-

rum solvere debent, finito negotio debitam eorum solutionem vobis ipsis permittere potestis (sic!): una cum iis, de quibus inter nos actum est; speciatim vero ut Archimandritae Cypriano aliquo modo parcatur oro, in cujus gratiam, cum de suo non habet, quo Dominationibus vestris excellentissimis satisfaciat, ego ipse, si opus sit, centum Rublones statim mittam. Ajunt praeterea Honoratissimum Chiliarcham Sw. Bannerum plurima scripta ad res et negotia Novogardiensium pertinentia, secum Ladogam attulisse, quorum restitutionem (cum Dominationibus vestris parum prodesse possunt) petunt. Ruthenorum Regis Commissarii hodie venturi sunt. Deus opt. maximus D-nes Vestras incolumes conservet. Dat. Stolbovae 22-o die Decembris 1616.

Excell. Do-bus vestris Amicissimus
Joh. Mericke.

Superscriptio:

Serenissimi et Potentissimi Principis ac Domini, Domini G. Ad. D. G. Su. Goth. Vandal. Regis (Titulus Regis) Dignissimis Commissariis, Generosis, Nobilibs, Strenuis, etc.

№ 30.

PRAECEDENTE REGIO TITULO.

Ultimis meis, IV Nonas hujus mensis ad Ma-tem Vestram per servum meum missis, quid apud Hon-ss. Ma-tis Vestrae Commissarios tum temporis egissem, paucis exposui. Cum autem inter Hon-ss. Ma-tis Vestrae Commissarios et me ipsum,

nomine D. R. et magni Ducis Michael Phedorowich totius Russiae etc. conditiones proferentem, divina tandem benignitate de pacis legibus convenit: brevem hanc earum summam ad M-tem Vestram mittere, officii mei esse existimavi. Sic igitur constitutum est ex parte Magni Ducis, ut quatuor illae Arces: Ivanogordia, Jama, Copora, Noetenburgum cum territoriis earundem M-ti Vestrae cedant. Dabit praeterea Magnus Dux viginta Rublonum millia, Pactum de Corelia confirmabit: juri denique suo ac titulo in Livoniam renunciabit. Ex parte vero M-tis Vestrae ut quinque illarum Arcium: Nowogordiae, Starorussae, Porchoviae, Ladogae, Ogdoae, cum earum etiam territoriis ac Somorensciae volost a Ma-te Vestra deditio fiat iisque Magnus Dux potiatur. Uberiorem autem ac fusiorem parum legum explicationem subscriptionibus ac sigillis additis Hon-ss. M-tis Vestrae Commiss. mihi ego illis vicessim dedimus: nihil ut jam plenae conclusioni desit praeter solennem illam confirmationem, quam brevi Deo volente Datura est inter Hon-ss. M-tis Vestrae et Magni Ducis Commissarios habenda tractatio: Deus opt. max. Majestatis Vestrae consiliis adspiret. Datum Ladogae decimo Calendas Decembris 1616.

M-tis Vestrae ad omnia ma-ta hu-me paratissimus

Joh. Mericke.

№ 31.

REGIO TITULO.

Non de illa modo opera, quam huic negotio hactenus impendi, abunde relatam mihi gratiam arbitror, (Serenissime

Princeps.) verum et in posterum, si quid mea cura praestari amplius poterit, deberi illud meritissime fateor Ma-ti Vestrae, quae quod sedulo feci, boni consuluit. Benigno ac placido (mihi certe aeternum celebrando) Ma-tis Vestrae in pacem animo, usque adeo pro sua benignitate favit omnipotens Deus, ut quae praecipuam litem movere inter Majestatem Vestram et Dominum Regem et Magnum Ducem Michaelem Pheodowich totius Russiae etc., de iis omnibus inter Hon-tiss. Ma-tis Vestrae Commissarios et me ipsum prius convenerat (prout Ladoga Ma-ti Vestrae sub id tempus humillime exposui) quam Regias Vestras literas XXVI Novembris ex arce Jenecopiana acceperam, unde distincta ad singula responsione neutiquam opus est. Ut vero de reliquis in hunc locum reservatis ab Hon-tiss. Ma-tis Vestrae Commissariis discutiendis longior haud paulo quam volui disceptatio fuit, illa jam tandem nihilominus omina omnia gravissima cura ac procuratione Hon-tiss. Ma-tis Vestrae Commissariorum (quorum ego prudentissima consilia satis laudare nequeo) ad optatum exitum perducta et februarii septimo et vicessimo perpetuae pacis leges inter Ma-tis Vestrae subditos vestros ac ditiones juramenti virtute sancitae sunt, ab ipsis Regiis. Ma-tibus Vestris suo tempore solenniter confirmandae. Faxit (precor) ut aeterna sit haec reconciliatio, pater ipse aeternitatis. Placere M-ti Vestrae (quod ex literis vestris Regiis non semel intellexi) ut ad eam in Sueciam venirem atque illac in patriam iter facerem, Generosiss. ac Hon-ssime Domine, Jacobus de la Gardie, Comes a Lecko etc., cui plurimis nominibus multum debeo, suo ac Hon-ssimor. D. D. collegarum nomine (qui me peramanter, laute, humaniter ac honorifice semper excepere) peracto jam negotio (quod idem etiam antehac saepiuscule mihi dixerat) iterum declaravit. Qua in re (quamvis indignum esse

me novi cui Regia M-tas id honoris deferret) si per valetudinem ac corporis (jam fracti) sanitatem licuerit, Regiae Majestati Vestrae Deo volente humillime morem geram. De optatissimo hoc eventu nec non de M-tis Vestrae in serenissimum Magnae Britanniae Regem animo quam fraterno ac amicissimo, cui gratam fuisse hanc Sanctae Regiae Majestatis Magnae Britanniae operam et ipsa res indicat et (praesentibus magni Ducis Commissariis) Hon-tiss. Ma-tis Vestrae Commissarii palam enarrare, Serenissimum Regem ac clementissimum Dominum meum (cui pergratissimum fore scio) misso statim in hunc finem nuncio literis meis certiorem faciam. Deus Optimus Maximus Ma-tem Vestram omnigena felicitate beet. Datum Stolboviae XXVIII Februarii 1616.

M-ti Vestrae
ad omnia mandata humillime paratissimus
Johannes Mericke.

ПИСЬМА ГОЛЛАНДСКИХЪ ПОСЛОВЪ КЪ КОРОЛЮ ГУСТАВУ АДОЛЬФУ.

(Галл. Т. III р. 454 примѣчаніе а).

№ 32.

SERENISSIME, POTENTISSIME REX.

Regiae V-ae Ma-ti servitia nostra dedicamus! Prioribus litteris nostris decreveramus expectare appulsum navis, quam V-ra Ma-tas usui nostro benigne destinaverat. Sed cum tabellarius adverso vento hic per aliquot dies detineretur, pluresque interea ex Hollandia naves huc adpulissent, servitio V-ae Ma-tis nos magis satisfacturos arbitrati sumus, si absque majore temporis jactura quamprimum iter ad Ma-tem V-ram institueremus. Confidimus itaque V-rae Ma-ti non ingratum fore, quod, non expectata nave sua, iter Abogiam suscepimus, parati tamen, si mature nobis de V-ae Ma-tis diversa voluntate constiterit, ipsius obtemperare, ac mutato cursu Stockholmiam trajicere.

A Deo Optimo Maximo V-rae Ma-ti prospera omnia precamur. Revaliae Kal. Mai CIƆIƆCXVI.

Regiae V-ae M-ti
devotissimi

Praepotentum in Belgio foederat. ordd. Legati Reinaldus Brederodius a Veenhusen, Theodorus Bassus, Alb. Joachimi.

№ 33.

SERENISSIME, POTENTISSIME REX.

Regiae Vestrae Majestati obsequia nostra promptissima consecramus.

Litterae Ma-tis V-ae heri sub vesperam nobis redditae sunt. De prosperi nostri huc adventus benigna congratulatione maximas, quas possumus, V-ae Ma-ti gratias agimus. Quod ad reliqui itineris nostri instituti rationem attinet: quandoquidem tribus propositis conditionibus conventus utrimque hac lege solutus est, ut Serenissimi Magnae Britaniae Regis Legatus Moscuam ad conditiones illas de meliore nota comendandas, nos vero ad V-ram Ma-tem proficesceremur, optavimus profecto maturius munere a nobis suscepto apud Ma-tem V-ram defungi potuisse, nec hyemis aut glaciei injuria (ut quidem accidit) ab instituto nostro prohiberi. Quoniam vero impraesentiarum totius negotii deliberatio ad tria ista capita redacta est, nihilque fere amplius, nostra quidem sententia, proximo conventu agendum restat, quam ut de superioribus conditionibus (saltem etiamnum quoad fieri poterit mitigatis) statuatur, animique sententia sincere ac sine subterfugiis utrimque expromatur, ipso V-rae Ma-tis judicio (praesertim ubi singula, quae ibi gesta sunt, plenius ex nobis cognoscet) ulteriorem nostram intercessionem atque operam (quam tamen ipsi paratissimam ac promptissimam profitemur) ibidem tantum non inutilem fore existimavimus. Qua ratione nostraeque tam diuturnae a functionibus nostris publicis absentiae intuitu constitueramus reditum nostrum in Belgium Regiae V-ae Ma-ti humillime commendare. Gratissimis ergo animis navim, quam Ma-ti V-ae nobis quamprimum transvehendi benigne offerre

placuit, expectabimus, Deumque opt. max. ardentibus votis precabimur.

Serenissime, potentissime Rex ut V-ae Ma-ti tranquillum imperium ac felicitatem perpetuam propitius concedat. Revaliae XXIII. Aprilis CIƆIƆCXVI.

Regiae etc.

№ 34

SERENISSIME, POTENTISSIME REX.

Regiae V-ae Ma-ti humillimum nostrum servitium lubentes merito deferimus. Litterae quas nobis scribere dignata est V-a Ma-tas hodie ad nos perlatae sunt. Mirum in modum gavisi sumus officia nostra quae in tractatu pacis praestitimus Ma-ti V-ae placere ac grata esse. Equidem certo et sincere affirmare possumus, nihil a nobis fuisse praetermissum, quod ad eam promovendam pertineret; molestissimum autem nobis accidit ac summopere dolemus negotium istud ad optatum finem atque exitum hactenus non potuisse perduci: quod tamen, Deo volente, speramus futurum in proximo conventu, qui ad Kal. Junij condictus est inter Tefinum et Ladogam, ad quem usque diem Induciae sunt prorogatae. Quousque vero res producta quidve in principali negotio actum sit, non dubitamus quin Ma-tas V-ra ex literis Commissariorum suorum atque nostris satis intellexerit. Soluto conventu iter nostrum ad Regiam V-am Ma-em instituimus, (quo etiam a V-ra Ma-te per literas hasce suas benigne invitari, nobis pergratum fuit) eoque fini

Reveliam jam imus, ut soluta glacie Stockholmiam trajiciamus, obsequia nostra Ma-ti V-rae coram oblaturi.

Serenissime, Potentissime Rex,

Regiae Ma-ti V-rae a Deo opt. max. pacatum imperium atque omnia faelicia precamur. Narvae XV Martij anno salutis MDCXVI.

Serenissimae Regiae Ma-tis V-rae
devoti etc.

№ 35.

SERENISSIME, POTENTISSIME REX.

V-ae Ma-ti humillima nostra obsequia cum animi demissione offerimus. Ex quo a Ma-te V-ra honorificentissime ac benignissime dimissi Stockholmia discessimus, diu inter amoenas illas rupes (minore quidem cum taedio) ac deinde in statione Oelandica adverso vento, eoque satis vehementi, detenti fuimus, donec tandem omni conatu, nullaque navigandi occasione praetermissa, heri huc Dei gratia appulimus, a senatu Lubecensi peramanter ac honorifice excepti. Nobilis Robertus a Rosen ac Alexander Fuerot praefectus navis bellicae probe uterque munere sibi injuncto functi sunt. Hodie iter nostrum, Deo duce, prosequi nobis decretum. Interim Regiae V-rae Ma-ti pro maximâ nostri toto legationis tempore clementissime habita cura, pro tot tantisque honoribus in nos benignissime collatis, ac vero Regia sua munificentia maximas, quas possumus, atque humillimas gratias agimus, nosque ac posteros

nostros V-rae Ma-tis servitio aeternum devinctos ac devotissimos merito profitemur.

Serenissime potentissime Rex

V-rae Regiae Ma-ti tranquillum ac faelix imperium longaevamque salutem a Deo opt. Max. summis votis atque ex intimo cordis affectu precamur. Lubecae XII. Julij CIↃ. IↃ. CXVI.

Serenissime V-rae Ma-tis etc.

№ 36.

ПИСЬМО АНГЛІЙСКАГО ПОСЛА МЕРИКА КЪ РУССКИМЪ УПОЛНОМОЧЕННЫМЪ.

(Изъ Посольскихъ Книгъ).

Божіею милостію великого государя царя и великого князя Михаила Өедоровича всеа Русіи самодержца посломъ, господамъ великимъ: окольничему и намѣстнику Суждальскому князю Данилу Ивановичу, намѣстнику Шатцкому Олексѣю Ивановичу, Миколаю Микитьичу, Добрынѣ Семеновичу, его царского величества возлюбленного брата, Божіею милостію Якуба короля Великія Британіи Французского и Ирлянского, оборонителя вѣрѣ крестьянской, его королевского величества посолъ Иванъ Мерикъ челомъ бьетъ. Сентября, господа, въ 7 день писалъ я къ вамъ съ человѣкомъ своимъ съ Романомъ съ Вакомъ, которого я послалъ къ государю царю и великому князю Михаилу Өедоровичу всеа Русіи самодержцу къ Москвѣ съ грамотою, а въ своей грамотѣ къ вамъ жедалъ я вѣдати о вашемъ приходѣ къ Осташкову, потому, господа, что объ вашемъ пріѣздѣ къ Осташкову здѣ ко мнѣ вѣсть не бывала, вамъ же объявляя о Свейского короля послѣхъ, что они здѣся. Да и о томъ, Господа, я къ вамъ писалъ, каковы они титла сами себѣ даютъ; да и объ опасномъ листу писалъ я, господа, къ вамъ, что въ ней титла государева накороткѣ написана: государь царь и великіи князь Михайло Өедоровичь всеа Русіи. А нынѣ, господа, короля Свейского послы Яковъ Делегардъ съ товарищи посылаютъ дворянъ ротмистра Индрика Флямина, Арвей Горна, Ондрея Нилса, да толмача Ирика Ондреева съ опасынымъ листомъ отдати вамъ великимъ

посломъ, а у васъ взяти таковъ же опасной листъ тѣмъ же обычаемъ; а мѣсто наречено, гдѣ опасные листы давати и прінимати, съ обѣихъ сторонъ уставлено на Пескахъ. А какъ, господа, извѣдаютъ дворяня здѣшніе, что вы и въ Осташковъ пришли, и они наготовѣ будутъ съѣхатца къ Пескамъ съ вашими дворяны, которыхъ вы пошлете съ опаснымъ листомъ. Да пригоже, господа, видѣлося мнѣ тутъ же послати изъ лутчихъ дворянъ государя моего Якубя короля Великіе Британіи Томоса Ондреевича Смита, чтобъ онъ тутъ же былъ на отданьѣ и на взятьѣ опасныхъ листовъ. Да онъ же, господа, вамъ умѣетъ объявити, какимъ обычаемъ короля Свейскаго дворяномъ указано листъ опасной отдати; а что господа онъ иное вѣдаетъ, а у него станете спрашивати, онъ вамъ объявитъ. Да приказалъ же, господа, я ему васъ слушать во всемъ, что надобе будетъ къ нынѣшнему дѣлу, или тѣхъ которыхъ пошлете, а ему будетъ пригоже чинити. Да слышалъ есми, господа, что въ прошлую недѣлю, сентября въ 3 день, нарядъ короля Свейского подъ городъ подо Псковъ привезенъ, а въ осмой день сентября изъ наряду почали бити по городу въ четырехъ мѣстахъ. И я такимъ вѣстемъ подивился изъ неправедныхъ дѣлъ королевскихъ, потому что писалъ онъ ко мнѣ августа во 2 день сюда въ Новгородъ, послѣ моего пріѣзда изъ Ругодива, грамоту за своею рукою и печатью, объявляя мнѣ, что нѣкоторыми причины послы послѣ его не могли быти на реченое время. Да и только вы великіе послы подъѣдете въ то время, и мнѣ бы васъ обнадежити королевскимъ именемъ, что послы его будутъ на готовѣ часа того; да и чтобъ у васъ жедалъ я, чтобъ съѣзду не съѣзжали покамѣста доброе дѣло начнетца да и совершитца; и тѣмъ меня об-

надежилъ вѣрити ему, что онъ подвиженъ къ миру, что онъ въ грамотѣ своей ко мнѣ вѣрно и крѣпко обѣтъ свой королевской далъ, что никоторого утѣсненья городу Пскову не хотѣлъ учинити покамѣста извѣдаетъ, что отъ васъ великихъ пословъ на съѣздѣ въ нынѣшнихъ дѣлахъ отродитца. И нынѣ онъ король свой обѣтъ порушилъ, къ своему безчестью и къ невѣркѣ. А тотъ листъ его у меня за его рукою и печатью. А сколько я у нихъ ни былъ, и я у нихъ правды мало находилъ. И то я вамъ великимъ господамъ годно видѣлъ объявити, что вамъ вѣдати, какъ пригожей въ нынѣшнихъ дѣлахъ промышляти. А списокъ, господа, съ той грамоты давно я послалъ къ великому государю царю и великому князю Михаилу Өедоровичу всеа Русіи самодержцу, и нынѣ съ той грамоты списокъ посылаю къ вамъ великимъ посломъ, подклея подъ ту грамоту, чтобъ вамъ вѣдомо было. Да думаю я, господа, дни за два или за три или за четыре отсюды поити въ Старую Русу, и какъ я извѣдаю о вашемъ приходѣ къ Осташкову, я и впередъ пойду, чтобъ мнѣ съ вами великими послы съѣхатца. А короля Свейскаго послы со мною будутъ вмѣстѣ. Писана въ Новѣгородѣ лѣта 6124, Сентября въ 12 день. А послѣ, господа, сего письма присылали ко мнѣ послы Свейскіе о томъ говорити, чтобъ одноличпо съѣздъ учинити межъ Осташкова и Старые Русы въ Ондрѣевѣ деревнѣ Палицына, въ Симановѣ. А имъ нельзѣ съѣхатца и подиятца не пачемъ.

———

№ 37.

ПИСЬМО АНГЛІЙСКАГО ПОСЛА МЕРИКА КЪ РУССКИМЪ УПОЛНОМОЧЕННЫМЪ ПРИ ПЕРЕГОВОРАХЪ.

(Изъ Посольскихъ Книгъ).

Божіею милостію великого государя царя и великого князя Михаила Ѳедоровича, всеа Русіи самодержца, великимъ посломъ, господамъ: окольничему и намѣстнику Суждальскому князю Данилу Ивановичу, да дворянину и намѣстнику Шатцкому Олексѣю Ивановичу, да царского величества дьякомъ Миколаю Микитичу, Добрынѣ Семеновичу, великого государя царя и великого князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи его царского величества возлюбленного брата Якуба, Божіею милостію Великіе Британіи Французского и Ирлянского короля, оборонителя вѣрѣ крестьянской, его королевского величества посолъ Иванъ Мерикъ челомъ бьетъ. Грамота, господа, ваша великихъ пословъ писана въ Осташковѣ, сентября въ 20 день, съ гонцомъ вашимъ ко мнѣ пришла сентября жъ въ 25 день, и того жъ господа дни пріѣжжали ко мнѣ, послѣ стола, на подворье Яковъ Пунтусовъ, Индрикъ Горнъ, Арвей Тюнюсенъ да Монша Мартыновъ. И я, господа, по вашему письму великихъ пословъ имъ объвлялъ, что они въ письмѣ своемъ съ гонцомъ вашимъ съ Васильемъ Кривскимъ да съ Нѣмчиномъ съ Томосомъ Шрувомъ противъ вашіе грамоты писали въ своей грамотѣ многіе непригожіе слова мимо прежнихъ обычаевъ; да что они великого государя вашего царя и великого князя Михаила Ѳедоровича, всеа Русіи самодержца, пишутъ безъ царского именованья и безъ титла. И они мнѣ на то отвѣчали по прежнему своему обычаю, что де вы, великіе господа, къ нимъ пи-

шете тѣмъ же обычаемъ, короля ихъ имя и титлы не описуете; и что я ни говорилъ, однако они упрямилися о писаніи имени и титла великого государя царя и великого князя Михаила Ѳедоровича, всеа Русіи самодержца, и его царского величества отчинѣ Владимерского и Московского и Ноугороцкого и прочихъ. Много я о томъ съ ними говорилъ, а въ забвенье не ставилъ всякіе дѣла, которые бъ съ царского величест а стороны пригоже были. толко они мнѣ отвѣчали по своему хотѣнью. Толко однако царского величества имя почиталъ съ честью и говорилъ, господа, я имъ, что пригоже будетъ толко станутъ описывати съ обѣихъ сторонъ имяна и титлы обѣихъ государей по прежнему обычаю, и они.... отъ того не отговариваютъ; толко имъ не хочетца начала учинити, хотя было годно имъ начало учинить доброму дѣлу, доброе начало показать нынѣшнему дѣлу. И по многимъ, господа, рѣчемъ они кабы придвижни стали къ доброму дѣлу, хотятъ, господа, они къ вамъ великимъ посломъ нынѣ писати, токо не вѣдаю, которымъ обычаемъ. Да говорилъ, господа, я съ ними объ опасномъ листу, что царского величества имя и титлы написаны на короткѣ, какъ прежъ сего, господа, писалъ я къ вамъ великимъ посломъ, что и то одва могъ я добитца у короля. А толко будетъ вамъ, господа, великимъ посломъ тотъ опасный листъ не пригоже видитца, и я съ ними на томъ положилъ, что съѣздъ и мѣсто укрѣпити съ обѣихъ сторонъ крестнымъ цѣлованьемъ, по вашему письму ко мнѣ о томъ, и для того, господа, писалъ я государя своего къ дворянину къ Томасу Ондрѣевичу Смиту, чтобъ онъ въ томъ дѣлѣ тутъ былъ помоченъ. А нынѣ, господа, Яковъ Пунтусовъ Делегардъ о васъ великихъ послѣхъ и о вашемъ роду ничего

не говорилъ, а охотенъ съ вами совѣтовати. Да многими, господа, мѣрами о томъ Яковъ говорилъ, чтобъ быти Свейскимъ посломъ съ вами великими послы на съѣздномъ мѣстѣ на Пескахъ, и они мнѣ то сказали, что никакъ имъ нельзя съ запасомъ и съ рухлядью поднятца до тѣхъ мѣстъ, — что вода мелка. И многое, господа, время я съ ними говорилъ о томъ, толко еще допряма не договорилися, чтобъ быти съѣзду на Пескахъ; а толко будетъ впредь могу ихъ уговорити, и я всякими мѣрами буду промышлять. Толко, будетъ, господа, возможно судамъ дойти до Песковъ, и я начаюся ихъ къ тому привести. А роспись, господа, дорогѣ водянымъ путемъ до Песковъ дошла до меня, и я изъ той росписи гораздо изразумѣлъ дорогу ту. А что, господа, вы великіе послы пишете, чтобъ дворянину государя моего короля Великіе Британіи Томосу Ондрѣевичу Смиту тутъ же быти на отданьѣ и на взятьѣ опасныхъ листовъ на Пескахъ и царского величества съ дворяны, которые будутъ отъ васъ великихъ пословъ посланы, совѣтовати, и я господа въ наказѣ своемъ прежъ сего велѣлъ ему съ дворяны вашими великихъ пословъ совѣтовати и безъ ихъ вѣдома ничего не учинити и въ томъ бы дѣлѣ быти ему помощну, сколько ему милосердый Богъ помощи подастъ. А нынѣ, господа, я изнова писалъ о томъ же, да велѣлъ ему съ вами великими послы видѣтца; и что, господа, вы его поволите о чемъ спросити и ему вѣдомо будетъ, и онъ господа вамъ великимъ посломъ радъ объявити будетъ. Да я жъ, господа, объявлялъ Якову Делегарду съ товарищи, что они писали къ вамъ царского величества великимъ посломъ въ своей грамотѣ, что будто государь ихъ Свейской король къ великому государю моему къ Англинскому и Шкотцкому къ

Якубу королю не писывалъ и не посылывалъ, чтобъ государя ихъ государь мой, Якубъ король, съ великимъ государемъ вашимъ царскимъ величествомъ ввелъ въ дружбу и въ любовь и въ третьихъ вступился промежъ ихъ государей всякіе розни и споры разсужати; а грамота, господа, королевская, какову онъ писалъ король Свейской къ государю моему королю Великіе Британи, противъ его государевы грамоты къ нему, списокъ у меня съ нее есть, что онъ государя моего въ третьихъ принялъ и добрѣ тому радъ былъ, что государь мой въ то великое дѣло вступился. А изъ грамоты той вѣстно будетъ и имъ того нельзя заперетца. Да и то, господа, я имъ говорилъ, что они васъ великихъ пословъ въ забвенье ставятъ, имянъ вашихъ и титлъ не описують и васъ тѣмъ безчестятъ. и они, господа, мнѣ на то отвѣчали: мы де имяна и титла дадимъ имъ писати, толкобы они намъ также сысполна писали. А нынѣ, господа, то вамъ объявитца, какъ они въ нынѣшней своей грамотѣ станутъ къ вамъ писать; толко, господа, я не вѣдаю, какъ они станутъ къ вамъ писати, и пошлютъ ли съ гонцомъ вашимъ съ Иваномъ Софоновымъ?— то не вѣдаюжъ. Да выжъ, господа великіе послы, мнѣ объявляете, что Свейскіе послы меня не по достоинству пишутъ, и я то себѣ ни во что ставлю: честь мнѣ дана отъ великого моего государя, а имъ того у меня не умѣть отняти. Да и не дивлюся, господа, я тому, что они такъ пишутъ, потому что имъ на меня не любо: какъ имъ лучитца говорити про царское величество и про васъ великихъ пословъ про нынѣшнее дѣло непригоже, и я ихъ встрѣчаю прямою правдою и самому я королу въ томъ не молчалъ и ему за то на меня не любо стало. Токо я вѣдаю отъ кого я посланъ; а не устыжуся правды говорити,

хотя я вѣдаю, что имъ на меня не любо будетъ. А нынѣ, господа, они показуютъ себѣ, да и мнѣ то вмолвити хотятъ, будто они радѣютъ нынѣшнему доброму дѣлу къ мирному и доброму концу привести, и какъ Богъ принесетъ къ съѣзжему мѣсту, и то ихъ радѣнье въ тѣ поры объявитца, и я о томъ Бога молю нештобъ такъ осталось; а мое радѣнье и промыслъ въ нынѣшнихъ дѣлахъ Богъ вѣсть, что на семъ свѣтѣ иного ничего не жадаю, опричь того, чтобъ помочью Божіею и имянемъ государя моего, короля Великіе Британіи, и моею работою и радѣньемъ, дѣло то къ доброму и мирному концу пришло, великому государю царю и великому князю Михаилу Өеодоровичу, всея Русіи самодержцу, къ доброхотѣнью и къ благодати;— о томъ у всемогущаго Бога молю. Да гонца, господа, вашего Ивана Софонова по вашему письму, сколь скоро мнѣ мочно было, къ вамъ великимъ посломъ, не задержавъ его, отъ себя отпустилъ съ сею грамотою. Да начаюсь, господа, дни за два съ Яковомъ съ Пунтусовымъ и съ его товарищи отсюду пойти къ съѣздному мѣсту съ Божіею помощію. Я бы, господа, и прежъ сего отсюды ѣхалъ, только дожидался королевского дворянина, которого я послалъ по государеву указу подо Псковъ къ королю Свейскому; и нынѣ тому осмой надесять день, какъ онъ отсюды поѣхалъ и я дивлюся зачѣмъ онъ мѣшкаетъ, а ожидаю я его по вся часы. Да пришолъ господа въ Ругодивъ посолъ Галанской, а говорятъ, что ему ѣхати на нынѣшнейже съѣздъ, а послалъ онъ отъ себя гонца къ королю подо Псковъ, какъ ему укажетъ: къ себѣ ли велитъ ѣхать, или сюда на съѣздъ? А то мнѣ Яковъ Делегардъ сказывалъ. Да здѣ, господа, изъ темницы выпросилъ полонянника Ржевитина, сына боярского Ивана Данилова сына

Моклокова, а отселево я его отпустилъ съ гонцомъ вашимъ съ Иваномъ Софоновымъ; и вамъ бы, господа, его къ великому государю царю и великому князю Михаилу Ѳедоровичу всея Русіи самодержцу отпустити къ Москвѣ, по его ко мнѣ прошенью. Писана ся грамота въ великомъ Новѣгородѣ, лѣта 6124, Сентября въ 26 день.

№ 38.

СПИСОКЪ СЪ ГРАМОТЫ, КАКОВА ПОСЛАНА КЪ АНГЛІЙСКОМУ ПОСЛУ.

Божіею милостію великого государя царя и великого князя Михаила Ѳедоровича, всея Руссіи самодержца, Владимерского, Московского, Ноугороцкого, царя Казанского царя Астороханского, царя Сибирского, царя Псковского великого князя Смоленского, Тверского, Югорского, Пермского, Вяцкого, Болгарского и иныхъ, государя и великого князя Новагорода Низовскіе земли, Черниговского, Резанского, Ростовского, Ярославского, Бѣлозерского, Лифляндского, Удорского, Обдорского, Кондійского и всея сѣверныя страны повелителя и государя Иверскія земли, Карталинскихъ и Грузинскихъ царей и Кабардинскіе земли, Черкаскихъ и Горскихъ князей и иныхъ многихъ государствъ государя и обладателя, брата нашего любительного, великого государя Якуба короля Аглинского и Шкоцкого и Хибирского и иныхъ послу князю Ивану Ульяновичу Мерику, рыцарю, королевского величества тайные думы дворянину. Писали нашему царскому величеству послы наши великіе, окольничей нашъ и намѣстникъ Суздальской князь Данило Ивановичь Мезецкой съ товарищи, и прислали твою отписку, которую еси писалъ къ намъ великому государю съ толмачемъ своимъ съ Романомъ; а писалъ еси къ нашему царскому величеству про Свейского короля неправду, что нарядъ къ нему подъ нашу царского величества отчину подо Псковъ привезли, а надо Псковомъ промышляетъ, изъ наряду учалъ бить; и что ты о томъ говорилъ діаку Моишѣ Мартынову, и что Моиша тебѣ говорилъ, и которого числа Свейского короля

дворяня, и сколько ихъ, и толмачь съ опаснымъ листомъ поѣхали противъ нашего царского величества дворянъ, которые будутъ отъ пословъ нашихъ съ опаснымъ листомъ, и что ты съ ними послалъ отъ себя государя своего Якуба короля дворянина Томаса Смита, и какъ самъ думаешь итти къ Старой Русѣ, и которого ты числа сентября къ королю подо Псковъ послалъ, — и намъ великому государю то все вѣдомо. Да тыжъ къ намъ великому государю въ своей отпискѣ писалъ, какъ ты отъ нашего царского величества съ Москвы къ Свейскимъ людемъ пріѣхалъ, и ты никоторые правды у нихъ не видалъ и толкобъ не опасался ты нашіе царскіе опалы, и тыбъ тамъ ни часу не жилъ, и о томъ дожидался нашего царского величества указу: и мы великій государь, видячи къ себѣ твою службу и радѣнье, въ томъ тебя похваляемъ и та твоя служба и радѣнье у нашего царского величества, николи забвена не будетъ. А Свейского короля многіе неправды самъ ты ужъ подлинно видишь, что они все дѣлаютъ неправду и злымъ умысломъ и въ своемъ словѣ ни въ чемъ не стоятъ: и брата нашего любительного великого государя твоего Якуба короля обезчестилъ и тебя посла, присланого по его прошенью, поставилъ ни во что, ни въ одномъ ни въ маломъ ни въ чемъ тебя не послушалъ. А въ чемъ тебѣ Свейской король изязался и слово тебѣ далъ, и онъ и въ томъ во всемъ солгалъ и тѣмъ государю твоему безчестье и отъ иныхъ великихъ государей въ зазрѣнье учинилъ. И ты бъ князь Иванъ Ульяновичь объ нашемъ царского величества дѣлѣ порадѣлъ и за брата нашего любительного, великого своего государя Якуба короля, и за свой позоръ стоялъ и къ королю бъ еси еще писалъ нарочно и пословъ его всякими мѣрами

уговаривалъ, чтобъ отъ нашіе царского величества отчины ото Пскова шолъ прочь, а доброму дѣлу, которое межъ насъ зачалось, помѣшки тѣмъ не чинить: и къ брату бъ еси нашему, къ великому государю своему Якубу королю, еще отъ себя кого пригожъ, кого бъ съ такое дѣло стало, послалъ и объ Свейского короля многихъ неправдахъ, что онъ по ся мѣста дѣлаетъ: брата нашего, великого государя твоего Якуба короля, обезчестилъ; тебя посла его, присланного по его прошенью ни въ чемъ не послушалъ и посольство твое ни во что поставилъ. А въ чемъ и нзязался, и онъ въ томъ не устоялъ, о всемъ бы тебѣ о томъ отписать и приказати подлинно. Будетъ Свейской король нынѣ тебя не послушаетъ, отъ нашіе отчины ото Пскова не отойдетъ, и тыбъ королю, толко будетъ будешь при немъ, отказалъ, а будетъ при немъ не будешь, и тыбъ посломъ его выговорилъ. Самъ онъ Свейской король къ брату нашему любительному къ великому государю твоему къ Якубу королю прислалъ, чтобъ Якубъ король въ то дѣло вступился, насъ великого государя съ нимъ ввелъ въ дружбу и въ любовь, а нашибъ государства въ умиренье, чтобъ кровь крестьянская на обѣ стороны не лилась; и братъ нашъ любительный, великій государь твой Якубъ король, по его присылкѣ, послалъ тебя, посла своего великого, и велѣлъ тебѣ итти къ нашему царскому величеству, а отъ насъ къ нему Свейскому королю о добромъ дѣлѣ, чтобъ межъ насъ великого государя и межъ имъ и межъ нашими государствы на обѣ стороны миръ и покой учинити. И ты по государя своего наказу у нашего царского величества былъ, и намъ великому государю о томъ говорилъ, и намъ напоминалъ, чтобъ мы великій государь, для брата нашего любительного великого

государя твоего Якуба короля, съ нимъ похотѣлъ дружбы и любви, и межъ государствъ покоя и тишины, и слатибъ намъ великому государю съ его послы на съѣздъ нашихъ великихъ пословъ о добромъ дѣлѣ говорити и становити. И мы великій государь, какъ есть великій крестьянскій милосердый государь, для брата нашего, великого государя вашего Якуба короля любви, на доброе дѣло склонилисъ, миру и любви съ Свейскимъ королемъ и межъ государствъ быти покою и тишины похотѣли, и тебя, по государя твоего наказу, къ нему отпустили, и ты напередъ себя послалъ къ нему государя своего дворянина Томаса Смита, и про свой приходъ обестилъ. И тотъ государя твоего дворянинъ засталъ Свейского короля въ Стекольнѣ и онъ тебѣ къ себѣ итти велѣлъ, а самъ Свейскій король изъ Стеколни пошелъ къ рубежу на розлитіе крови крестьянскіе; а ты его засталъ въ Ругодивѣ и, по государя своего наказу, ему исправилъ и о добрыхъ дѣлѣхъ и о миру и о покоѣ, о чомъ онъ присылалъ къ государю твоему, говорилъ, и онъ твое посольство поставилъ ни во что и тѣмъ великому государю твоему насмѣялся, и тебя посла великого опозорилъ: не токмо къ миру сшелъ, на большое кровопролитье устремился, чего до государя твоего присылкѣ отъ него не было, то зачалъ; къ нашего царского величества отчинѣ ко Пскову пошелъ ратью съ нарядомъ, а нынѣ подъ нашего царского величества отчиною подо Псковомъ стоитъ и надъ нимъ промышляетъ, изъ наряду по городу стрѣляетъ и во всемъ тщитца къ кроворозлитью, а не къ доброму дѣлу. И ты о томъ къ государю своему послалъ, и тебѣ ужъ у нихъ дѣлати нечего и дѣлати съ ними и говорити, видячи ихъ неправды, ни о чомъ не хочешь; что съ ними говорити, то болши государю

твоему отъ нихъ безчестье, а тебѣ его великому послу позоръ и отъ стороннихъ государствъ коръ и зазрѣнье. А хотябъ и тебя великого государя посла тутъ не было и Свейскому было королю тожъ зло намъ и нашему Московскому государству дѣлати, что нынѣ при тебѣ дѣлаетъ, а больши того дѣлати нельзя. Ты мнишь, что то сталось твоимъ пріѣздомъ и тебѣ съ ними никакъ ни о чемъ дѣлати не мочно, а пожидаешь тутъ нынѣ отъ государя своего вѣсти противъ своего письма, а дождався отъ государя своего вѣсти къ нашему царскому величеству, а у нихъ тебѣ быти неучего. И выговорить тебѣ имъ ихъ неправды пожесточая, какъ тебѣ Богъ вразумитъ, смотря по ихъ мѣрамъ, и дѣлать, чтобъ брату нашему любительному, великому государю твоему, отъ того и ото всѣхъ окрестныхъ государей зазрѣнья и позору не было; да ни о чемъ бы ужъ, князь Иванъ Ульяновичь, тебѣ съ ними не говорить, толко въ нихъ сходства къ доброму дѣлу не будетъ. А будетъ Свейской король и его думные люди учнутъ тебѣ о томъ говорити, чтобъ тебѣ межъ нашихъ великого государя и Свейского короля пословъ быти, и дѣлати на обѣ стороны, и къ миру и къ покою приводить, и тыбъ имъ, ихъ неправды выговаривая, говорилъ, что пристать къ нимъ нельзя: по ся мѣста сходительства къ доброму дѣлу отъ государя ихъ и отъ нихъ не видалъ. И будетъ только они въ томъ свое слово прямое дадутъ и въ томъ своемъ словѣ устоятъ, что ты съ которые стороны межъ насъ узнаешь чью неправду и учнешь о томъ которымъ нашимъ посломъ говорити, и имъ бы тебя въ томъ слушать и на твоемъ словѣ въ тѣхъ дѣлехъ перестать; да будетъ дадутъ тебѣ въ томъ слово свое крѣпкое что тебя имъ слушати: и тыбъ, князь Иванъ

Ульяновичь, на съѣздѣ съ нашими и съ Свейскими послы былъ и о нашихъ дѣлѣхъ радѣлъ и промышлялъ, на доброе дѣло короля и пословъ его приводилъ, какъ тебя Богъ вразумитъ и какъ бы нашему царскому имени къ чести и къ повышенью, а великимъ государствамъ нашимъ къ прибавленью а не къ убытку; и дѣлать бы вамъ во всемъ, смотря по тамошнему дѣлу, какъ бы намъ великому государю прибыльнѣе; а служба твоя и радѣнье у насъ великого государя памятна будетъ на вѣки. Да что съ тобою Свейскіе послы противъ сей нашей громоты поговорятъ, и тебѣ бъ о томъ тотчасъ къ намъ отписати, а самомубъ тебѣ подождати тутъ нашего указу. Писана государствія нашего дворѣ, въ царствующемъ градѣ Москвѣ, лѣта отъ созданія міру 6124, октября мѣсяца.

ОПЕЧАТКИ.

Стр. 96 пр. 31. Въ Дополн. къ Акт. Ист. № 40 читай Т. II № 40.

Стр. 103 пр. 65. Мерикъ прибылъ въ Москву въ апрѣлѣ 1615 г. читай въ мартѣ 1616.

Стр. 105 пр. 79. Ист. Акты № 284 читай Т. III № 284.

2007231539

